

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Палехова Ольга Владимировна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССУЖДЕНИЯ
В ДИАЛОГЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Ю.Г. Тимралиева

Санкт-Петербург – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	16
1.1. Рассуждение как единица коммуникации.....	16
1.1.1. Типы речи в риторике и лингвистике.....	16
1.1.2. Рассуждение как тип речи.....	22
1.1.3. Функции и характер рассуждения.....	25
1.1.4. Структура рассуждения.....	27
1.1.5. Лексико-грамматические средства оформления рассуждения.....	29
1.1.6. Способы убеждения адресата в пропозиции знания и мнения.....	33
1.2. Диалог как функциональная разновидность языка.....	37
1.2.1. Понятие диалога.....	37
1.2.2. Общая характеристика диалогической речи.....	39
1.2.3. Структура диалога.....	41
1.2.4. Виды диалога.....	43
1.3. Медиадискурс как сфера реализации диалога.....	45
1.3.1. Понятие медиадискурса.....	45
1.3.2. Общая характеристика медиадискурса.....	46
1.3.3. Диалогические жанры в средствах массовой информации.....	48
Выводы по Главе 1.....	50
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАССУЖДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ.....	53
2.1. Коммуникативное взаимодействие собеседников и его влияние на рассуждение в диалоге.....	53
2.1.1. Симметричность знаний по обсуждаемой проблеме.....	56
2.1.2. Асимметричность знаний по обсуждаемой проблеме.....	58
2.2. Коммуникативные модели развертывания рассуждения в диалоге.....	59
2.2.1. Модели с утверждением в инициирующей реплике.....	64
2.2.1.1. Модель: Г ₁ (мнение/утверждение) → Г ₂ (+/[+] + обоснование).....	64
2.2.1.2. Модель: Г ₁ (мнение/утверждение) → Г ₂ (-/[+/-] + обоснование).....	66

2.2.1.3. Модель: Γ_1 (мнение/утверждение) \rightarrow Γ_2 (оценка/обоснование)	68
2.2.2. Модели с утверждением и запросом в инициирующей реплике.....	69
2.2.2.1. Модель: Γ_1 (мнение/утверждение + уточнение вывода) \rightarrow Γ_2 (+/- + обоснование)	69
2.2.2.2. Модель: Γ_1 (мнение/утверждение + запрос пояснения) \rightarrow Γ_2 (обоснование)	73
2.2.3. Модели с запросом в инициирующей реплике.....	75
2.2.3.1. Модель: Γ_1 (запрос или уточнение мнения либо вывода) \rightarrow Γ_2 ([+/-] + обоснование)	75
2.2.3.2. Модель: Γ_1 (запрос примера/пояснения) \rightarrow Γ_2 (обоснование) ...	79
Выводы по Главе 2.	84
ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССУЖДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ.....	86
3.1. Синтаксические средства оформления рассуждения в диалоге	86
3.1.1. Рассуждение в простых и сложных предложениях.....	90
3.1.1.1. Реализация рассуждения в простых предложениях.....	90
3.1.1.2. Реализация рассуждения в сложноподчиненных предложениях	98
3.1.2. Синтаксический характер инициирующих и реагирующих реплик	103
3.1.2.1. Исходная реплика, представленная утвердительным предложением (собственно утверждением).....	103
3.1.2.2. Исходная реплика, представленная неместоименным вопросом	110
3.1.2.3. Исходная реплика, представленная местоименным вопросом	111
3.2. Морфологические средства рассуждения в диалоге	120
3.3. Лексические маркеры рассуждения в диалоге.....	123
3.3.1. Лексические маркеры ссылки на источник информации.....	124
3.3.2. Лексические маркеры объяснения/ обоснования	129
3.3.3. Лексические маркеры пропозиции мнения и знания.....	135
3.3.4. Лексические маркеры оценки.....	137
3.3.5. Лексические маркеры причины и следствия	144

3.3.6. Лексические маркеры уступки	158
3.3.7. Лексические маркеры условия	161
Выводы по Главе 3	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	170

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная лингвистика, рассматривающая язык как условие и средство коммуникации, представляет собой одно из приоритетных направлений современного языкознания. В фокусе внимания многих исследователей находится комплекс проблем, связанных с речевым взаимодействием в разных сферах человеческого общения, в том числе рассмотрение стратегий и тактик речевого воздействия, выявление способов и средств их реализации в разных сферах языкового употребления.

Настоящее диссертационное исследование посвящено комплексному описанию рассуждения в диалоге в современном немецкоязычном медийном дискурсе. Сложная и многоаспектная природа рассуждения как коммуникативного феномена приводит к существованию различных подходов к его трактовке. Рассуждение рассматривается в качестве функционально-смыслового типа речи [Нечаева 1974; Одинцов 1980; Солганик 1991; Трошева 2014], функционального типа текста [Кожин 1982], композиционно-речевой формы [Виноградов 1963; Брандес 1983; Рымжанова 1983; Подкидышева 1988; Блох 1992; Гончарова 2005], речевой формы [Kayser 1973], способа изложения [Fleischer, Michel 1977; Gelfert 1993], типа текста [Хамаганова 2010].

В данной работе под рассуждением понимается тип речи, схватывающий и объясняющий причинно-следственные связи происходящего, вскрывающий причинную зависимость одного признака предмета или явления от другого, раскрывающий части целого в их логической последовательности таким образом, что адресат может проследить путь познания и доказательства, следуя за ходом мысли собеседника. В работе исследуются коммуникативно-прагматический потенциал и лексико-грамматические особенности рассуждения в диалоге, который понимается как непосредственное, взаимонаправленное общение, состоящее из последовательного чередования стимулирующих и

реагирующих реплик. В качестве коммуникативной сферы выбран медийный дискурс, представляющий собой совокупность текстов, функционирующих в средствах массовой коммуникации.

Степень разработанности научной проблемы

Рассуждение традиционно рассматривалось большинством исследователей на примере монологических текстов [Бессмертная 1972; Нечаева 1974; Калинина 1978; Зиновьева 1983; Рымжанова 1983; Якубова 1988; Хамаганова 2010 и многие другие]. Рядом ученых предпринимались попытки рассмотрения рассуждения в речи переходного типа между диалогом и монологом [Еремина 2004; Кучинский 1983]. Однако эти попытки сводились к изучению рассуждения в рамках внутреннего диалога говорящего с самим собой, который не может рассматриваться в качестве полноценного диалога, представляющего собой непосредственный обмен высказываниями между собеседниками. Серьезные исследования рассуждения на материале диалогических текстов в отечественной и зарубежной германистике не проводились.

Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена отсутствием комплексных исследований, рассматривающих рассуждение в диалогической речи, в том числе:

а) необходимостью исследования коммуникативно-прагматических установок, диктующих логику развертывания рассуждения в диалогическом общении;

б) перспективностью выделения типичных коммуникативных моделей развертывания рассуждения в диалогическом общении;

в) потребностью выявления средств современного немецкого языка, при помощи которых осуществляется эксплицитное или имплицитное воздействие собеседников друг на друга в процессе рассуждения в диалоге.

Согласно **гипотезе** исследования, рассуждение в диалоге имеет свои специфические черты, отличные от рассуждения в монологической речи, представляющей собой развернутое высказывание одного лица и

ориентированной на пассивно воспринимающего речь адресата. В диалоге участники коммуникации активно взаимодействуют друг с другом, идет постоянная смена роли говорящего и слушающего. При этом реплики не просто следуют друг за другом, они дополняют друг друга, соотносясь между собой как семантически, так и структурно. Это влияет на выбор коммуникативных стратегий и находит отражение в языковом оформлении высказываний.

Основная цель исследования заключается в определении коммуникативно- прагматического потенциала и выявлении лексико-грамматических характеристик рассуждения в диалоге в современном немецкоязычном медиадискурсе.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) описать существующие теоретические подходы к рассмотрению рассуждения в лингвистике, выявить виды и функции рассуждения, проанализировать структуру рассуждения;

2) определить понятие диалога, выявить ключевые характеристики диалогической речи, рассмотреть структуру и виды диалога;

3) рассмотреть медиадискурс как сферу реализации диалога, провести анализ диалогических жанров в современных немецкоязычных медиатекстах;

4) проанализировать коммуникативные тактики ведения диалога, обусловленные коммуникативными намерениями участников коммуникации, выявить продуктивные модели развертывания рассуждения в диалоге в текстах современных немецкоязычных СМИ;

5) рассмотреть языковую структуру рассуждения в диалоге, выявить продуктивные синтаксические структуры, морфологические формы, лексические маркеры, участвующие в реализации рассуждения в диалоге в современном немецкоязычном медиадискурсе.

Объектом исследования является диалог в немецкоязычных средствах массовой информации, реализуемый в аналитическом интервью и в интервью-беседе.

Предметом исследования являются способы и средства реализации рассуждения в диалоге в современном немецком языке.

Теоретическую базу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых по:

- теории коммуникации (В.Г. Адмони, М.М. Бахтин, Т.Г. Винокур, В.Г. Гак, Р.Г. Гроотендорст, В.Д. Девкин, Ф.Х. ван Еемерен, В.И. Коньков, А.А. Кибрик, Л.М. Михайлов, Ф.И. Шарков, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.);

- прагматике (М.Я. Блох, Е.И. Варгина, И.А. Еремина, Л.А. Киселева, В.И. Коньков, А.Т. Кривоносов, А.Ю. Маслова, А.К. Михальская, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, К.А. Филиппов, Л.П. Чахоян, W. Dressler, J. Searle и др.);

- лингвистике текста и дискурса (Н.Д. Арутюнова, Л. Гаузенблаз, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, А.А. Кибрик, Г.Г. Почепцов, В.Е. Чернявская, Р.О. Якобсон, Т. van Dijk, Н.Р. Grice, Н. Henne, Н. Rehbock, J.R. Searle, Н. Weinrich и др.);

- функциональной стилистике (Н.Б. Бессмертная, В.В. Виноградов, М.П. Брандес, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Е.А. Гончарова, Г.А. Золотова, Э.П. Калинина, А.Н. Кожин, О. А. Крылова, О.А. Нечаева, В.В. Одинцов, И.В. Подкидышева, Г.Я. Солганик, Н.И. Токко, К. Brinker, W.U. Dressler, Н. D. Gelfert, W. Heinemann, W. Kayser, G. Michel, E. Riesel, B. Sandig, E. Schendels, B. Sowinski, W. Fleischer и др.);

- медиалингвистике (И.В. Анненкова, И.М. Дзялошинский, Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, М.Ю. Казак, А.Д. Кривоносов, М.А. Пильгун, М.Г. Цуциева и др.).

Методологическая основа исследования. Цель и задачи настоящего исследования определили выбор общенаучных и лингвистических методов исследования: аналитико-описательный метод для анализа научной

литературы по теме исследования; метод сплошной выборки для отбора в текстах журнального аналитического интервью и интервью-беседе текстов рассуждения, составляющих материал исследования; ситуативно-интерпретационный метод для осмысления и систематизации отобранных в результате исследования фрагментов рассуждения; метод контекстуального анализа для выявления функциональной специфики языковых элементов в ситуации речевого взаимодействия и воздействия; метод лингвистического моделирования для выявления продуктивных моделей развертывания рассуждения в диалоге; коммуникативно-прагматический метод для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации для достижения своих целей; лингвостилистический метод, включающий в себя элементы синтаксического, морфологического и лексико-семантического анализа; метод количественных подсчетов для установления относительной частотности употребления лексико-грамматических маркеров в структуре рассуждения.

Материалом для исследования послужили 346 текстов интервью и бесед из немецкоязычных средств массовой информации – журналов Spiegel (1993-2021), Spiegel Wissen (2014-2020), Stern (2000-2003), Fokus (2005-2007), Junge Welt (2000), Frankfurter Rundschau (2000), Wirtschaftswoche (2008-2009), Kulturaustausch (2019). Общий объем текстов интервью и интервью-бесед составляет 691 страницу.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на теоретические работы отечественных и зарубежных ученых, отобранные в соответствии с целями и задачами исследования, использованием адекватных методов анализа рассматриваемого материала, а также репрезентативным корпусом примеров, собранным методом сплошной выборки из современных немецкоязычных СМИ, в том числе репрезентативным объемом иллюстративного материала, представленного в тексте диссертации.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности

В соответствии с формулой специальности 10.02.04 – «Германские языки» в рамках диссертационной работы осуществляется исследование теоретических и функциональных аспектов западной подгруппы германских языков, а именно анализ состояния современного немецкого языка в аспекте диалогической коммуникации. Научные результаты соответствуют таким областям исследований в указанном паспорте как особенности функционирования различных групп германских языков; функционирование лексических единиц, синтаксический строй, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств германских языков; корпусные исследования германских языков. В рамках исследования создан и проанализирован корпус примеров современных немецких медиа текстов, рассмотрено функционирование современного немецкого языка в пространстве немецкоязычного медиадискурса, выявлены характерные для рассуждения в диалоге лексические средства и синтаксические конструкции.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе на основе анализа текстов современного немецкоязычного медиадискурса впервые комплексно рассматривается рассуждение в диалогической речи, в том числе впервые:

- выявляются коммуникативные модели развертывания рассуждения в диалоге в современных немецкоязычных СМИ, отражающие коммуникативный характер иницирующих и реагирующих реплик;
- описываются синтаксические структуры и морфологические формы немецкого языка, характерные для рассуждения в диалоге;
- определяются лексические единицы немецкого языка, выступающие лексическими маркерами рассуждения в диалогической речи.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные лично соискателем:

1. Диалогическая речь как непосредственное, взаимонаправленное общение коммуникантов обуславливает структуру и характер рассуждения,

развертывающегося в репликах обоих коммуникантов, строящих свои речевые высказывания с учетом апперцептивного фона восприятия собеседника. В диалогическом общении адресат сразу реагирует на рассуждения адресанта (возражает, уточняет или запрашивает пример), вследствие чего адресант корректирует свои способы убеждения, изменяет коммуникативные тактики, модифицирует языковое оформление рассуждения.

2. Структура рассуждения в диалоге зависит от коммуникативной ситуации, прежде всего от участников диалога и характера отношений между ними, от наличия у них (одного участника/ обоих участников) фоновых знаний по обсуждаемой проблеме. При симметричности знаний рассуждение строится в равной степени обоими коммуникантами, а диалог разворачивается как беседа по определенной проблеме, во время которой собеседники дополняют рассуждения друг друга. При асимметричности знаний реплики, как правило, неравнозначны по объему, диалог разворачивается как вопросно-ответное единство.

3. Коммуникативно-прагматический потенциал рассуждения в диалоге в текстах современных немецкоязычных СМИ реализуется посредством различных коммуникативных моделей, определяемых характером иницирующих и реагирующих реплик участников диалога. Иницирующая реплика чаще всего содержит констатацию определенного факта, выражение оценки или мнения и/ или запрос обоснования. В реагирующих репликах, как правило, выражается согласие или несогласие, подкрепляемое обоснованием и/ или оценкой, либо сразу предлагается обоснование/ оценка информации иницирующей реплики. Коммуникативный характер иницирующих и реагирующих реплик оказывает непосредственное влияние на языковое оформление рассуждения в диалоге, обуславливая выбор определенных синтаксических структур и лексических средств.

4. Синтаксическая структура рассуждения в диалоге в современном немецкоязычном медиадискурсе характеризуется продуктивностью

вопросительных конструкций, появляющихся в иницирующих репликах для запроса обоснования, и большим удельным весом сложноподчиненных предложений в реагирующих репликах, предлагающих обоснование запрашиваемой информации. Развертывание рассуждения в единстве иницирующих и реагирующих реплик участников диалогического общения создает предпосылки для опущения элементов синтаксической структуры: реагирующая реплика часто строится в виде придаточного предложения с элиминированным главным предложением, так как в качестве логико-семантической опоры выступает предшествующая иницирующая реплика в виде вопроса.

5. Продуктивными морфологическими формами реализации рассуждения в диалоге в текстах современных немецкоязычных СМИ являются презентные формы конъюнктива (Konjunktiv I) и степени сравнения прилагательных и наречий (Komparativ, Superlativ). Презентные формы конъюнктива выступают маркерами цитирования, имплицитными косвенную речь и отсылающими к источнику знания как одному из способов обоснования. Использование прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени обусловлено необходимостью сравнения различных точек зрения по обсуждаемой проблеме и приведения различных оценочных суждений с целью воздействия на собеседника.

6. В качестве лексических маркеров рассуждения в текстах современных немецкоязычных СМИ чаще всего выступают: существительные и глаголы, маркирующие обоснование (Erklärung, Bedeutung, Ursache, Gründe, Wurzel, Beispiel; prägen, bewirken, an etw. liegen), выводное суждение (Bedeutung, belegen, bedeuten, erklären, zu etw. bringen, aus etw. schließen, auf etw. hinweisen, triggieren), а также ссылку на источник информации (Studien, Statistik, Untersuchungen, Umfragen, Forschungen, Lehren, Daten); прилагательные и наречия, маркирующие оценку (extrem, leicht, subjektiv, objektiv, groß, sinnvoll, perspektivlos); союзы и предлоги, маркирующие причинно-следственные связи (da, denn, weil, deshalb, so dass, wenn, damit,

angesichts, wegen, aufgrund, infolge, zufolge, dank, durch, aus, vor, trotz, um...willen), уступку (ungeachtet, trotz, obwohl, trotzdem, zwar ...aber), условие (wenn).

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит вклад в разработку лингвистической теории типов речи, предлагая комплексное описание сущностных характеристик рассуждения и выявление специфики его функционирования в диалоге. Полученные результаты способствуют уточнению положений функциональной стилистики, прагматики немецкого языка и теории диалогической коммуникации и открывают перспективы для дальнейшего изучения рассуждения как типа речи в разных жанрах и дискурсах.

Практическая значимость полученных результатов и выводов состоит в том, что основные положения диссертационного исследования могут найти применение в научной и научно-педагогической практике в ходе реализации образовательных программ по направлению «Лингвистика», в том числе при написании курсовых работ, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, при подготовке лекций, учебных и учебно-методических пособий по функциональной стилистике, лингвистике текста, прагматике, теории коммуникации.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии и перевода СПбГЭУ. Основные положения работы прошли апробацию в виде научных докладов на следующих международных, всероссийских, региональных и внутривузовских конференциях: Международная научная конференция «Deutsch als Business-, Kultur-und Ausbildungssprache» (Красноярск 1998); Межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов СПбГУ (Санкт-Петербург, 1999, 2000, 2001); Всеукраинская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы преподавания иностранных языков для профессионального общения» (Днепропетровск, 2013); Международная конференция при поддержке GeSuS «23. Linguistik-

und Literaturtage in Sankt Petersburg/ Russland: Die Sprachen Mitteleuropas und darüber hinaus» (Санкт-Петербург, 2015); Международная научная конференция «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016); Ежегодная научная сессия ППС СПбГЭУ (Санкт-Петербург, 2013-2021); Всероссийская научная конференция с международным участием «Гуманитарные науки и вызовы нашего времени» (Санкт-Петербург, 2018-2021); Первая всероссийская (национальная) научная конференция с международным участием «Язык и культура в эпоху глобализации» (Санкт-Петербург 2020).

Основные положения диссертации изложены в 21 публикации общим объемом 6 п.л., из которых три статьи опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК (1 п.л.), две статьи в зарубежных изданиях.

Объем и структура диссертации. Диссертация объемом **187** страниц состоит из введения, трех глав, сопровождаемых выводами, заключения, списка использованной литературы. Текст работы содержит 5 таблиц и 4 диаграммы.

Во Введении обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируются основная цель и задачи исследования, описывается теоретическая и эмпирическая база, определяются методы анализа, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования и структуре работы. В первой главе работы вводится понятие рассуждения как одного из типов речи, рассматриваются структура рассуждения, его основные функции и характерные конструкции с пропозицией мнения и знания. Подробно рассматривается диалог как форма активного коммуникативного взаимодействия минимум двух собеседников, а также особенности его реализации в диалогических жанрах медийного дискурса, основной целью которых является оказание воздействия на адресата.

Во второй главе диссертации на основе анализа иницирующих и реагирующих реплик предпринимается попытка выявления наиболее продуктивных коммуникативных моделей развертывания рассуждения в диалоге. В качестве основы для моделирования берется диалогическое единство, трактуемое как когерентная последовательность минимум двух реплик коммуникантов. Моделирование проводится на основе коммуникативно-прагматического подхода изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации для достижения определенных целей. В третьей главе работы осуществляется всесторонний лингвостилистический анализ эмпирического материала, в частности выявляются характерные для рассуждения синтаксические структуры, продуктивные морфологические формы и лексические единицы, участвующие в реализации рассуждения в диалогической речи. В заключении обобщаются результаты анализа, подводятся итоги, делаются выводы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Рассуждение как единица коммуникации

1.1.1. Типы речи в риторике и лингвистике

В современной лингвистике текст рассматривается как базовый элемент лингвистического анализа. В рамках этой «относительно большой по объему значимой единицы языка» [Блох 1992:90] многие лингвисты пытались вычленить меньшие по объему элементы – неделимые конструкции сверхфразового уровня, обслуживающие мыслительную деятельность [Щерба 1957; Нечаева 1974; Хамаганова 2010]. С помощью этих единиц они пытались определить, каким образом человеческое мышление отражается в языковых структурах, в какой взаимосвязи между собой находятся суждения. В качестве основных типов связей между самостоятельными суждениями, образующими текстовые целостности, рассматривались пространственная связь (соположение), временная связь (последовательность) и причинно-следственная связь (каузальность) [Брандес 2004:77]. В соответствии с этими тремя типами связи в лингвистике традиционно выделяют три типа речевых форм: описание, повествование и рассуждение.

Деление речи на описание, повествование и рассуждение восходит еще к риторикам XIX века, которые трактовали их как отдельные роды прозы, как элементы прозаического сочинения [Зеленецкий 1849:107; Квинтилиан 1834:34]. Традиционная риторика была одной из первых наук, рассматривавших описание, повествование и рассуждение как существенные компоненты речи, как способы организации содержания речи, «путь от мысли к слову» [Михальская 1996:121].

Уже в трудах М.В. Ломоносова можно найти попытки выделить способы представления содержания. Он определяет *описание* как «изображение какой-нибудь вещи», *повествование* как «представление деяний», «что после чего было». Основную цель повествования Ломоносов видит в «нравственной мысли» или выводе, приводимом из всего

повествования после развязки истории. Поэтому говорящий должен постоянно отдавать себе отчет в том, *что, кому и с какой целью* он рассказывает [Ломоносов 2017:114].

Что касается рассуждения, то умению хорошо говорить, рассуждая, придавалось особенно большое значение, поскольку искусство строить рассуждение – формулировать, выстраивать и доказывать мнение – считалось основой не только ораторского мастерства, но также и фундаментом искусства полемики, дискуссии, спора, как, впрочем, и любой интересной содержательной беседы.

В русской риторике для обозначения речи-рассуждения использовался специальный термин – «хрия» (греч. *hreiá*). Согласно М.В. Ломоносову, хрия трактуется как «слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь, или действие какого великого человека» [Ломоносов 1810:238]. По мнению Н.Ф. Кошанского, хрия представляет собой «мысль, некое предположение, которое нужно или доказать, как справедливое, или отвергнуть, как ложное» [Общая риторика 1844:50]. Таким образом, одной из функций рассуждения, с точки зрения риториков, выступало объяснение или обоснование поступков людей, а также аргументация речей, произносимых в целях воздействия на адресата.

В зарубежных риториках также традиционно выделялись три основные формы, которые характеризовались следующим образом: «повествование» занимается действием, «описание» – предметами, «рассуждение» – отношением предметов и действий. При этом описание и повествование противопоставлялись рассуждению.

Таким образом, уже в XIX веке рассуждение как тип речи отличалось от описания и повествования своей поликомпозиционностью, поскольку на определенных этапах своего развертывания оно может включать в себя элементы двух других типов речи. Так, например, в качестве зачина или развертывания определенной темы в рассуждении коммуникантами нередко используют элементы сообщения или описания. Сообщение может выступать

как составная часть процесса обоснования, когда рассуждающий приводит подтверждающие суждения. Описание может, например, входить в состав иллюстрации.

В отечественной русистике одним из первых ученых, затронувших в своих работах типы речи, имеющие свои композиционные особенности, был В.В. Виноградов. Автор говорил о необходимости изучения «композиционно-речевой системы произведения» [Виноградов 1963:19] уже в своих ранних работах «К построению теории поэтического языка», «Проблема сказа в стилистике» и других. Однако, говоря о композиционных типах речи, он, во-первых, рассматривал их через призму художественного произведения, а во-вторых, относил их к монологической речи. Так, В.В. Виноградов выделял монолог повествующей окраски, сказовый монолог, монолог ораторский, сценический монолог, монолог размышляющий и т.д. [Виноградов 1963:20].

Вслед за В.В. Виноградовым типы речи трактуются как минимальные единицы монологического высказывания и другими исследователями. В 1970-е гг. в отечественной русистике на смену термину «типы речи» пришел термин «функционально-смысловые типы речи». Этот термин впервые появляется в работах О.А. Нечаевой, разрабатывавшей функционально-смысловой подход для изучения языковых свойств текстовых единиц, обслуживающих «мыслительную деятельность человека на уровне более высоком, чем предложение» [Хамаганова 2010:142]. Термин «функционально-смысловые типы речи», введенный О.А. Нечаевой в отношении описания, повествования и рассуждения, устоялся в русистике. В своем исследовании автор говорит о «монологическом повествовании с развивающимися действиями, монологическом описании с перечислением одновременных признаков в объекте и монологическом рассуждении с причинно-следственными отношениями» [Нечаева 1975:8]. Эти монологические типы речи, с одной стороны, противопоставляются диалогическим высказываниям, к которым часто относят вопросительную и

побудительную речь [Бессмертная 1972; Нечаева 1974; Калинина 1978; Зиновьева 1983], с другой стороны, они противопоставляются и друг другу: темпоральному значению описания и повествования противопоставляется каузальное значение в рассуждении с его средствами структурного оформления, а развивающиеся действия в повествовании специфической структурой.

В более поздних работах функционально-смысловые типы речи рассматриваются уже не просто как минимальные единицы высказывания, а как «структурные единицы текста» [Одинцов 1980], «структурные единицы мышления» [Крылова 1979; Одинцов 1980; Солганик 2000; Кожин 2013], функционирующие как тесные объединения нескольких суждений.

В отечественной германистике 1970-90-х гг. типы речи рассматривались в тесной взаимосвязи с проблемой речевых жанров, в качестве исходных форм создания жанрово-стилистической системы речевого произведения и трактовались как композиционно-речевые формы. По мнению М.П. Брандес, композиционно-речевые формы закладываются в текст уже при его создании, с их помощью происходит оформление и представление информации в тексте. Таким образом, они рассматриваются в качестве логико-речевой основы текста, своеобразного «костяка», на который наслаиваются нужные языковые единицы.

В зарубежной лингвистике в отношении речевых форм существовали разные точки зрения. Так, в немецкой филологии они изначально рассматривались как отдельные фрагменты высказывания, способствующие правильному донесению мысли и соотнесенности речи с действительностью, характер которой обуславливал выбор той или иной формы [Hüjer 1963; Helmers 1967; Riehme 1968]. Позднее за исходную точку анализа берется целое высказывание, его цель и характер [Schmidt 1971].

В 1970-е гг. проблема речевых форм, или *способов изображения (Darstellungsarten)*, начинает рассматриваться в зарубежной лингвистике, так же, как и в отечественной лингвистике, уже не столько в связи с

высказыванием, сколько в русле анализа или интерпретации текста. Так, известные немецкие лингвисты В. Флейшер, Г. Михель, В. Хайнеманн отводят *способам изложения* большую роль как в оформлении, так и в интерпретации текста, рассматривая их в тесной взаимосвязи с грамматической категорией информативности, которая трактуется ими как обязательный признак любого текста. При этом исследователи подчеркивают, что термин «способ изложения» может быть применим только к тем текстам, которые носят *информативный* характер [Fleischer, Michel 1975:270].

О важности понятия *речевых форм* для интерпретации как литературных, так и нелитературных текстов говорит в своей работе и Г.Д. Гелферт, определяя их как «*относительно устойчивые комбинации смысловых элементов и структур текста*» [Gelfert 1993:272], как метод, при помощи которого излагается предмет, обстоятельства дел или явление. С точки зрения автора в этом методе отражаются основные моменты отношений между такими понятиями как предмет, цель сообщения и автор.

Таким образом, в отечественной и зарубежной филологии содержанию понятия «*типы речи*» соответствуют различные наименования. В отечественной лингвистике устоялся термин «*функционально-смысловые типы речи*» [Нечаева 1974; Солганик 2000], «*композиционно-речевые формы*» [Брандес 1990; Гончарова 2005]. Зарубежные исследователи оперируют такими терминами, как «*способы изложения, представления*» (Darstellungsarten) [Fleischer, Michel 1977], «*речевые формы*» (Redeformen) [Porzig 1962], «*формы выражения*» (Ausdrucksformen) [Kayser 1973]. Многообразие предлагаемых терминов отражено в следующей таблице:

Таблица 1

<i>Исследователь</i>	<i>Предлагаемый термин</i>	<i>Разновидности</i>
В.В. Виноградов	типы речи	описание, повествование, рассуждение
М.П. Брандес	композиционно-речевые формы	описание, повествование, рассуждение

О.А. Нечаева	функционально- смысловые типы речи	описание, повествование, рассуждение
М.Я. Блох	композиционно- речевые формы	описание, повествование, объяснение, рассуждение
В.В. Одинцов	функциональные типы речи	описание/характеристика, повествование/сообщение, рассуждение/умозаключение, объяснение, определение
А.Н. Кожин	функциональные типы речи; композиционные типы	описание, повествование, рассуждение
З.М. Рымжанова	композиционно- речевые формы	описание, повествование, рассуждение
И.В. Подкидышева	композиционно- речевые формы	описание, повествование, рассуждение
Г.Я. Солганик	типы текста; функционально- смысловые типы речи	описание, повествование, рассуждение
Е.А. Гончарова	композиционно- речевые формы	описание, повествование, рассуждение
Т.Б. Трошева	функционально- смысловые типы речи	описание, повествование, рассуждение
В.М. Хамаганова	типы текста	текст типа «описание», текст типа «повествование», текст типа «рассуждение»
W. Kayser	речевые формы (Redeformen)	описание, сообщение, рассуждение (разъяснение, оценка)
H. Helmers	способы изложения (Darstellungsarten)	описание, повествование, рассуждение
D. Hujer	способы изложения (Darstellungsarten)	описание, повествование, рассуждение
W. Fleischer, G. Michel	способы изложения (Darstellungsarten)	описание/динамическое описание, повествование/рассказ, рассуждение

1.1.2. Рассуждение как тип речи

Рассуждение трактуется как форма «логического мышления, отражающая сложный путь постижения истины» [Брандес 2004:89]. При помощи рассуждения говорящий схватывает и объясняет причинные связи происходящего в природе и обществе [Gelfert 1993; Токко 1995], изображает причинную зависимость одного признака от другого, одной перемены от другой, раскрывает части целого в их логической последовательности таким образом, что адресат может проследить путь познания и доказательства, следуя за ходом мысли собеседника. Рассуждение представляет собой доказательное развертывание мысли по определенной схеме и строится чаще как доказательство [Калинина 1978].

Рассуждение состоит из целого ряда суждений, относящихся к определенной теме, проблеме или вопросу. При этом это не просто сумма суждений, приводимых один за другим; суждения, приводимые говорящим, словно нанизываются одно на другое, последовательно «цепляются» за предшествующие [Токко 1995], следуют одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос [Брандес 2004].

Следует сказать, что такое последовательное расположение суждений является следствием такого качества речи как логичность. Рассуждение связано, прежде всего, с выявлением определенных связей, свойств, качеств, относящихся к той или иной проблеме, оно содержит в себе элементы анализа и синтеза [Брандес 2004; Гончарова 2005], в его основе лежат вопросы, требующие ответа [Токко 1995]. Посредством рассуждения, таким образом, не просто прослеживаются события, предметы или действия, берущиеся за основу в сообщении и описании, но эти события и предметы сопоставляются, различаются, оцениваются, анализируются, комментируются и т.п. Таким образом, в результате выявления взаимосвязи и взаимозависимости предметов, явлений и событий в процессе рассуждения формируется ответ на поставленный вопрос, решается актуальная проблема.

В зависимости от цели, с которой ведется рассуждение, различают определенные элементы рассуждения. Так, например, Н.И. Токко, вслед за Г. Гелфертом относит к основным релевантным составляющим рассуждения такие элементы, как:

1. обоснование (Begründung),
2. соображение (Erwägung),
3. вспомогательные размышления (Hilfserwägung),
4. оценка (Wertung, Einschätzung),
5. постановка вопросов (Fragestellung),
6. возражение (Einwand),
7. критическое рассмотрение мнений (Auseinandersetzung mit Meinungen),
8. перепроверка фактов (Überprüfung von Tatbeständen) [Gelfert 1993; Токко 1995].

Все эти элементы сводятся к двум основным пунктам – аргументированию и комментированию (Argumentieren und Kommentieren), которые неизбежны при постановке проблемы, ее анализе, доказательстве и решении.

О комментирующе-аргументирующем изложении содержания, характерном для рассуждения, говорит также М.П. Брандес, считающая комментирование и аргументирование релевантными операциями рассуждающего изложения, тесно связанными между собой. Аргументирование помогает выявлять, сопоставлять и оценивать различные варианты решения проблемы, а комментирование, в свою очередь, подчеркивает значимость и важность проблемы, отражая также, на наш взгляд, отношение говорящего к высказываемому [Брандес 1990].

Аргументирование и комментирование признаются основными элементами рассуждения и такими зарубежными лингвистами, как В. Фляйшер и Г. Михель. По мнению немецких исследователей, эти элементы взаимодействуют друг с другом «самым теснейшим образом при

подаче проблемной ситуации, при анализе и, наконец, при решении проблемы». [Fleischer, Michel 1977:291]. Если метод аргументации используется при сравнении и оценке многих вариантов решения сложных проблем, то комментирование позволяет говорящему выделить значение и важность проблемы.

Итак, в качестве основных элементов рассуждения традиционно выделяют аргументирование и комментирование. Использование данных методов, т.е. комментирующе-аргументирующее изложение проблемы, обуславливает определенные закономерности в оформлении рассуждения, в выборе определенных лексико-грамматических средств.

Следует сказать, что английские исследователи нередко используют для обозначения рассуждения термин «аргументация». В этой связи закономерно возникают следующие вопросы: является ли аргументация одним из способов рассуждения, или же рассуждение выступает частным случаем аргументации, и чем аргументация отличается от рассуждения [Зайцев 2015; Лисанюк 2016]. Сторонники теории аргументации определяют в качестве цели аргументации выявление «расхождения во мнениях и его преодоление» [Лисанюк 2016:37]. Рассуждение же ведется не только с целью доказательства истинности или ложности определенного мнения (как упоминалось выше, критическое рассмотрение мнений выступает только как один из элементов рассуждения), но и с целью выявления взаимосвязи и взаимозависимости тех или иных явлений или событий, способствующих решению обсуждаемой участниками коммуникации проблемы [Брандес 1991; Gelfert 1993; Токко 1995]. Познавательный аспект рассуждения, в отличие от дискурсивного аспекта *убеждения* как основного способа аргументации, признается и логиками [Ивин 1997; Мигунов 2010; Лисанюк 2016].

Таким образом, мы предлагаем рассматривать аргументацию как один из элементов рассуждения, как способ сопоставлять и оценивать различные варианты решения обсуждаемой проблемы в процессе рассуждения.

Процесс обсуждения проблемы подразумевает общение нескольких участников коммуникации. Данная единица коммуникации направлена на выявление и объяснение определенных явлений или событий, на их сопоставление и оценивание, анализ и комментирование, на решение обсуждаемой коммуникантами проблемы.

1.1.3. Функции и характер рассуждения

Каждый тип речи соотносится с определенным набором функций. По утверждению И.В. Подкидышевой, основными функциями рассуждения являются:

1. информативная
2. поясняющая
3. активизирующая [Подкидышева 1988].

Данные функции определяют характер рассуждения, который в зависимости от функции может определяться как:

- информирующе-комментирующий (информирующая функция);
- аргументирующий (поясняющая функция);
- побудительный (активизирующая функция).

При информирующе-комментирующем характере рассуждения в нём будут доминировать элементы типов речи сообщение и описание. Рассуждающий собеседник утверждает, предполагает, констатирует, иллюстрирует, цитирует, приводит различные классификации и т.д.

Таблица 2

<i>функция рассуждения</i>	информативная
<i>характер рассуждения</i>	информирующе-комментирующий
<i>доминирующие элементы</i>	<i>сообщение, описание: цитирование, утверждение, констатация, предположение, классификация, иллюстрация</i>

Аргументирующий характер рассуждения, при котором на передний план выходит поясняющая функция, выражается в сопоставлении и сравнении говорящим фактов объективной действительности, оценивании их с точки зрения истинности или ложности, мотивировке своей оценки. Говорящий объясняет, поясняет, уточняет, подтверждает сказанное. К подтверждениям среди прочего относят и приведение указаний на источники приводимой информации вне текста, т.е. в сносках или скобках [Варгина 1995:102].

Таблица 3

<i>функция рассуждения</i>	поясняющая
<i>характер рассуждения</i>	аргументирующий/обосновывающий
<i>доминирующие элементы</i>	<i>обоснование, оценка: сравнение, сопоставление, обобщение, объяснение, пояснение, опровержение, подтверждение</i>

При побудительном характере рассуждения, обусловленного активизирующей функцией, говорящий побуждает собеседника к ответу или действию, прежде всего, к оценке предполагаемого вывода с точки зрения истинности или ложности и, как следствие, к обоснованию приводимой оценки. Кроме того, запрашиваться может объяснение приведенного выше мнения или утверждения.

Таблица 4

<i>функция рассуждения</i>	активизирующая
<i>характер рассуждения</i>	побудительный
<i>доминирующие элементы</i>	<i>побуждение к ответу, к действию: уточнение вывода, запрос объяснения, запрос пояснения</i>

Следует отметить, что элементы рассуждения неразрывно связаны друг с другом, вне зависимости от доминирования того или иного характера

рассуждения. Элементы рассуждения комбинируются, образуя коммуникативную структуру рассуждения.

1.1.4. Структура рассуждения

В работах отечественных и зарубежных лингвистов в структуре рассуждения, как правило, выделяются три этапа: тезис – доказательство – вывод.

Н.А. Якубова выделяет в структуре рассуждения такие этапы, как: вводная часть, эксплицирование проблемы и резюмирующая часть [Якубова 1988]. Другие авторы обозначают данные этапы через понятия «тезис», «аргументы», «закключение» [Ивин 1997; Зайцев 2010] тезис, обоснование, вывод [Калинина 1978]. При подобном рассмотрении рассуждение строится как доказательство. Так в работе Э.П. Калининой рассуждение рассматривается как процесс, начинающийся с выдвижения тезиса, некоего суждения, истинность которого нужно доказать. Затем подбираются необходимые аргументы, с помощью которых доказывается приведенное в качестве тезиса суждение. Ход доказательства определяется тем, каким образом выстраиваются обосновывающие суждения. После чего из всего вышесказанного приводится выводное суждение. [Калинина 1978]

В. Фляйшер и Г. Михель условно выделяют в структуре рассуждения три стадии: «*Erfassung*» («постановка (проблемы)»), «*Bearbeitung*» («рассмотрение»), «*Lösung*» («решение») [Fleischer, Michel 1977:291].

По мнению авторов, рассуждение может разворачиваться по двум схемам:

а) в водной части *излагаются* конкретные обстоятельства, далее приведенная информация *обобщается*, затем всё обобщенное подводится к конечным выводам (*резюмирующая часть*);

б) в качестве *отправной точки* рассуждения выступает теоретическая постановка вопроса, далее с целью его *конкретизации* приводятся примеры, после чего снова могут следовать *конечные выводы*.

Немаловажное значение для рассуждения имеет четкое, обозримое и логически продуманное деление текста. Это обусловлено тем, что суть рассуждения состоит не столько в решении проблемы или сообщении «готовых результатов», сколько в донесении до собеседника сути данного решения и в побуждении его к принятию всего высказанного [Fleischer, Michel 1977].

Таким образом, можно сделать вывод, что для рассуждения обычно характерно *введение* в суть проблемы, *рассмотрение* данной проблемы с разных позиций (обоснование приемлемости той или иной точки зрения, обсуждения всех «за» и «против») и, наконец, подведение определенных итогов, или *выводы*.

Построение рассуждения начинается, как правило, с постановки проблемы, т.е. выдвижения тезиса, некоторого суждения, истинность которого доказывается. Тезис является главной, ведущей в смысловом и структурном отношении частью рассуждения. Ибо рассуждение ведется с целью обоснования выдвинутого суждения, с целью «достижения этого вывода» [Нечаева 1972б:17]. Говорящий в процессе решения какого-то вопроса или проблемы должен неизменно прийти к необходимому выводу. В случае же, когда вывод уже известен (известный вывод принято обозначать в качестве «тезиса»), то говорящий должен обосновать его. Доказываться может как заранее не сформулированное суждение, так и суждение, которое было уже сформулировано заранее [Горский 1963:218]. Таким образом, общий смысл рассуждения зависит от смысла выводного суждения, смысл которого, в свою очередь, определяется целью всего высказывания.

Известно, что рассуждение может вестись с различными целями: дать аргументированную оценку предмету или явлению, обосновать какое-либо действие или состояние, выявить причинные связи обусловленных явлений, предписать какое-то действие как необходимое или обосновать возможность или желательность действия и т.д.

Несколько иной подход к изучению рассуждения и его структуры демонстрирует И.В. Подкидышева, которая рассматривает «коммуникативную организацию» (структуру) рассуждения в тесной взаимосвязи с коммуникативными функциями, выполняемыми данной единицей коммуникации, а именно: информативной, поясняющей, активизирующей [Подкидышева 1988:49]. Согласно теории автора, введение в суть проблемы подразумевает приведение утверждений по обсуждаемой проблеме, констатацию определенных фактов и классификаций. На этом уровне рассуждение выполняет *информативную* функцию. Рассмотрение проблемы выражается в сопоставлении и сравнении приводимых в процессе рассуждения фактов, а также оценке их с точки зрения истинности или ложности. На данном уровне рассуждение выполняет *поясняющую* функцию. Согласно И.В. Подкидышевой, в процессе коммуникации рассуждающий собеседник не сам делает выводы, что соответствует резюмирующей части рассуждения, а побуждает своего собеседника оценить предполагаемый вывод, высказать мнение по обсуждаемой проблеме и, как следствие, обосновать свою позицию. На данном этапе рассуждение выполняет *активизирующую* функцию.

1.1.5. Лексико-грамматические средства оформления рассуждения

Аргументирующе-комментирующий характер высказывания требует ясного, легко обозримого, последовательного и логичного членения текста, объективности, точности, ясности в выражениях. Эти факторы обуславливают языковое оформление рассуждения.

В рассуждении традиционно используются все виды сложноподчиненных предложений, которые особо подходят для выражения сложных и многоуровневых теоретических взаимосвязей. Ведущее место в организации процесса рассуждения, по мнению большинства авторов, занимают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с придаточными следствия или причины.

О.А. Нечаева, вслед за логиками, говорит в своей работе о таких формах выражения рассуждения, как период или сложноподчиненное предложение с придаточным причины, следствия, условия и уступки. В. Фляйшер также упоминает текстовые элементы с причинной связью: союзы, наречия и адвербиальные сочетания. Высокий процент союзов, наречий и наречных сочетаний, необходимых для обозначения взаимосвязей между предметами и явлениями, в первую очередь, причинно-следственных отношений, выделяют и другие отечественные лингвисты [Брандес1990; Калинина1978; Токко1995; Gelfert 1993 и др.].

Среди простых предложений частотны вопросительные (в том числе риторические вопросы) и восклицательные предложения, которые не только выражают эмоциональное состояние говорящего, но и опосредуют его субъективную оценку высказывания и, как следствие, воздействуют на адресата. Использование простых предложений в процессе рассуждения связано, на наш взгляд, с «комбинированным» [Fleischer, Michel 1977] или «поликомпозиционным» [Якубова 1988] характером рассуждения, обусловленным тем, что комментирующие и аргументирующие элементы часто дополняются элементами типов речи описание и сообщение. Продуктивность простых предложений в процессе рассуждения объясняется и тем, что в простом предложении зачастую уже «содержатся два таких члена, которые в силу своей семантики, своего концептуального значения способны соотноситься друг с другом как причина и следствие» [Кривоносов 1996:111]. При этом простые предложения не обнаруживают в своей структуре каких бы то ни было формальных или полужформальных маркеров. Логическая энтимема¹ распознается в таких предложениях на основе концептуального семантического значения составляющих это предложение членов.

¹ Под энтимемой (от греч. *in thymos* - в уме) понимается рассуждение, в котором какая-либо его часть не выражена в языковой форме, но подразумевается. Опускаться могут как посылки, так и заключение.

Таким образом, рассуждение может реализовываться одинаково часто как в сложных (сложноподчиненном и сложносочиненном), так и в простых предложениях. Предложения могут быть связаны между собой формально, полуформально или концептуально (семантически). Причем концептуальная связь предложений присуща не только рассуждению, которое реализуется в простых предложениях, но и в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Следует отметить, что причинно-следственные коннекторы не всегда являются маркерами рассуждения. Причинно-следственное значение, по мнению О.А. Нечаевой, может содержать и повествование. Однако причинно-следственная связь утверждений в повествовании обусловлена сменой одного явления другим во времени, тем, что это явление логически вытекает из другого. Рассуждение же ведется, как правило, с целью доказать что-либо.

В связи с этим важно подчеркнуть значение отдельных лексико-грамматических показателей в языковой структуре рассуждения. Так, характерное для рассуждения выделение точки зрения автора предполагает использование различных лексико-грамматических конструкций с пропозицией мнения или знания (*ich meine, glaube, finde, bin (ganz) sicher, überzeugt, wie sich zeigt, meiner Meinung nach* и др.). Оценка разных точек зрения и вариантов решения обсуждаемой проблемы выражается при помощи многообразных оценочных и сравнительных конструкций и оценочной лексики немецкого языка [Fleischer, Michel 1977].

К лексике, обслуживающей рассуждение, относятся также вводные слова и конструкции. Они имеют большое значение для связи предложений в рассуждении. Например: *erstens, zweitens, einerseits, andererseits, kurz und gut, unter anderem, wie gesagt, im Gegenteil, zum Beispiel*. Вводные слова, или метатекстовые включения, при помощи которых может маркироваться рассуждение, выступают в качестве *формальных* средств связи отдельных фрагментов рассуждения, т.е. выполняют «текстообразующую» функцию.

Это позволяет отнести их к традиционно-грамматическим средствам когезии². Для рассуждения характерна также абстрактная лексика, организующая ход рассуждения от общего к частному и от частного к общему [Калинина 1978], а также термины из различных областей научного знания.

В качестве показателей суждений, выступающим одним из элементов рассуждения – в логике они рассматриваются в качестве «кванторов» – признаются:

- определительные местоимения «*alle*», «*jeder*» (в общеутвердительных суждениях);
- отрицательные местоимения «*niemand*», «*keiner*», (в общеотрицательных);
- указательные местоимения «*dieser*», «*jener*», «*solcher*» (в единичных суждениях).

Для рассуждения в немецком языке характерны также такие слова и словосочетания, как: *es ist falsch, dass...*; *das beweist, dass...*; *daraus folgt; daraus ergibt sich; folglich* и др., определяемые также как «форманты логических операций» [Нечаева 1975:17], а также различные союзы и коннекторы: *weil, da, dadurch dass, dadurch ob, damit, solange, sobald, seit, seitdem, da, jedesmal wenn, wenn, solange, sobald, als, je...desto, so dass*. Здесь следует сказать, что союзы причины «*weil*» («так как»), «*da*» («потому что», «ибо») и другие, как отмечают Д.П. Горский и Н.Г. Комлев, означают, что в энтимеме, выраженной в форме сложноподчиненного предложения с придаточным причины, опущена большая посылка» [Горский 1963:218, Комлев 1958:74]. А слова «*deshalb*» («поэтому»), «*darum*» («потому»), наоборот, означают опущение меньшей посылки.

² И.Р. Гальперин относит к группе традиционно грамматических средств когезии: союзы и союзные речения; дейктические средства и местоимения; наречия места и времени; формы перечисления; графические средства; причастные обороты. [И.Р. Гальперин. 1981:85].

1.1.6. Способы убеждения адресата в пропозиции знания и мнения

Неотъемлемым компонентом рассуждения, на наш взгляд, является выражение определенного мнения на обсуждаемую проблему. В свою очередь выражение мнения часто подразумевает его обоснование. Так, например, в работах по оценке и аргументации [Еемерен, Гроотендорст 1992; Варгина 1995; Брутян 1984; Топоркова 1988; Царева 1992] отмечается, что высказывание мнения требует обязательной мотивировки, оно должно опираться на факты. По мнению Ф.Х ван Еемерена и Р.Г. Гроотендорста, «чем больше та степень уверенности, с которой выдвигается та или иная точка зрения, тем более веские доказательства должны быть приведены в её пользу» [Еемерен 1994:41]. Как отмечает Е.И. Варгина, выражение субъективного мнения-предположения, нередко сопровождается обосновывающими суждениями, призванными «убедить адресата в справедливости высказанного мнения» [Варгина 1995:98].

Следует также упомянуть, что мнение можно условно подразделить на *мнение-оценку*, когда говорящий формулирует свой взгляд на воспринимаемые предметы, явления, события, и *мнение-предположение*, когда описывается возможность осуществления какого-либо положения дел. Однако, как мнение-оценка, так и мнение-предположение требуют обоснования. Особенно это касается мнения-предположения, ибо оно не имеет непосредственного контакта с объектом оценки, передавая тем самым, по мнению Е.И. Варгиной, вероятностную оценку. А такая оценка нуждается в обосновании. Мнение-оценка выступает в качестве «субъективного знания», ибо «для говорящего его собственная оценка является аналогом истины» [Варгина 1995б:108].

Способы выражения убеждения адресата во мнении несколько отличаются от способов выражения убеждения в знании. Так, в процессе обоснования *мнения* нередко используются такие варианты рассуждения, как: отсылка к причине существующего мнения, подтверждение или опровержение мнения и последующее обоснование. К способам убеждения в

знании относятся, например, фактуальная аргументация, объяснение или подтверждение.

1) Фактуальная аргументация

Пропозиция знания часто содержит указания на конкретный источник знания. Указание на источник знания представляет собой ответ на имплицитный вопрос «откуда ты знаешь?» Получение такого ответа является необходимым и достаточным условием для убеждения адресата в знании [Ивин 1997:234].

Одной из отличительных черт фактуальной аргументации является её структура. В отличие от обычной аргументации, состоящей, как минимум, из двух высказываний со структурой $A \rightarrow S$, значение обоснования в фактуальной аргументации сообщается в одном из членов предложения, формально входящих в состав предложения (как правило, в подлежащем, дополнении или обстоятельстве). Например: (1) *Laut einer Studie Ihres Hauses verlieren die Deutschen jährlich bis zu 30 Milliarden Euro wegen schlechten Finanzberatung. (Spiegel, 2009)*. В данном примере приводится сразу два случая фактуальной аргументации. В первом случае предлог «*laut*» маркирует ссылку на источник информации/знания, как некий аргумент в поддержку высказываемого утверждения. Во втором случае предлог «*wegen*» вводит причину, почему «*die Deutschen verlieren jährlich bis zu 30 Milliarden Euro*» («немцы теряют ежегодно до 30 миллиардов евро»). Обоснование, таким образом, представляет собой свернутый аргумент в составе простого предложения.

Как показывают наши примеры, случаи фактуальной аргументации нередко встречаются в рассуждающем дискурсе. Вот еще некоторые примеры: (2) *In der Praxis* ergeben sich jedoch eine Reihe Schwierigkeiten; (3) *Aber laut Umfragen* haben viele den Beruf nicht gewählt, weil sie... (4) *Die letzten Fälle* haben uns gezeigt, dass wir die Kranken isolieren konnten. (5) Andererseits können durchaus Epidemien *durch die Massentierhaltung* entstehen: Die japanischen und europäischen Hersteller profitieren *von weitaus besseren*

Bedingungen für den Export in die USA als... (Stern). (6) Versuche haben gezeigt, dass... (Spiegel)

Таким образом, фактуальная информация может рассматриваться как случай выражения обоснования знания в виде свернутых аргументов, представляющие собой отдельные высказывания, которые можно развернуть в самостоятельные высказывания [Еемерен, Гроотендорст 1992, Варгина 1995б].

2) Объяснение

Объяснение некоего явления трактуется как «рассуждение, посылки которого содержат информацию, достаточную для вывода из нее описания рассматриваемого явления» [Ивин 1997:236]. Объяснение рассматривается в неразрывной связи с пониманием. Так как объяснение способствует пониманию, что, в свою очередь, способствует принятию информации [Еемерен 1994:58; Варгина 1995б:97]. Объяснение сводит незнакомое к знакомому, что обуславливает его включение практически в каждый процесс рассуждения.

Основным отличием объяснения от аргументации заключается в том, что говорящий прибегает к объяснению тогда, когда объясняемое, в принципе, уже принято адресатом. Когда же выдвигается аргумент, то его приемлемость еще только является предметом обсуждения.

При объяснении, таким образом, происходит «семантическое-синтаксическое расширение, развертывание текста» [Варгина 1995б:99]. Сообщение нового знания при этом как бы приостанавливается, уступая место поясняющей и уточняющей информации. Это, на наш взгляд, связано с рассуждением информирующего характера. Информированный характер носят многие обосновывающие структуры [Schönke 1996:28].

Говорящий выбирает объяснение, как правило, в тех случаях, когда он считает необходимым пояснить или уточнить те положения, которые, на его взгляд, могут вызвать у адресата трудности или неточности их интерпретации.

Таким образом, можно сделать вывод, что объяснение связано с интенцией говорящего достичь необходимого уровня понимания сообщаемой информации. В качестве разновидностей объяснения мы вслед за М.В. Варисовой и Е.И. Варгиной предлагаем различать также «пояснение» и «уточнение».

3) Пояснение

Пояснение предполагает дополнительную информацию к тому, что уже было сказано. Пояснение имеет своей целью разъяснить сообщение, сделать его более понятным для собеседника.

Нередко в качестве пояснения выступает описание. Существует также мнение, что описание является разновидностью пояснения. Это можно объяснить тесной связью объяснения с описанием, на котором основывается объяснение. «Без описания фактов невозможно их объяснение» [Ивин 1997:237]. Таким образом, связь пояснения (как разновидности объяснения) с описанием еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что объяснение нередко сопровождает рассуждения информирующего характера.

4) Уточнение

Уточнение конкретизирует предшествующее высказывание. В качестве уточняющих элементов можно рассматривать приведение различных примеров, разъясняющих ремарок. Оно нередко маркируется такими выражениями, как: «zum Beispiel», «wie beispielsweise», «im Sinne» и другими. Трудность выделения маркеров уточнения заключается, на наш взгляд, в том, что нередко одни и те же лексические или синтаксические маркеры могут использоваться как в уточняющих конструкциях, так и в пояснении, объяснении. Например:

(7) *Spiegel: Das müssen Sie erklären.*

Krause: Viele Unternehmen mischen im Augenblick Managementinstrumente aus dem traditionellen und dem neuen System. Sa kann es beispielsweise sein, dass die Mitarbeiter einer Firma dazu angehalten sind, selbständig Lösungen zu finden

und Ziele zu erreichen, ohne Vorgesetzte in diese Prozesse einzubeziehen. (Spiegel Wissen 4/2018, S. 93)

Следует отметить, что в процессе рассуждения нередко уточняются различные термины. Это обусловлено тем, что более информированный собеседник допускает возможность неточного понимания приводимого понятия. При этом уточнение иногда маркируется только пунктуационно. Например:

(8) De Swaaf: Zum einen finde ich es beeindruckend, wie sich Wale evolutionär an die schwierigen Bedingungen unter der 500-Meter-Grenze angepasst haben: Mit ihrem Sonar, dem Ortungsorgan, können sie sich bei Dunkelheit orientieren, ihre Beute aufspüren. (Spiegel Wissen 2/2017, S.10)

5) Подтверждение

Подтверждение признается еще одним способом убеждения адресата в знании.

Я.С. Яскевич относит к подтверждениям такие высказывания, которые сопровождают положения, истинность которых еще не установлена. В пропозициях мнения подтверждение выступает *основным* средством убеждения, в то время как в пропозициях знания оно является *дополнительным* средством убеждения. В этом плане подтверждение схоже с фактуальной аргументацией. Сходство состоит в том, что и в подтверждении, и в фактуальной аргументации сообщается источник получения знания. Но в подтверждении информация об источнике знания не актуализируется, нередко помещаясь в скобках или сносках.

1.2. Диалог как функциональная разновидность языка

1.2.1. Понятие диалога

Под речевой коммуникацией понимается любое речевое взаимодействие с целью получения информации, а также передачи информации для убеждения собеседника в определенном мнении или утверждении и побуждения его к определенным действиям.

Речевое взаимодействие может происходить в непосредственном, «взаимонаправленном» общении двух и более человек или представлять собой развернутое «однаправленное» высказывание одного человека [Алексеева 2004:243]. В этой связи традиционно выделяют три формы реализации коммуникативно-речевого акта: монолог, диалог, полилог .

Монолог (греч. monos – один, logos – речь) представляет собой развернутое высказывание одного лица, обращенное к слушателям или к самому себе. Монолог является однаправленной формой общения и характеризуется единством темы, направленностью на пассивно воспринимающего речь адресата, относительной развернутостью и смысловой завершенностью высказывания [Виноградов 1964; Щерба 2004]. Монологическая речь не рассчитана на активную словесную реакцию собеседника, поэтому не связана с его речью ни в содержательном, ни в структурном отношении [БСЭ 1974].

Под диалогом (греч. diálogos – разговор, беседа) понимается функциональная разновидность языка, реализующаяся в процессе «непосредственного обмена высказываниями между собеседниками» [Девкин 1981:5, Розенталь 2003:97], «непосредственного обмена информацией, мыслительным содержанием» [Михайлов 1986:5]. Диалог является взаимонаправленной формой общения, состоящей из последовательного чередования стимулирующих и реагирующих реплик. Необходимыми предпосылками для развертывания диалогической речи являются присутствие участников диалога «в одно и то же время, в одном и том же месте» и «направленность их внимания на общую тему» [Филиппов 2007:240; Schank, Schoenthal 1983:64]. Важное отличие диалога от монолога заключается в «расчлененности между собеседниками» содержательной стороны общения [Брандес 2004:120].

Полилог (греч. polis – многочисленный, logos – речь) подразумевает полисубъектное общение, включающее более двух участников речевого общения. Полилог «представляет собой качественно новую форму

организации вербального взаимодействия», поскольку он не «образуется путем механического сложения составляющих его реплик» [Быкова 2015:40]. Увеличение количества участников общения обуславливает «усложнение процессов речепроизводства и речевостприятия»: говорящий ориентируется не на одного, а на нескольких собеседников, предугадывая их последующую реакцию [Боева-Омелечко 2016:10].

Следует отметить, что на протяжении долгого времени полилог трактовался как частный случай диалога, как «сумма составляющих его микродиалогов или монологических реплик» [Яковлева 2005:1]. Соответственно основными формами речевого взаимодействия традиционно считаются монолог и диалог.

С одной стороны, монолог и диалог часто противопоставляются друг другу как однонаправленная и взаимонаправленная формы общения. С другой стороны, многие исследователи отмечают, что грань между ними весьма условна, поскольку любой монолог всегда подразумевает некоего адресата, а развернутые реплики участников диалогического общения некоторые ученые рассматривают в качестве «микромонологов» [Бахтин 1986; Яковлева 2005; Быкова 2015]. Для более четкого разграничения понятий монолога и диалога следует исходить не из количества участников общения, а из распределения ролей говорящего-слушающего. Если в процессе коммуникации есть только один говорящий, а другие выступают только в качестве пассивных слушающих, не проявляющих непосредственной реакции на слова говорящего, то принято говорить о монологической форме речи. В диалоге же собеседник активно реагирует на слова говорящего.

1.2.2. Общая характеристика диалогической речи

В работах отечественных и зарубежных лингвистов диалог рассматривается в качестве «основной формы речевой коммуникации» [Шпомер 2014], в которой коммуникативная функция языка реализуется

наиболее полно [Щерба 1915; Якубинский 1923; Бахтин 1986; Heinemann: 2006]. В отличие от собственно монологической речи, хотя и, как правило, ориентируемой на восприятие и понимание её адресатом, но не учитывающей возможных реплик-реакций, диалогическая речь в полной мере представляет язык с точки зрения его естественной функции как универсальной формы речевого общения. Л.В. Щерба, исследуя речь простых людей, в которой не было «монологов, а только отрывочные диалоги», пришел к выводу, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [Щерба 1957:115].

Диалог трактуется как форма «активного коммуникативного взаимодействия» минимум двух участников общения, «материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик» [Колокольцева 2011:129]. Реплики не просто следуют друг за другом, они дополняют друг друга, соотносясь между собой как семантически, так и структурно. Многие исследователи относят чередование реплик к одному из основных признаков диалога. Так, совокупность реплик в диалоге трактуется также как «сцепление реплик» [Щерба 1957:114], «регулярный обмен высказываниями-репликами» [Винокур 1998:119], «попеременный обмен знаковой информацией» [Конюхов 1996: 32], «мена коммуникативных ролей» [Власян 2010:107]. Диалогическая речь характеризуется быстрой сменой реплик, переплетающихся и продолжающих друг друга. Тесная связь реплик в диалоге подразумевает не только взаимопонимание участников диалога, но и их активную позицию к тому, что обсуждается. «Слушающий, воспринимая и понимая значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию, <...> которая формируется на протяжении всего процесса слушания и понимания с первого слова говорящего» [Бахтин 1986:256]. Таким образом, в процессе непосредственного общения все участники выражают своё индивидуальное отношение к тому, что

утверждается в предшествующей реплике, эмоционально реагируют на высказывание собеседника.

Помимо реплицирования к основным характеристикам диалогической речи относятся:

- ситуативность (зависимость от обстановки): понимание высказываемого собеседником ситуативно обусловлено, т.е. интерпретируется с учетом ситуации общения, в которой протекает диалог, зависит от таких характеристик коммуникантов, как возраст, уровень образования, гендерная принадлежность, социальный статус [Шпомер 2014].

- контекстуальность (обусловленность предыдущими высказываниями): смысл каждой отдельной реплики может быть понятен только в единстве с другими репликами, в совокупности всех элементов диалога. Это обусловлено тем, что, во-первых, в каждой последующей реплике элиминируется всё, что было уже сказано в предшествующей реплике, во-вторых, на языковой состав высказывания в диалоге «взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих» [Винокур 1993:67].

- спонтанность (непроизвольность) речевых реакций говорящих, малая степень организованности (незапланированный характер): в процессе общения каждый коммуникант корректирует своё высказывание в зависимости от реакции своего собеседника, от того, понимает ли он сообщаемое или ему требуется разъяснение, согласен ли он или нужно привести более убедительные доводы [Деминова 2013:79]. Таким образом структура диалога и его содержание зависят от взаимодействия реплик собеседников [Якубинский 1923; Михайлов 1986].

1.2.3. Структура диалога

В качестве основной единицы диалога выступает речевой ход, т.е. отдельное высказывание, оформляемое в диалоге как «предложение или сочетание логически связанных предложений», которое всегда обращено к

непосредственному «собеседнику, вызывая у него ответную реакцию» [Изаренков 1981:17]. Высказывание характеризуется четкими границами, определяемыми сменой речевых субъектов [Филиппов 2007], наличием единой цели, выражением позиции говорящего. Комплекс взаимонаправленных и взаимообусловленных высказываний участников диалогического общения образует сложную структуру [Баранов 1992].

Если рассматривать диалогическую речь с точки зрения текста, то принято выделять такие типы диалогического текста, как микротекст и макротекст [Михайлов 1986]. Под микротекстом понимается когерентная последовательность минимум двух реплик коммуникантов – реплики, содержащей стимул, и реплики, содержащей реакцию собеседника. Данное соединение, обозначаемое двухчленным диалогическим единством, является «ядром, ячейкой, диалогическим минимумом» [Кожин 1982:199]. Макротекст представляет собой сцепление нескольких диалогических единств (ДЕ).

В независимости от того, представляет собой диалогическое единство одну, две или более реплик, оно рассматривается как комплекс высказываний, связанных друг с другом самыми разными отношениями: смысловыми, функциональными, структурно-композиционными, прагматическими. Между репликами устанавливаются отношения «стимул» – «реакция». Каждая иницирующая реплика порождает ответную, которая, в свою очередь, иницирует третью и так далее. Это позволяет рассматривать диалог как цельную коммуникативную единицу, имеющую свою коммуникативную и прагматическую направленность.

Все реплики объединены единой темой и разворачиваются от известного к неизвестному, от темы к реме. Связь темы и ремы может быть ситуативно обусловленной и контекстуально обусловленной, т.е. осуществляться по вертикали и горизонтали [Шпильман 2021].

Следует сказать, что исходная реплика в значительной степени обусловлена коммуникативной интенцией иницирующего собеседника. Ответная реплика является «результатом понимания и ориентирована на

содержание предшествующей» ей иницирующей реплики [Шпильная 2021:189]. Она обнаруживает в себе более разнообразные коммуникативные функции в силу большей коммуникативной нагрузки [Плотникова 2012:158]. Ответные реплики наделены способностью как «сталкивать противоположные точки зрения, принадлежащие участникам диалога, так и содействовать их совмещению и снятию противоречий» [Арутюнова 1990:177]. В соответствии с характером направленности реплик традиционно выделяют иницирующую реплику, открывающую диалогическое единство, и реагирующую реплику, форма которой обусловлена предшествующей иницирующей репликой.

Языковое оформление высказывания в диалоге во многом зависит от характера реплики. Например, для стимулирующих реплик характерно обилие вопросительных и побудительных предложений, а для реагирующих реплик – наличие повторов и переспросов, а также синтаксическая неполнота, компенсируемая за счёт предыдущего высказывания.

1.2.4. Виды диалога

Структура диалога во многом зависит от сферы его реализации, связанной с ориентацией на тот или иной род человеческой деятельности (бытовое общение, деловое общение, профессиональное общение и т.д.). В зависимости от преследуемых участниками диалогического общения целей принято выделять такие разновидности диалога, как:

- бытовой диалог (разговоры в кругу семьи, разговоры с друзьями и знакомыми, неформальные разговоры на работе);
- деловая беседа (личная деловая беседа, беседа с клиентом, собеседование при приеме на работу);
- интервью (обычное интервью, аналитическое интервью, интервью-беседа, интервью-репортаж)

- переговоры (политические переговоры, экономические переговоры, социально-культурные переговоры) [Кучинский 1983; Гойхман 2009; Колокольцева 2000].

Рассмотрим основные характеристики приведенных выше разновидностей диалога.

Для бытового диалога характерны: разговорный стиль речи, незапланированность, разнообразие обсуждаемых тем, частое перескакивание от одной темы на другую, а также отсутствие необходимости принятия определенного решения.

Деловая беседа характеризуется наличием определенной цели, для достижения которой участники коммуникации должны быстро реагировать на высказывания друг друга, как убедительно излагать свои мнения, так и критически оценивать мнения и утверждения собеседника и возражать, разбирать различные точки зрения по обсуждаемой проблеме.

Интервью является особым типом речевого взаимодействия, заключающегося в обмене репликами между интервьюером и интервьюируемыми, но фактически не являющимся «собственно двухсторонним диалогом, в котором оба коммуниканта принимают равнозначное активное участие, так как ход диалога координируется интервьюером» [Багдасарян 2016:17].

Переговоры являются подготовленной формой диалогического общения, ориентированной на достижение конкретных результатов. Они ведутся с определенной целью и при определенных обстоятельствах. Следует сказать, что достижение или недостижение поставленных целей зависит от таких экстралингвистических факторов, как: совпадение или несовпадение интересов партнеров по коммуникации, их опыт в деловом и профессиональном плане, а также коммуникативные навыки общения.

С точки зрения уровней общения различают информационный вид диалогического общения, свойственный всем сферам общения, и деловой, характеризующийся четкой ролевой дифференциацией.

В зависимости от симметричности знаний коммуникантов выделяют «два класса диалогов: информационный и интерпретационный» [Гойхман 2009:102]. В то время как информационный диалог подразумевает как минимум небольшую разницу в фоновых знаниях участников диалога, интерпретационный диалог характеризуется относительно симметричными знаниями коммуникантов, которые могут быть интерпретированы участниками коммуникации по-разному.

1.3. Медиадискурс как сфера реализации диалога

1.3.1. Понятие медиадискурса

Медийный дискурс является сложным коммуникативным явлением, представляющим собой «совокупность различных средств коммуникации и способов передачи информации, образующих медиасреду» [Джабраилова, Фомичева 2019: 56]. В понятие медиадискурса также входит определенный ряд экстралингвистических факторов, неотъемлемых для процесса коммуникации, таких как «отправителя сообщения, его получателя, социальный контекст, особенности производства, распространения и восприятия информации» [Добросклонская 2014:182].

Медиадискурс представляет собой совокупность тестов, функционирующих в массовой коммуникации. Именно медиатекст рассматривается в качестве единицы медиадискурса, позволяющей «упорядочить и структурировать движение медиапоток» [Добросклонская 2015:49]. Медиатексты не однородны, они включают в себя такие «параллельные, взаимозаменяемые или пересекающиеся феномены, как массово-коммуникативный текст, массмедийный текст, журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, рекламный текст» и другие [Казак 2012:30]. Основными сферами функционирования медиадискурса являются журналистика, PR и реклама. Данной точки зрения придерживаются, к примеру, Т.Г. Добросклонская [Добросклонская 2009], М.Ю. Казак [Казак 2012], Г.С. Мельник [Мельник 2012].

Текстовые разновидности журналистики, рекламы и PR существуют в едином коммуникационном пространстве, находятся «в отношениях дополнительной дистрибуции», их различия состоят в том, что каждый из данных типов текстов «содержит определенный тип информации» [Кривоносов 2014:40].

В основе журналистского медиатекста лежит совокупность фактов, представляющая собой информацию о событии. Помимо событийной информации журналистский текст может содержать интерпретирующую информацию с элементами анализа и разъяснения. Как событийная, так и интерпретирующая информация обрабатывается особым образом для облегчения её восприятия и, как следствие, большего воздействия на адресата [Гуревич 2004; Кривоносов 2014].

Отличием PR-текста от журналистского заключается в том, что он иницируется «базисным субъектом PR или рекламодателем», но «рекламность» в нем не выражена эксплицитно, PR-информация «не несет лобового рекламного оттенка, а максимально приближена к реальной» информации [Кривоносов 2014:42-43].

Медийный текст, содержащий определенную рекламную информацию, направленную на формирование определенной поведенческой реакции, трактуется как рекламный текст.

1.3.2. Общая характеристика медиадискурса

Современное масс-медийное пространство включает в себя такие ключевые разновидности медиадискурса, как новостной, аналитический и развлекательный дискурс. Выделение данных разновидностей медиадискурса обусловлено тем, что с помощью масс-медиа осуществляется не только передача информации, но и формирование общественного мнения, а также развлечение аудитории. Наибольший интерес для нас представляет аналитический медиадискурс, направленный не столько на описание

действительности, сколько на её интерпретацию с целью воздействия на адресата, на его оценку действительности [Кожемякин 2010].

Исследование механизмов речевого воздействия масс-медиа на потенциального адресата предполагает выявление особенностей восприятия адресатом медиатекста. Немаловажную роль при этом играют такие экстралингвистические факторы, как отправитель и получатель сообщения, контекст, культурно-идеологический фон, особенности производства, распространения и восприятия передаваемой информации [ван Дейк 1989]. Таким образом, ключевыми компонентами речевой деятельности, в том числе массмедийной речи, выступают адресант (отправитель сообщения), адресат (получатель сообщения), контекст общения и канал передачи сообщения. Сообщение представляет собой *текст*; сообщение, переданное посредством определенного канала – *медиатекст* [Добросклонская 2015; Кривоносов 2002; Шпильная 2021]. Отличие текста от медиатекста состоит также в том, что на классический текст, переносимый в сферу масс-медиа, накладываются новые смысловые оттенки [Добросклонская 2008; Казак 2012]. Именно изменение «статуса классического произведения», традиционное понимание которого меняют накладываемые на него те или иные оценки, обуславливает специфику медийного продукта [Казак 2012:31]. Специфика медиатекста определяется следующими экстралингвистическими условиями:

- особым типом и характером информации, транслируемой СМИ;
- «вторичностью текста», заключающейся в том, что в текстах массовой коммуникации используются «первичные» виды текстов, которые перерабатываются и оформляются особым образом;
- коллективным производством медиатекста, подразумевающим создание текста несколькими лицами;
- опосредованностью общения и особым характером обратной связи;

- многофункциональностью массовых коммуникаций, осуществляющих воздействие посредством информирования и убеждения [Добросклонская 2008:31; Джабраилова 2019:58; Казак 2012:32].

Таким образом, медийный дискурс представляет собой многоаспектный феномен, посредством которого передается, интерпретируется и комментируется информация, дается оценка актуальных событий, обосновываются взгляды и убеждения. Канал распространения информации выступает в качестве важного параметра медиатекста как единицы медиадискурса.

1.3.3. Диалогические жанры в средствах массовой информации

В средствах массовой информации диалогический дискурс имеет свои характерные черты, выражающиеся в четкой «ориентированности на адресата как конкретной социально-детерминированной личности со своим статусом и ролями, с определенной системой ценностных координат» [Дзялошинский 2014:52].

В настоящее время в современной публичной коммуникации преобладают диалогические жанры, это обусловлено тем, что диалог, как наиболее естественная форма коммуникации, способен содействовать взаимопониманию и взаимодействию. В медиадискурсе диалог реализуется в форме журнального интервью, которое подразделяется на два ключевых жанра: аналитическое интервью и интервью-беседа. Интервью является, с одной стороны, одним из традиционных видов журнальной журналистики, с другой стороны, оно обладает таким неотъемлемым признаком публицистического текста, как диалогичность [Дускаева 2004; Селезнева 2009]. Интервью воплощает «современный масс-медийный дискурс в разговорно-диалогической форме» [Таюпова, Бычковская 2014:39], целью которого является не столько донести определенную информацию, сколько оказать воздействие на потенциального читателя.

Отличие аналитического интервью от обычного интервью состоит в том, что аналитическое интервью содержит в себе анализ некоего факта и отвечает на вопросы «почему», «что это значит», «каким образом». Направление анализа задается интервьюером, побуждающим интервьюируемого к рассуждению по предложенной в начале интервью социально-значимой проблеме.

Отличительной чертой интервью-беседы является то, что все участники беседы являются равноправными участниками речевого действия, обменивающимися в процессе общения «равнозначными репликами, суждениями, размышлениями» [Пичугина 2005:118]. Участники интервью осуществляют, с одной стороны, «совместную деятельность, имеющую общую цель, которой каждый из них связан», с другой стороны, в процессе общения «каждый стремится реализовать свою личную цель, выразить собственное мнение по определенному вопросу, применяя соответствующие стратегии речевого воздействия» [Цуциева 2019:12-13].

Таким образом, диалог наиболее ярко реализуется в таких публицистических диалогических жанрах, как аналитическое интервью и интервью-беседа, целью которых является оказание воздействия на адресата посредством донесения до него определенной информации.

Выводы по Главе 1

1. Типы речи рассматриваются как целостности текста, состоящие из группы предложений, но обладающие собственными качествами, не сводимыми к качествам составляющих их предложений, а определяемыми такими основными типами связи между самостоятельными предложениями, как соположение, последовательность и каузальность. В соответствии с тремя типами связи между самостоятельными суждениями принято выделять три типа речевых форм: описание, сообщение и рассуждение.

2. Рассуждение представляет собой тип речи, некую информационно-убеждающую структуру, в основе которой лежит развитие какой-либо проблемы с целью воздействия на собеседника и убеждения его в истинности или ложности, приемлемости или неприемлемости развиваемой мысли. Для структуры рассуждения характерно *введение* в суть проблемы, *рассмотрение* данной проблемы с разных позиций (обоснование приемлемости той или иной точки зрения, обсуждения всех «за» и «против») и, наконец, подведение определенных итогов, *выводов*.

3. В речи рассуждение выполняет следующие основные функции: информативную, поясняющую и активизирующую. В соответствии с этим рассуждение может носить информирующе-комментирующий, аргументирующий или побудительный характер. Доминирование того или иного характера рассуждения обусловлено различными целями, которые преследуют коммуниканты в процессе общения: с целью обоснования или объяснения уже принятого утверждения, с целью доказательства еще не принятого суждения, с целью мотивированной оценки того или иного факта объективной действительности, с целью подвести собеседника к определенным умозаключениям.

4. В качестве основных элементов рассуждения традиционно выделяют аргументирование и комментарий. Комментирующе-аргументирующее изложение проблемы требует ясного, легко обозримого, последовательного и

логичного членения текста, что обуславливает определенные закономерности языкового оформления рассуждения.

Характерное для рассуждения выделение точки зрения предполагает использование различных конструкций с пропозицией мнения или знания. Оценка разных точек зрения и вариантов решения обсуждаемой проблемы выражается посредством многообразных оценочных и сравнительных конструкций и оценочной лексики немецкого языка.

5. Исследование речевого взаимодействия коммуникантов включает анализ форм реализации речевого акта. В зависимости от однонаправленности высказывания или взаимонаправленности общения двух и более участников коммуникации традиционно выделяют монолог, диалог и полилог.

6. Диалог является взаимонаправленной формой речи, связность которой обеспечивается «сцеплением реплик», содержательная сторона которых распределяется между всеми участниками коммуникации. Необходимыми предпосылками для развертывания диалогической речи являются наличие общей темы и присутствие участников в одном и том же месте, в одно и то же время, каждый из коммуникантов выполняет роль как говорящего, так и слушающего.

7. Комплекс взаимонаправленных и взаимообусловленных высказываний участников диалогического общения образует сложную структуру, зависящую от сферы реализации диалога и от преследуемых коммуникантами целей. В зависимости от симметричности знаний коммуникантов выделяют два класса диалогов: информационный и интерпретационный.

8. С точки зрения текста выделяются такие типы диалогического текста, как микротекст и макротекст. Микротекст, традиционно обозначаемый как диалогическое единство, представляет собой когерентную последовательность минимум двух реплик коммуникантов: иницирующей и

реагирующей. Сцепление нескольких диалогических единств трактуется как макротекст.

9. В средствах массовой информации диалог имеет свои характерные черты, выражающиеся в четкой ориентации на адресата. В качестве одного из самых востребованных публицистических диалогических жанров выступает журнальное интервью, подразделяемое на два ключевых жанра: аналитическое интервью и интервью-беседа. Основной целью журнального интервью и интервью-беседы является не столько донести определенную информацию, сколько оказать воздействие на адресата, потенциального читателя.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАССУЖДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ

2.1. Коммуникативное взаимодействие собеседников и его влияние на рассуждение в диалоге

Построение рассуждения в диалоге зависит от многих факторов, обусловленных коммуникативной ситуацией. Коммуникативная ситуация представляет собой «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» [Формановская 2002:42]. Основными элементами коммуникативной ситуации являются:

- а) участники коммуникации (их фоновые и текущие знания, национально-ментальные стереотипы, социальные роли);
- б) коммуникативные намерения (мотивы и цели, с которыми коммуниканты вступают в общение);
- в) способ общения (выбор оптимальных средств общения);
- г) место и время общения.

[Дейк 1989; Карасик 2002; Столярова 2020]

Участники коммуникации традиционно рассматриваются в качестве важнейшего звена коммуникативной ситуации [Карасик 2002; Дейк 1989; Сидоров 2010 и др.]. На коммуникативную ситуацию и на рассуждение в диалоге самым непосредственным образом будут влиять такие характеристики участников, как:

- возраст,
- гендер,
- социальный статус,
- профессиональный статус,
- уровень образования,
- национальность и другие.

Данные характеристики обуславливают определенные научные и социальные знания, умения и навыки, взгляды и убеждения, что, в свою очередь, определяет ответное понимание участников коммуникации друг друга и самым непосредственным образом влияет на языковое оформление рассуждения в диалоге.

В процессе коммуникации коммуниканты не только взаимодействуют, но и воздействуют друг на друга; они не просто удовлетворяют потребности друг друга в познании, но и преследуют различные коммуникативные цели. Каждый участник выстраивает своё речевое сообщение в зависимости от коммуникативной интенции. Так, например, в процессе рассуждения в диалоге один из собеседников может побуждать собеседника к определенным действиям, убеждать его в определенном мнении, воздействовать на его эмоционально-оценочную сферу посредством оценочных суждений для изменения отношения собеседника к тем или иным событиям.

При этом речь не идет о пассивном восприятии адресатом сказанного адресантом. Во-первых, реплики в диалоге не распадаются на активные или пассивные действия: участники коммуникации действуют одновременно. В то время как один из коммуникантов говорит, второй активно реагирует, что маркируется как вербальными, так и невербальными ответными сигналами [Heinemann 2006, Ungeheuer 1995]. Во-вторых, каждый коммуникант строит своё речевое высказывание с учетом фоновых знаний партнера по коммуникации, учитывая его апперцептивный фон восприятия: опыт, знания, интересы, взгляды, убеждения и предубеждения, его отношение к теме рассуждения. Это определяет «и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств» [Сидоров 2008:57-58]. Таким образом, адресат в не меньшей степени воздействует на адресанта, так как на основе его реакции (возражения, уточнения или запроса примера) адресант корректирует свои способы убеждения, выбирает другие

тактики, чуть иначе оформляет свои рассуждения с языковой точки зрения [Палехова 2019:61].

Анализ текстов рассуждения в журнальной беседе и аналитическом интервью показал, что смысловые позиции реплик развертываются от неосведомленности к осведомленности, ответная реакция адресата побуждает адресанта пояснить сказанное, привести уточняющую или дополняющую информацию. Например:

(9) *Kerp: ...Ich lebe und jobbe zwar in Hamburg, aber nach ein paar Monaten habe ich meist genug von der großen Stadt.*

Spiegel: Warum?

Kerp: Die lauten Straßen, die vielen Menschen stressen mich. Ich kann die Geräusche, die Stimmungen der Menschen häufig nicht gut filtern, alles prasselt auf mich ein, und das kostet mich viel Kraft. (Spiegel 4/ 2018, S.105)

В приведенном фрагменте рассуждения в диалоге один из собеседников сообщает о том, что «хотя она и живет и работает в Гамбурге, но через пару месяцев её большой город зачастую пресыщает» (*ich lebe und jobbe zwar in Hamburg, aber nach ein paar Monaten habe ich meist genug von der großen Stadt*). После этого реагирующий собеседник запрашивает объяснение приведенного в предшествующей реплике утверждения, выраженного вопросительным местоимением «*warum*». В ответной реплике приводится объяснение, «почему» большой город утомляет: «Шумные улицы, множество людей оказывают на меня стрессовое воздействие. Зачастую я не могу отфильтровывать шумы, настроения людей, всё обрушивается на меня и стоит мне многих сил» («*Die lauten Straßen, die vielen Menschen stressen mich. Ich kann die Geräusche, die Stimmungen der Menschen häufig nicht gut filtern, alles prasselt auf mich ein, und das kostet mich viel Kraft*»).

Поясняющая информация может также приводиться в качестве пояснения или иллюстрации своих же размышлений:

(10) *Spiegel: Wenn Sie gerade nicht aus Hamburg wegkönnen, was machen Sie dann gegen den Stress?*

Kerp: Wenn ich gestresst bin oder in einem kreativen Loch stecke, dann greife ich zu meiner Liste, auf der ich Dinge notiert habe, nach denen es mir gut geht. Zum Beispiel mit Paco rausgehen oder auf Bäume klettern. (Spiegel 4/ 2018, S.105)

Так, отвечая на вопрос собеседника, второй коммуникант сообщает, что у неё есть некий список дел, которые её успокаивают. В качестве поясняющей информации приводятся некоторые примеры, что маркируется вводным словом «*zum Beispiel*».

В результате анализа корпуса журнальных интервью и бесед объемом 1478 рассуждений с точки зрения роли каждого участника диалогического общения в структурировании рассуждения мы пришли к выводу, что процесс коммуникации и структура рассуждения зависит от того, симметричны или ассиметричны знания участников. Рассмотрим это на следующих примерах.

2.1.1. Симметричность знаний по обсуждаемой проблеме

Как упоминалось выше, реплики в диалоге не распадаются на активные и пассивные, говорящий оформляет своё высказывание с учетом восприятия и понимания сказанного собеседником.

Если в диалоге оба коммуниканта обладают *симметричными* знаниями по обсуждаемой теме, они относительно точно оценивают пресуппозиционные свойства своего собеседника и выбирают как определенные речевые средства, так и определенные тактики ведения диалога. Рассуждение строится в равной степени обоими коммуникантами, реплики, как правило, относительно равнозначны по объему, диалог разворачивается не столько как вопросно-ответное единство, сколько как беседа по определенной теме, во время которой собеседники дополняют рассуждения друг друга. Также более высок процент научных понятий и

терминов, которые не разъясняются в силу того, что оба собеседника оперируют ими. Например:

(11) Spiegel: Das müssen Sie genauer erklären.

Kanese: ...Geld ist objektiv betrachtet bloß ein buntes Stück Papier. Erst als Kinder lernen wir, dass dieses Papier Wert hat: Eltern gehen arbeiten, um Geld zu verdienen.

Spiegel: Und vielleicht kommen die Eltern der anderen Kinder mit mehr Geld nach Hause.

Kanese: Kinder bekommen mit, wenn Eltern sich besser oder schlechter im Vergleich zu den Nachbarn fühlen, weil sie ärmer oder reicher sind.

Spiegel: Das heißt, wir verknüpfen Geld mit Gefühlen, mit Wünschen und Ängsten?

Kanese: Genau. (Spiegel Wissen 4/2019, S. 38)

В приведенном фрагменте диалога собеседники рассуждают на тему денег. Один из собеседников приводит суждение, что «объективно рассуждая, деньги – это лишь цветная бумажки» («*Geld ist objektiv betrachtet bloß ein buntes Stück Papier*») и что «в детстве мы узнаем, что эта бумага имеет ценность: родители работают, чтобы получать деньги» («*Erst als Kinder lernen wir, dass dieses Papier Wert hat: Eltern gehen arbeiten, um Geld zu verdienen*»). Второй собеседник подхватывает размышления первого и приводит в качестве примера суждение: «*Und vielleicht kommen die Eltern der anderen Kinder mit mehr Geld nach Hause*» («И возможно, родители других детей приносят домой больше денег»). Первый собеседник косвенно соглашается с приведенным примером, размышляя далее, к чему это может привести: «*Kinder bekommen mit, wenn Eltern sich besser oder schlechter im Vergleich zu den Nachbarn fühlen*» («дети понимают, когда родители чувствуют себя лучше или хуже по сравнению с соседями»), обосновывая это в придаточном причини, вводимым союзом «*weil*»: «*weil sie ärmer oder reicher sind*» («потому что они беднее или богаче»). Второй говорящий делает из слов первого говорящего вывод: «*Das heißt, wir verknüpfen Geld mit*

Gefühlen, mit Wünschen und Ängsten?» («это значит, мы связываем деньги с чувствами, с желаниями и страхами?»). Вывод строится в форме неместоименного вопроса, что обусловлено тем, что говорящий запрашивает у своего собеседника оценку выводного суждения с точки зрения истинности или ложности. В ответной реплике данный вывод подтверждается, что выражено лексически с помощью наречия «genau» («точно»).

2.1.2. Асимметричность знаний по обсуждаемой проблеме

При *асимметричных* знаниях рассуждение также располагается в репликах обоих коммуникантов, но реплики неравнозначны по объему: более информированный собеседник выстраивает рассуждение с учетом минимальных фоновых знаний собеседника, объясняет термины и понятия. В его репликах больший удельный вес простых предложений, высок процент сравнений и примеров, способствующих большей наглядности. Коммуникативной целью более информированного коммуниканта является донесение до собеседника той или иной информации с целью расширения знаний и, как следствие, воздействия на мнение и оценку.

В ответных репликах реагирующий собеседник нередко задает уточняющие вопросы, а также выстраивает вывод, сделанный из предшествующих утверждений собеседника, в форме вопроса, уточняя тем самым истинность выводного суждения. Также и сами реплики неравнозначны по объему. Рассмотрим следующий пример:

(12) *Spiegel: Herr Koch, warum braucht ausgerechnet Deutschland Biernachhilfe von einer Brauerei aus Kalifornien?*

Koch: „Brauchen“ ist vielleicht das falsche Wort. Es geht darum, die Vielfalt zu vergrößern. Wir brauen zum Beispiel stärker gehopfte Biere oder etwa das Mokka-Stout mit Wintergewürzen. So etwas gibt es auf dem deutschen Markt bisher kaum.

Spiegel: Sie meinen, außer Pils und Weißbier ist hier nicht viel zu bekommen?

Koch: Es gibt hervorragendes deutsches Bier – es ist bloß meist schwer zu finden, weil der Einzelhandel es nicht führt. Außerdem sorgt das Reinheitsgebot, das Zutaten vorschreibt, dafür, dass weniger experimentiert werden kann. Deutsche Biere sind für mich so was wie die klassische Musik. Wir aber machen Rock 'n' Roll. (Spiegel 3/2017, S.72)

В приведенном фрагменте диалога рассуждение инициируется менее осведомленным собеседником. Он запрашивает объяснение некоего положения вещей. При этом вопрос вводится вопросительным местоимением «*warum*», что маркирует не запрос истинности или ложности содержащегося в вопросе утверждения «Германии нужна помощь от пивоварни из Калифорнии» («*Deutschland braucht Biernachhilfe von einer Brauerei aus Kalifornien*»), а запрос объяснения. В ответной реплике второй собеседник рассуждает на эту тему, из его рассуждений менее осведомленный собеседник делает некоторый вывод, но данный вывод строится в форме уточняющего вопроса: «Вы полагаете, кроме пива Пильс и Вайсбир здесь мало что есть?» («*Sie meinen, außer Pils und Weißbier ist hier nicht viel zu bekommen?*»). Реагирующий собеседник косвенно соглашается, рассуждая и поясняя, почему он так думает.

Итак, как показывают многочисленные примеры, реплики более информированного собеседника, как правило, больше по объему, более развернуты, используемые термины поясняются, приводятся метафорические сравнения, повышающие наглядность и, как следствие, восприятие информации.

2.2. Коммуникативные модели развертывания рассуждения в диалоге

В силу того, что оба коммуниканта в процессе рассуждения в диалоге активны, мы предлагаем отойти от традиционного деления участников коммуникации на «слушающий» и «говорящий», а рассматривать их

исключительно с точки зрения «говорящих»: «говорящий 1 (Γ_1)» и «говорящий 2 (Γ_2)».

Как отмечалось выше, каждый коммуникант строит своё высказывание с учетом апперцептивного фона восприятия собеседника и преследует при этом свои цели. В зависимости от намерений первого коммуниканта/говорящего его речевые действия могут быть направлены на констатацию некоего факта (с целью сообщить что-то), на предположение (с целью косвенно побудить собеседника подтвердить или опровергнуть это предварительное суждение и обосновать свою точку зрения), на выяснение информации (с целью получить ответ на вопрос).

Ответные действия второго коммуниканта/говорящего выражаются, как правило, подтверждением или отрицанием того, что сообщалось в реплике первого говорящего/коммуниканта. Помимо оценочного суждения второй говорящий нередко аргументирует свое мнение.

Намерения *иницирующего собеседника* нередко направлены на получение определенной информации, как следствие он выстраивает свою реплику в форме вопроса, запрашивая:

- информацию,
- мнение,
- пояснение или пример того, что утверждалось ранее, или
- обоснование.

Однако инициирующий собеседник может также косвенно побуждать реагирующего собеседника занять определенную позицию и обосновать свою точку зрения, констатируя определенные факты или приводя существующие мнения по обсуждаемой проблеме. Нередко после приведения некоторых суждений первый говорящий делает вывод из своих же утверждений, но вывод строится в форме вопроса. Таким образом, он побуждает второго говорящего оценить вывод с точки зрения истинности или ложности, а также обосновать это.

Действия *реагирующего собеседника* практически всегда направлены на обоснование, объяснение, пояснение, иллюстрацию или аргументацию. Второй говорящий, таким образом, соглашается или не соглашается и тем, что утверждал первый говорящий, и далее обосновывает своё мнение, или приводит объяснение на прямой запрос пояснения, иллюстрацию на прямой запрос примера, мнение и его мотивировку на запрос мнения.

На основе анализа корпуса примеров диалогических текстов современных немецкоязычных СМИ нами были выделены наиболее продуктивные модели развертывания рассуждения в диалоге, отражающие коммуникативный характер инициирующих и реагирующих реплик участников общения. Результаты нашего моделирования представлены в следующей таблице:

Таблица 5

Г ₂ \ Г ₁	подтверждение + обоснование	обоснование, объяснение	мнение + аргументация	оценка + обоснование	отрицание + обоснование	сомнение + обоснование
констатация факта	+	+			(+)*	+
выражение мнения/оценки	+		+	+		+
констатация + вывод в форме вопроса	+				+	
констатация/мнение + запрос оценки	+	+	+	+		
констатация + запрос пояснения		+				
запрос мнения		+	+	+	+	
запрос пояснения/примера	+	+				
запрос обоснования		+	+			

* единичные случаи

В зависимости от характера инициирующей реплики все коммуникативные действия рассуждающих собеседников (на основании этого все модели) можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся модели рассуждения, при которых рассуждение инициируется

собственно утверждением. Первый говорящий констатирует некий факт, выражает мнение или приводит оценочное суждение по обсуждаемой проблеме. В ответной реплике второй говорящий, как правило, соглашается с утверждаемым, прямо или косвенно, или высказывает сомнение, обосновывая далее свою позицию. Результаты проведенного исследования позволяют отнести эту модель к самой частотной модели в данной группе. В случае выражения первым говорящим мнения или оценки, второй говорящий может также привести свое мнение или оценку, а затем обосновать свое оценочное суждение. В анализируемом материале были лишь единичные примеры, когда на утверждение в иницирующей реплике второй говорящий реагировал категорическим отрицанием. На наш взгляд, это обусловлено тем, что в процессе рассуждения коммуниканты, как правило, избегают открытой конфронтации, предпочитая прямому отрицанию осторожное сомнение. Как видно из таблицы, в данной группе отсутствуют модели, в которых реагирующий собеседник в ответ на констатацию приводит развернутое мнение или оценочное суждение: во-первых, иницирующий собеседник не запрашивает мнение или оценку утверждаемого, во-вторых, в процессе рассуждения в диалоге на простое утверждающее суждение второй говорящий реагирует согласием или несогласием (выраженным сомнением), объясняя свою позицию.

Вторая группа представлена моделями, в которых первый говорящий приводит некое суждение по обсуждаемой проблеме, а затем запрашивает у второго говорящего мнение или оценку, подразумевая последующее обоснование высказанного оценочного суждения. Запрашиваться может также пояснение некоего общеизвестного факта или же иницирующий собеседник констатирует некий факт объективной реакции и делает выводы, но вывод подается в форме вопроса, тем самым он запрашивает у второго говорящего подтверждения или опровержения выводного суждения. Второй говорящий либо подтверждает истинность сделанного первым говорящим вывода и обосновывает, почему это именно так, либо опровергает, приводя

ряд обосновывающих суждений, почему вывод первого говорящего ложен. Следует отметить, что в случае уточнения первым говорящим истинности или ложности сделанного им вывода (что выражается, как правило, неместоименным вопросом), второй говорящий не может выразить, например, сомнение. Это обусловлено тем, что уточнение вывода побуждает второго, как правило, более осведомленного говорящего дать четкий ответ: да или нет, и обосновать свою точку зрения.

К третьей группе моделей мы отнесли модели, в которых рассуждение инициируется *запросом некоей информации*. Первый говорящий может запрашивать мнение, объяснение, обоснование или пример в качестве иллюстрации. В ответной реплике второй говорящий приводит свое мнение по обсуждаемой проблеме и сразу обосновывает его. В случае запроса в инициирующей реплике пояснения или объяснения, второй говорящий сразу приводит обосновывающее суждение. Следует отметить, что среди выделенных нами в результате исследования моделей развертывания рассуждения в диалоге это две самые частотные модели в этой группе. Пограничными вариантами являются модели с запросом информации с целью уточнения истинности или ложности некоего положения дел или существующего мнения, вследствие чего второй говорящий может подтвердить или опровергнуть содержащуюся в вопросе первого говорящего пропозицию, обосновывая далее подтвержденную или скорректированную отрицанием пропозицию.

Таким образом, аргументативный анализ текстов журнальных бесед и интервью показал, что наиболее часто рассуждение инициируется репликой первого говорящего, в которой содержится констатация некоего факта, выражение оценки или мнения, а также запрос обоснования. В качестве ответной реакции на констатацию некоего существующего положения вещей второй говорящий, как правило, эксплицитно выражает согласие или несогласие, после чего обосновывает свою позицию. Если в инициирующей реплике приводится некое мнение или оценочное суждение, то второй

говорящий либо сразу обосновывает его, косвенно соглашаясь высказанным в предшествующей реплике оценочным суждением, либо эксплицитно оценивает его с точки зрения истинности или ложности, а затем также обосновывает или объясняет свою точку зрения.

Рассмотрим более подробно выделенные нами в ходе анализа эмпирического материала группы моделей.

2.2.1. Модели с утверждением в иницирующей реплике

2.2.1.1. Модель: G_1 (мнение/утверждение) \rightarrow G_2 (+/[+] + обоснование)

Одной из самых частотных моделей, отражающей развертывание рассуждения в диалоге, является модель G_1 (мнение/утверждение) \rightarrow G_2 (+/[+] обоснование).

В данной модели первый говорящий констатирует какой-то факт или некую точку зрения по обсуждаемой проблеме, а второй говорящий обосновывает приводимое первым утверждение, прямо или косвенно подтверждая его. В качестве условного обозначения эксплицитного согласия с тем, что утверждается в предшествующей реплике в предлагаемой нами схеме служит «+», для обозначения косвенного (имплицитно выраженного) согласия – «+[+]».

Таким образом, рассуждение располагается в репликах обоих коммуникантов: первый выдвигает некое утверждение (тезис), а второй обосновывает его. При этом обоснование или объяснение утверждения, приводимого вторым говорящим, выражает, на наш взгляд, косвенное согласие со словами партнера по коммуникации.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что второй говорящий относительно редко эксплицитно выражает своё согласие с утверждением первого говорящего. Как правило, он сразу обосновывает или объясняет приведенное суждение, что, как показывает контекстуальный анализ, имплицитно выражает согласие. Например:

(13) *Spiegel: Im Wahlkampf klang Bush so, als wolle er das Wirken der USA als Weltpolizist lieber einschränken.*

Brzezinski: Im Wahlkampf wird immer Übertrieben. (...) (Spiegel 1/2001)

В данном фрагменте один из коммуникантов приводит суждение, что «в предвыборной гонке Буш звучал так, словно он намерен ограничить влияние США в роли всемирного полицейского»³ («*Im Wahlkampf klang Bush so, als wolle er das Wirken der USA als Weltpolizist lieber einschränken*»). Второй говорящий приводит объясняющее оценочное суждение: «Во время предвыборной гонке всегда утрируют» («*Im Wahlkampf wird immer Übertrieben*»). Данное суждение выступает как объяснение поведения Буша, а также подразумевает косвенное согласие с тем, что констатирует первый говорящий.

Еще одним примером объяснения или обоснования вторым говорящим того, что утверждает первый, может служить следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(14) *Spiegel: Andere Leute haben denselben Chef, kriegen aber keinen Stressbauch.*

Peters: Die haben eine Art Schutzschalter im Vordergehirn, sie sind viel stressresistenter, entwickeln keine Ängste und keinen hohen Blutdruck. (...) (Spiegel Wissen 1/2016, S.10)

В приведенном фрагменте диалога коммуниканты рассуждают о взаимосвязи стресса и избыточного веса. При этом один из собеседников высказывает мнение, что люди по-разному реагируют на стресс, в частности некоторые даже при наличии одного начальника «не наедают стрессовый живот» («*kriegen aber keinen Stressbauch*»). В ответной реплике второй говорящий косвенно соглашается с приведенным утверждением, сразу объясняя такое положение дел: «У них в передней части мозга есть своего рода предохранительные выключатели, они стрессоустойчивее, у них не возникает страхов и повышенного артериального давления» («*Die haben eine*

³ Здесь и далее по тексту перевод автора

Art Schutzschalter im Vordergehirn, sie sind viel stressresistenter, entwickeln keine Ängste und keinen hohen Blutdruck»).

В качестве примера того, что реагирующий собеседник эксплицитно соглашается со словами первого говорящего, может служить следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(15) Spiegel: ...in der die Hongkonger Behörden sich entschieden haben, alle 1,3 Millionen Hühner in der Stadt zu schlachten und zu verbrennen.

Kurth: Genau. Und das war auch das einzig Sinnvolle. In dieser Situation also musste man einen völlig neuen Impfstoff machen. Normalerweise geht das, grob gesagt, so: Sie beimpfen... (Spiegel 52/2000)

В приведенном фрагменте первый говорящий, рассуждая на тему птичьего гриппа, констатирует факт, что «Власти Гонконга приняли решение забить и сжечь все 1,3 миллиона в городе» («*die Hongkonger Behörden haben sich entschieden, alle 1,3 Millionen Hühner in der Stadt zu schlachten und zu verbrennen*»). Второй говорящий эксплицитно подтверждает сказанное первым говорящим «точно» («*genau*»), приводя следом мнение, что «это было единственно разумное» («*das war auch das einzig Sinnvolle*»), и, объясняя это решение тем, что «значит, в этой ситуации нужно было изготавливать абсолютно новую вакцину» («*In dieser Situation also musste man einen völlig neuen Impfstoff machen*»).

2.2.1.2. Модель: Г₁ (мнение/утверждение) → Г₂ (-/[+/-] + обоснование)

Основное отличие данной модели от предыдущей заключается в том, что второй говорящий не соглашается с тем, что утверждает первый говорящий в предшествующей реплике, или соглашается частично. Утверждение первого говорящего может быть простой констатацией фактов, приведением мнения или оценочного суждения. Второй говорящий аргументирует своё (частичное) несогласие. В предлагаемой нами схеме эксплицитное несогласие условно обозначено «-», частичное несогласие с

утверждениями собеседниками, выражаемое, как правило, косвенно, условно обозначено «[+/-]».

Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(16) *Martin: Daran kann ich mich nicht erinnern.*

Sonja: Doch, doch, das war für mich mit ein Trennungsgrund, weil ich das Gefühl hatte, du wolltest in eine andere Richtung. (Spiegel Wissen 4/2018, S.111)

Один из собеседников уклончиво отвечает на утверждения другого коммуниканта «Такого я не помню» («*Daran kann ich mich nicht erinnern*»), на которое второй говорящий тут же реагирует отрицательным «*doch, doch*», выступающим в немецком языке в качестве отрицания содержащейся в предшествующей реплике отрицательного утверждения. Далее второй говорящий отталкивается уже от скорректированного утверждения, выступающего в качестве объяснения причины, почему они расстались, что маркируется лексически существительным «причина расставания» («*Trennungsgrund*»), а затем обосновывает «потому что у меня было чувство, ты хотел в другое направление» («*weil ich das Gefühl hatte, du wolltest in eine andere Richtung*»).

Примером *частичного несогласия* может случить следующий фрагмент рассуждения:

(17) *Spiegel: Heute sagen wir, Heimat ist wählbar.*

Mitzscherlich: Sofern ich die finanziellen Mittel habe, den Ort zu wählen. In der DDR war der Ort nicht wählbar, es gab eine Mauer ums Land. (...) (Spiegel Wissen 6/2016, S.16)

В данном фрагменте диалога, рассуждая о родине, один из собеседников приводит утверждение, что «родину можно выбрать» («*Heimat ist wählbar*»), которое второй говорящий не подтверждает и не опровергает прямо, однако его ответная реплика имплицитно подразумевает частичное согласие, что маркируется союзом «*sofern*» («при условии»). Таким образом, он оговаривает условие, при котором утверждаемое первым говорящим может иметь место: «При

условии наличия финансовых средств для того, чтобы выбирать место жительства» («*Sofern ich die finanziellen Mittel habe, den Ort zu wählen*»). Далее в качестве аргумента своей позиции, что утверждаемое первым говорящим не всегда возможно, приводится пример: «В ГДР нельзя было выбирать место жительства, вокруг страны была стена» («*In der DDR war der Ort nicht wählbar, es gab eine Mauer ums Land*»). При этом, если первое условие «наличие финансовых возможностей» («*die finanziellen Mittel*») не вызывает вопросов, то приведенный пример «проживание в ГДР» подкрепляется еще одним аргументом – «стена вокруг страны».

2.2.1.3. Модель: Г₁ (мнение/утверждение) → Г₂ (оценка/обоснование)

Еще одной моделью с утверждением в инициирующей реплике, выделенной в ходе нашего исследования, является модель, в которой отсутствует как таковое эксплицитное или имплицитное согласие или несогласие с утверждением первого говорящего. На утверждения первого говорящего второй говорящий приводит либо оценочное суждение, либо обоснование:

В качестве примера данной модели выступает следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(18) *Spiegel: In Großbritannien argumentieren die Klon-Befürworter, allen voran eine stoffwechselkranke Abgeordnete, ein zehn Tage alter Embryo in der Petrischale sei nicht viel mehr als ein winziges Klümpchen Blut und Gewebe – ohne Nerven, ohne Gehirn, ohne Empfindungen, ohne Bewusstsein.*

Kollek: Wer im menschlichen Embryo nur den kleinen Zellhaufen ohne Bewusstsein sieht, missachtet dessen Potenzial, ein Mitglied der menschlichen Gemeinschaft werden zu können. (Spiegel 1/2001, S.146)

В инициирующей реплике первый говорящий цитирует британских сторонников клонирования, приводя суждение, что «десятидневный эмбрион в чашке Петри – это не более, чем крохотный сгусток крови и клеток, не имеющий ни нервных волокон, ни мозга, ни восприятия, ни сознания» («*ein*

zehn Tage alter Embryo in der Petrischale sei nicht viel mehr als ein winziges Klümpchen Blut und Gewebe – ohne Nerven, ohne Gehirn, ohne Empfindungen, ohne Bewusstsein»). Данное категорическое суждение выступает стимулом для его оценки. Побуждая собеседника к оценке, первый говорящий параллельно предполагает и ее мотивировку. Таким образом, сообщение выступает в данном случае побуждением к рассуждению. В оценочном суждении второго говорящего «кто видит в человеческом эмбрионе бессознательную кучку клеток, игнорирует его потенциал стать членом человеческого сообщества» («*Wer im menschlichen Embryo nur den kleinen Zellhaufen ohne Bewusstsein sieht, missachtet dessen Potenzial, ein Mitglied der menschlichen Gemeinschaft werden zu können*»). Условно ответная реплика может быть представлена как оценка «тот, кто видит в человеческом эмбрионе бессознательную кучку клеток, не прав» и её обоснование «человеческий эмбрион – это потенциальный человек».

2.2.2. Модели с утверждением и запросом в инициирующей реплике

2.2.2.1. Модель: Г₁ (мнение/утверждение + уточнение вывода) → Г₂ (+/- + обоснование)

Отличие данной группы моделей от первой состоит в том, что первый говорящий сначала приводит некоторое суждение, констатирует некий факт по обсуждаемой проблеме, а затем делает выводы. Однако вывод строится в форме вопроса. Таким образом, первый говорящий запрашивает у второго оценку вывода с точки зрения истинности или ложности, подразумевая при этом обоснование либо подтвержденной, либо отрицаемой содержащейся в вопросе пропозиции. Например:

(19) Spiegel: Wir erreichen Sie am Sonntag am Schreibtisch. Treibt Sie die Sorge um die neue Variante des Sars-Cov-2-Erregers zur Wochenendarbeit?

Neher: Ja, ich finde diese neue Variante wirklich bemerkenswert. Diese und eine weitere Variante sind in Großbritannien und in Südafrika bekannt geworden und weisen viele Mutationen in relevanten Teilen des Genoms auf. Deswegen

müssen wir dringend verstehen, wie sie sich ausbreiteten und wie es dazu gekommen ist. (Spiegel 28.04.2020)

Первый говорящий констатирует очевидный факт «Мы застаем Вас в воскресенье за письменным столом» («*Wir erreichen Sie am Sonntag am Schreibtisch*»), из чего логично следует, что «Работать в выходные Вас вынуждает тревога о новом варианте коронавируса» («*Sie treibt die Sorge um die neue Variante des Sars-Cov-2-Erregers zur Wochenendarbeit*»). Однако данный логичный вывод строится в форме вопроса. Тем самым первый говорящий побуждает второго к объяснению. Второй говорящий эксплицитно подтверждает правильность вывода «*Ja*», сначала поясняя «я считаю, этот новый вариант действительно заслуживает внимания» («*ich finde diese neue Variante wirklich bemerkenswert*»). Он рассуждает, приводя дальнейшие доводы, констатируя, что «этот и новый вариант (вируса) распространились в Великобритании и в ЮАР и обнаруживают в релевантных частях генома многочисленные мутации» («*Diese und eine weitere Variante sind in Großbritannien und in Südafrika bekannt geworden und weisen viele Mutationen in relevanten Teilen des Genoms auf*»). В завершение своих рассуждений по теме второй говорящий делает вывод, который также подтверждает вывод из предшествующей реплики первого говорящего, что маркируется союзом *deswegen*: «поэтому нам нужно срочно понять, как они распространяются и как это случилось» («*Deswegen müssen wir dringend verstehen, wie sie sich ausbreiteten und wie es dazu gekommen ist*»).

Рассмотрим еще один пример рассуждения в диалоге, где второй говорящий частично отрицает истинность уточняемого первым говорящим вывода:

(20) *Spiegel: Frau Kollek, die Entscheidung des britischen Unterhauses, das Klonen menschlicher Embryonen für die medizinische Forschung zu erlauben, sorgt für Empörung. Hat ein Zellhaufen Menschenwürde?*

Kollek: Ich würde nicht so weit gehen, ihm die volle Menschenwürde zuzuschreiben. Aber grundsätzlich verdient auch der frühe menschliche Keim

Respekt. Man kann Embryonen nicht behandeln wie eine Ware – und auch nicht wie einen tierischen Keim. (Spiegel 1/2001, S.146)

В приведенном фрагменте диалога один из коммуникантов сообщает о принятом палатой общин решении и об оценочной реакции на это решение «Решение британской палаты общин разрешить клонирование человеческого эмбриона для медицинских исследований вызывает возмущение» («*die Entscheidung des britischen Unterhauses, das Klonen menschlicher Embryonen für die medizinische Forschung zu erlauben, sorgt für Empörung*»). Первый говорящий не просто сообщает некоторую информацию по обсуждаемой проблеме, он делает некоторые выводы: «Скопление клеток обладает человеческим достоинством?» («*Hat ein Zellhaufen Menschenwürde?*»). Эти выводы эксплицируются не в форме утверждения, а в форме вопроса, что, как показали наши исследования, довольно типично для рассуждения в диалоге. Таким образом, один из собеседников, во-первых, уточняет истинность своих выводов, а во-вторых, побуждает другого участника разговора занять определенную позицию, высказать свое мнение или оценку и по возможности обосновать её, что тот и делает.

Следует сказать, что в ответной реплике не всегда присутствуют маркеры причинно-следственной связи. Объяснение строится в форме простых обозримых предложений, декодируемых, однако, как единое целое с иницирующей репликой, содержащей в себе, как правило, некие рассуждения по обсуждаемой теме и условный вывод, как следствие, ответная реплика является частью рассуждения. Она косвенно подтверждает намеченный в иницирующей реплике вывод и либо обосновывает его, либо продолжает рассуждения, начатые собеседником. Например:

(21) Spiegel: Professor Lifton, vor Weihnachten hat der texanische Gouverneur George W. Bush mit der 40. Exekution einen neuen Jahresrekord für Hinrichtungen in einzelnen US-Bundesstaaten aufgestellt. Wird er als Präsident nun die Todesurteile von Bundesgerichten vollstrecken lassen?

Lifton: Die Zahl der Hinrichtungen wird sicher zunächst noch weiterwachsen. Aber das Unbehagen der Öffentlichkeit über diese unmenschliche Strafe wächst ebenso. (Spiegel 2/2001, S.122)

В данном фрагменте диалога в иницилирующей реплике одного из коммуникантов приводятся некоторые статистические данные, констатируются определенные факты: «перед Рождеством тexasский губернатор Джорж Буш-младший сороковой экзекуцией установил новый годовой рекорд по смертным казням в отдельном штате США» (*«vor Weihnachten hat der texanische Gouverneur George W. Bush mit der 40. Exekution einen neuen Jahresrekord für Hinrichtungen in einzelnen US-Bundesstaaten aufgestellt»*). Сообщив об определенном положении дел, первый говорящий делает свои выводы из вышесказанного, высказывает определенные предположения о возможном развитии событий на основании имеющихся в его распоряжении данных. Он предполагает, что если Джорж Буш, будучи губернатором отдельного штата, был сторонником смертной казни, то сейчас, став президентом, он будет поддерживать приведение в исполнение смертных приговоров федеральных судов (*«Wird er als Präsident nun die Todesurteile von Bundesgerichten vollstrecken lassen?»*). Поскольку данный вывод является только предположением, субъективной точкой зрения говорящего, то все предполагаемое презентуется второму говорящему не в форме утверждения, а в форме вопроса. Таким образом, первый собеседник не только не навязывает свою точку зрения, но и побуждает второго высказать свое собственное мнение по данному вопросу. Как показывают наши исследования, побуждая собеседника к оценке ситуации, говорящий подразумевает при этом мотивировку оценки, объяснение высказываемого мнения.

Таким образом, предположение-вывод, приведенное первым говорящим после констатации фактов, выступает стимулом к дальнейшим рассуждениям.

2.2.2.2. Модель: Г₁ (мнение/утверждение + запрос пояснения) → Г₂ (обоснование)

В анализируемом корпусе текстов журнальных интервью немало примеров развертывания рассуждения, когда один из коммуникантов приводит в качестве некоего мнения точку зрения своего собеседника, которую он не понимает или не разделяет. После отсылки к точке зрения второго говорящего, первый говорящий запрашивает у того пояснение или объяснение, в ответной реплике второй говорящий сразу обосновывает приведенное в предшествующей реплике утверждение.

Рассмотрим следующий фрагмент рассуждения:

(22) *Spiegel: Herr Peters, Ihr Credo lautet: Macht Schluss mit allen Diäten und Selbstvorwürfen! Was ist verkehrt daran, sein Gewicht zu vermindern?*

Peters: Übergewichtige mit Vorwürfen und Diäten zu traktieren ist grundfalsch. Die haben eh schon genug Druck, deshalb sind sie ja dick geworden. Denn Stress ist die Hauptursache für Übergewicht, wie unsere Forschungen zeigen. (Spiegel Wissen 1/2016, S.10)

В данном фрагменте диалога первый говорящий цитирует второго: «Ваше кредо гласит: никаких диет и самоупреков!» («*Ihr Credo lautet: Macht Schluss mit allen Diäten und Selbstvorwürfen!*»). Своё непонимание такой точки зрения он имплицитно выражает в вопросе с маркером оценочности «*verkehrt*»: «*Что превратного в том, чтобы снизить свой вес?*» («*Was ist verkehrt daran, sein Gewicht zu vermindern?*»). На что второй говорящий приводит оценочное суждение, маркируемое лексически оценочным прилагательным «*grundfalsch*» («в корне неверно»): «третировать людей с избыточным весом упреками и диетами в корне неверно» («*Übergewichtige mit Vorwürfen und Diäten zu traktieren ist grundfalsch*»). Далее второй говорящий обосновывает своё мнение: «Они и так испытывают достаточное давление, поэтому они и стали толстыми. Поскольку стресс является основной причиной избыточного веса, как показывают наши исследования» («*Die haben eh schon genug Druck, deshalb sind sie ja dick geworden. Denn Stress ist die Hauptursache für*

Übergewicht, wie unsere Forschungen zeigen»). Суждения однозначно воспринимаются в качестве обоснования высказанного ранее мнения не только на основе концептуального смысла, но и благодаря лексическим маркерам причины – союзам «deshalb» («поэтому»), «denn» («так как») и существительному «Hauptursache» («основная причина»). В процессе обоснования вторым говорящим также приводится ссылка на источник знания: «wie unsere Forschungen zeigen».

Нередко один из коммуникантов приводит в качестве некоего мнения точку зрения своего собеседника, которую он не понимает или не разделяет. После отсылки к данной точке зрения собеседника, первый говорящий запрашивает у того пояснение или объяснение. Второй говорящий сразу обосновывает приведенное в предшествующей реплике утверждение.

Рассмотрим еще один пример цитирования мнения второго говорящего, после чего первый говорящий не запрашивает пояснения, а запрашивает оценку приведенного факта, идущего в разрез с мнением второго говорящего, с его точкой зрения:

(23) *Spiegel: Sie behaupten, die Tage der Todesstrafe in den USA seien fast gezählt. Wie verträgt sich Ihr Optimismus mit der Tatsache, dass nach der Wahl von Bush die Hinrichtungen in Texas sogar noch beschleunigt wurden?*

Lifton: Weil er vor der Wahl gebremst hatte. Noch in der zweiten TV-Debatte mit seinem Gegenspieler Al Gore hatte Bush enthusiastisch der Todesstrafe das Wort geredet. Dann stellten seine Meinungsforscher negative Reaktionen bei den Wählern fest – genau das, was wir auch herausgefunden haben. (Spiegel 2/2001, S. 122)

Следует отметить, что цитирование мнения второго говорящего «дни смертной казни в США уже почти сочтены» («die Tage der Todesstrafe in den USA seien fast gezählt») маркируется как лексически: «Вы утверждаете» («*Sie behaupten*»), так и грамматически: использованием типичного для немецкого языка первого конъюнктива для отсылки к сообщению третьих лиц, когда говорящий не уверен в достоверности чужого мнения или высказывания и

дистанцируется от содержащейся в высказывании пропозиции. Таким образом, вопрос интервьюера *«Wie verträgt sich Ihr Optimismus mit der Tatsache, dass ...»* («как вяжется Ваш оптимизм с тем фактом, что») выступает запросом объяснения данного факта. Первый говорящий побуждает к обоснованию существование противоречащих утверждениям второго говорящего событий. В реагирующей реплике второй говорящий приводит запрашиваемое объяснение: «Так как он притормозил перед выборами» (*«Weil er vor der Wahl gebremst hatte»*). Он не просто приводит объясняющее суждение, маркируемое причинным союзом «weil», он приводит следом также объяснение, почему Буш так себя повел. В качестве объяснение в данном случае выступает сообщение о том, что «еще во время вторых теледебатов со своим противником Гором Буш восторженно высказывался в защиту смертной казни; затем его исследователи общественного мнения определили негативную реакцию избирателей» (*«Noch in der zweiten TV-Debatte mit seinem Gegenspieler Al Gore hatte Bush enthusiastisch der Todesstrafe das Wort geredet. Dann stellten seine Meinungsforscher negative Reaktionen bei den Wählern fest»*).

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что указание на существующие противоречия выступают универсальным средством побуждения собеседника к рассуждению, при этом нередко используются лексемы оценочной семантики.

2.2.3. Модели с запросом в иницирующей реплике

2.2.3.1. Модель: Г₁ (запрос или уточнение мнения либо вывода) → Г₂ ([+/-] + обоснование)

Отличительной особенностью моделей третьей группы является отсутствие утверждений, предваряющих вопрос первого говорящего, который задает вопрос своему собеседнику с целью уточнения истинности определенного мнения, запроса примера или пояснения того, что утверждалось ранее, а также запроса обоснования. Как показывает наше

исследование корпуса рассуждений, самым частотным в диалоге, является вопрос, задаваемый к предшествующему высказыванию собеседника. Логика построения данной модели диктуется тем, что первый говорящий не запрашивает мнение к тому утверждению, что он приводит сам, а реагирует на высказывание второго говорящего: уточняет истинность мнения, запрашивает мнение, побуждает обосновать сказанное.

Следует отметить, что первый говорящий выстраивает свою реплику в форме неместоименного вопроса, подразумевающего «да/нет» ответ. В ответной реплике второй говорящий соглашается или не соглашается с содержащейся в вопросе пропозицией, обосновывая далее свою позицию и рассуждая на тему.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующий фрагмент рассуждения.

(24) Reinhard: Als Philosophin glaube ich, auch wenn es trivial klingt, dass Schönheit von innen kommt. Schönheit hat mit Intelligenz, mit Herzensbildung, mit Inspiriertsein und Moralität zu tun. Also mit einer Haltung, die versucht, Gutes in die Welt zu bringen.

Spiegel: Schönheit ohne guten Charakter gibt es nicht?

Reinhard: Richtig. Die alten Griechen hatten dafür den Begriff Kalokagathia, die Einheit des Schönen, Wahren und Guten. Schaut man sich etwa die Kandidatinnen von „Germany’s Next Topmodel“ an, sieht man, wie sich diese Mädchenpräsentieren: Sie versuchen immer auch, ihre geistlichen und charakteristischen Interessen herauszustellen. Offensichtlich lebt das griechische Ideal bis heute noch. (Spiegel Wissen 1/2016, S.33)

Один из коммуникантов приводит ряд оценочных утверждений: «Красота идет изнутри»; «Красота связана с интеллектом, с душевной чуткостью, с вдохновением и с нравственностью» «То есть с манерой вести себя, пытаюсь нести в мир добро» («*Als Philosophin glaube ich, auch wenn es trivial klingt, dass Schönheit von innen kommt. Schönheit hat mit Intelligenz, mit Herzensbildung, mit Inspiriertsein und Moralität zu tun. Also mit einer Haltung,*

die versucht, Gutes in die Welt zu bringen). Второй собеседник делает из этих суждений некоторый вывод и уточняет его: «Красоты без хорошего характера не существует?» («*Schönheit ohne guten Charakter gibt es nicht?*»). При этом в синтаксическом плане это не вопросительное предложение. Как показывает контекстуальный анализ, это маркирует не столько запрос информации, сколько уточнение истинности или ложности содержащейся в вопросе пропозиции. Истинность уточняемого вывода эксплицитно подтверждается рассуждающим вторым говорящим: «*richtig*», после чего приводятся обосновывающие суждения. При этом в качестве примеров говорящий ссылается как на античных греков «У античных греков для этого существовало понятие калокагатия, единство прекрасного, истинного и доброго» («*Die alten Griechen hatten dafür den Begriff Kalokagathia, die Einheit des Schönen, Wahren und Guten.*»), так и на современное телешоу «Топ-модель по-немецки» («*Germany's Next Topmodel*»).

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что в процессе рассуждения один из коммуникантов нередко запрашивает обоснование того, что утверждалось ранее. При этом именно слушающий побуждает говорящего к объяснению сказанного, мотивировке приведенных оценочных суждений. Побуждением к более развернутому рассуждению, как правило, выступает уточняющий вопрос. Например:

(25) *Reinhard: ...Ich finde die Serie reaktionär. Aber worauf es mir ankommt: Diese Fiktionen prägen uns, unsere Erwartungen an uns selbst und an unsere Partner.*

Spiegel: Also muss jeder aufpassen, mit welchen Filmen und Büchern er seinen Kopf möbliert, will er sich nicht von seinem eigenen Ich entfernen?

Reinhard: Ja. Deswegen sehe ich mein aktuelles Buch als eine Kampfschrift für aufgeklärtes, selbstbestimmendes Denken. (...) (Spiegel Wissen 1/2016, S.32)

В приведенном примере один из собеседников делает вывод из приведенного выше мнения «Эти вымыслы формируют нас, наши ожидания от нас самих и наших партнеров» («*Diese Fiktionen prägen uns, unsere*

Erwartungen an uns selbst und an unsere Partner)), что маркируется союзом «*also* («итак», «следовательно»). Первый говорящий к не просто делает вывод, он выстраивает вывод в форме вопроса: «следовательно, каждому нужно следить за тем, какими фильмами и книгами он мебелирует свою голову, если он не хочет отдалиться от своего Я» («*Also muss jeder aufpassen, mit welchen Filmen und Büchern er seinen Kopf möbliert, will er sich nicht von seinem eigenen Ich entfernen?*»), побуждая тем самым второго говорящего к подтверждению правильности вывода («*Ja*») и к дальнейшим рассуждениям по теме: «Поэтому я считаю свою последнюю книгу памфлетом просвещенного, самоопределяющегося мышления» («*Deswegen sehe ich mein aktuelles Buch als eine Kampfschrift für aufgeklärtes, selbstbestimmendes Denken*»), что маркируется также коннектором «*deswegen*».

Наш анализ структуры рассуждения в диалоге показал, что неместоименным вопросом может запрашиваться также мнение. В ответной реплике второй говорящий приводит мнение и аргументирует его. Например:

(26) *Spiegel online: Würden Sie als Sieger Ihren Konkurrenten Zeller in einer verantwortlichen Position einbinden?*

Kurth: Selbstverständlich. Joachim Zeller ist einer unserer wichtigsten Bezirksbürgermeister und ich hoffe sehr auf seine Mitarbeit im Landesvorstand. (Spiegel 24/2003)

В иницирующей реплике первый говорящий запрашивает у своего собеседника мнение. Запрос мнения строится неместоименным вопросом, что подразумевает подтверждение или отрицание содержащейся в вопросе пропозиции «Вы бы как победитель дали своему конкуренту Целлеру ответственную должность?» («*Würden Sie als Sieger Ihren Konkurrenten Zeller in einer verantwortlichen Position einbinden?*»). В ответной реплике второй говорящий утвердительно отвечает «*selbstverständlich*» («естественно»), после чего обосновывает свою позицию, давая оценку своему конкуренту «Йоахим Целлер – один из наших важнейших районных бургомистров» («*Joachim Zeller ist einer unserer wichtigsten Bezirksbürgermeister*»). Данная

оценка выступает также аргументом к утверждению «я очень надеюсь на его сотрудничество в земельном руководстве» («*ich hoffe sehr auf seine Mitarbeit im Landesvorstand*») и обоснованным ответом на вопрос собеседника.

Примером *опровержения* содержащейся в вопросе пропозиции и затем объяснения своего несогласия со словами собеседника может послужить следующий пример:

(27) *Schambach: Die meisten Deals waren fertig verhandelt und bedurften nur noch der Unterschrift. Kurz vor dem Jahreswechsel aber haben viele große Unternehmen Order bekommen, wegen der schlechten Konjunkturaussichten Investitionen zu verschieben oder zu streichen. Noch bis zum Freitag vor Silvester haben wir eine ganze Anzahl von unterschriebenen Verträgen erwartet, die aber blieben aus.*

Spiegel: Meinen Sie damit etwa, die Kunden sind schuld?

Schambach: Nein, neben der Investitionszurückhaltung haben wir natürlich unseren Anteil beigetragen. Wir haben die Situation falsch eingeschätzt. Wir sind kalt erwischt worden. (Spiegel 1/2001)

В данном примере вопрос первого говорящего представляет собой уточнение вывода из рассуждений второго говорящего. Его пропозицией является «Вы полагаете, клиенты виноваты?» («*Sie meinen, die Kunden sind schuld*»). На что партнер по коммуникации сначала реагирует опровержением «*nein*», а затем объясняет, почему «нет»: «Мы неправильно оценили ситуацию» («*Wir haben die Situation falsch eingeschätzt*»).

2.2.3.2. Модель: Г₁ (запрос примера/пояснения) → Г₂ (обоснование)

Как отмечалось выше, в качестве коммуникативного намерения одного из собеседников может выступать *запрос примера или пояснения*. Вопрос задается к тому, что уже было сказано выше и что вызвало запрос примера или пояснения. Таким образом, один из коммуникантов побуждает второго пояснить или проиллюстрировать утверждаемое выше, инициируя тем самым дальнейшие рассуждения по обсуждаемой теме. Второй говорящий приводит

пример, нередко объясняя или обосновывая далее те из своих предшествующих утверждений, пояснение которых потребовалось.

Отличие данной модели от предшествующей заключается в том, что первый говорящий не уточняет истинность некоего мнения или вывода, а сразу запрашивает объяснение. Он уже демонстрирует тем самым, что приводимое ранее утверждение истинно, и побуждает своего второго говорящего объяснить, обосновать его. В ответной реплике второй говорящий приводит запрашиваемое обоснование. В отличие от предшествующей модели, здесь не подразумевается оценка с точки зрения истинности или ложности, то есть «да/нет» ответ.

Рассмотрим фрагмент рассуждения в диалоге, в котором запрашивается пример, а по сути, запрашивается обоснование, поскольку пример и иллюстрация являются частью обоснования:

(28) *Spiegel: Zum Beispiel?*

Kurth: Mir bereiten zum Beispiel die sogenannten Affenpocken Sorgen. Diese Viren leben, anders als der Name glauben macht, in Nageltieren. Wir haben immer gedacht, dass Affen und genauso auch Menschen Sekundärwirte sind, die für den Erreger Sackgassen sind. Das heißt: Ab und zu infizieren sich ein paar einzelne Bauern, aber die Pocken-Viren springen nicht von Mensch zu Mensch. Beim letzten Ausbruch im Kongo aber waren es plötzlich 400 Kranke, und vor allem: der Erreger hatte irgendwie Mensch-zu-Mensch-Übertragungen geschafft.

Spiegel: Heißt das, die Pocken kehren womöglich in neuem Gewande zurück?
(*Spiegel 52/2000, S. 185*)

Один из коммуникантов запрашивает пример, что лексически маркируется «zum Beispiel?» на утверждение «Вероятно, нас еще ждут неприятные сюрпризы» («*Wir werden wahrscheinlich noch unschöne Überraschungen erleben*»). Второй говорящий тут же приводит в качестве примера ряд утверждений, что также маркируется лексически: «zum Beispiel». Из своих утверждений он делает некоторые промежуточные выводы, что маркируется «das heißt» («это значит»), и, рассуждая далее,

приводит новые факты, статистические данные: «Во время последней вспышки в Конго вдруг оказалось 400 больных» («*Beim letzten Ausbruch im Kongo aber waren es plötzlich 400 Kranke*»). После чего снова приводит некоторый вывод: «возбудитель освоил перенос с человека на человека» («*der Erreger hatte irgendwie Mensch-zu-Mensch-Übertragungen geschafft*»). Из всего вышесказанного первый говорящий делает вывод, истинность которого он хочет уточнить, поэтому строит вывод в форме вопроса: «Значит ли это, оспа, возможно, вернется в новом обличье?» («*Heißt das, die Pocken kehren womöglich in neuem Gewande zurück?*»).

Рассмотрим пример, когда запрос обоснования в иницирующей реплике строится местоименным вопросом:

(29) *Reinhard: Ich kenne einige Leute unter dreißig, die sind eher biedermeierlich orientiert, häuslich, sie wollen eine frühe Ehe, Stabilität. Mich erschreckt, dass bei vielen Jungen diese Angst vor Freiheit besteht, gerade in einem Alter, in dem Rebellion, Experiment und Freiheit großgeschrieben und ausgetestet werden soll.*)

Spiegel: Wo sehen Sie dafür die Gründe?

Reinhard: Viele von uns haben nie einen Krieg erlebt. Mein Vater, Jahrgang '37, kann sich noch erinnern, wie in München alles brannte nach einem Bombenangriff. Das ist der entscheidende Punkt aus lebensphilosophischer Sicht – das Bewusstsein von der Endlichkeit. (Spiegel Wissen 1/2016, S.31)

Побуждением к рассуждению выступает вопросительная реплика. Один из собеседников запрашивает объяснение причин того, что сообщается в предшествующей реплике. Реплика строится в форме местоименного вопроса: «*Wo sehen Sie dafür die Gründe?*» («В чем Вы видите причины этого?»). В ответной реплике второй говорящий приводит ряд суждений, которые в опоре на запрос обоснования в предшествующей реплике декодируются как обоснование.

Статистический анализ коммуникативных моделей развертывания рассуждения в диалоге выявил, что рассуждение чаще иницируется

непосредственным запросом мнения или вывода, чуть реже запрос предваряется утверждением по обсуждаемой проблеме или приведением некоего мнения, что свидетельствует о существенном влиянии вопросно-ответного характера диалогической речи на построение рассуждения. Процентное соотношение групп коммуникативных моделей, выделяемых по коммуникативному характеру инициирующих реплик, цели представлено в следующей диаграмме:

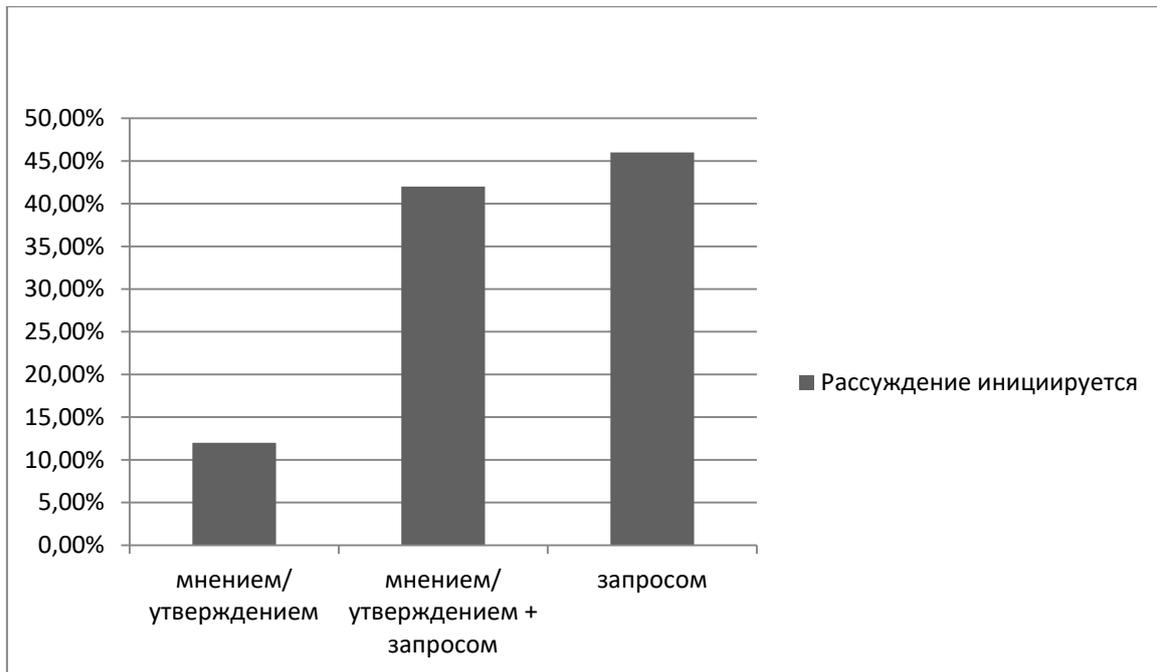

Рисунок 1: Иницирующие реплики по коммуникативной цели

Статистический анализ выявил также частотность коммуникативных моделей внутри каждой группы. В первой группе самой частотной является модель, где на утверждение первого говорящего или приведенное мнение второй говорящий сначала приводит подтверждающую или опровергающую оценочную реакцию, а затем обосновывает своё мнение. Во второй группе более востребованной оказывается модель, где после приведенного утверждения первый говорящий делает вывод, истинность которого далее запрашивается, а реагирующий собеседник сначала подтверждает или опровергает истинность вывода, и лишь затем объясняет свою точку зрения.

В третьей группе обе модели оказались равно востребованными: на прямой запрос мнения, вывода или пояснения второй говорящий равно часто приводит обоснование как с выражением согласия/ несогласия, так и без него. Процентное соотношение коммуникативных моделей реализации рассуждения в диалоге представлено в следующей диаграмме:

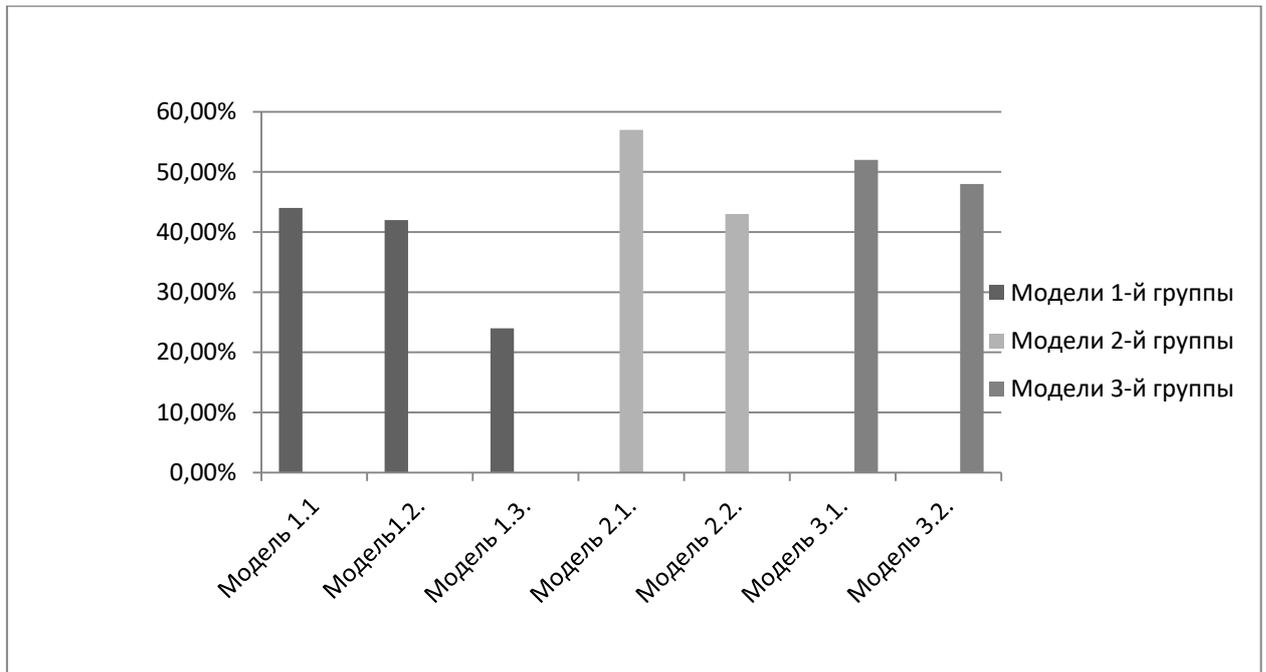

Рисунок 2: Коммуникативные модели реализации рассуждения в диалоге

Выводы по Главе 2

1. Структура рассуждения в диалоге зависит от участников коммуникации и характера отношений между ними, поскольку они являются важнейшей звеном коммуникативной ситуации. На построение рассуждения в диалоге влияют как фоновые знания коммуникантов и их национально-ментальные стереотипы, так и те коммуникативные намерения, с которыми они вступают в диалог.

2. Участники коммуникации действуют одновременно: в то время как один из коммуникантов говорит, второй активно реагирует. При этом каждый коммуникант строит своё речевое высказывание с учетом фоновых знаний партнера по коммуникации, учитывая его апперцептивный фон восприятия: опыт, знания, интересы, взгляды, убеждения и предубеждения. На основе реакции второго собеседника первый собеседник в ходе диалога корректирует свои способы убеждения, меняет коммуникативные тактики, модифицирует языковое оформление рассуждения.

3. На языковое оформление рассуждения в диалоге самым непосредственным образом влияет симметричность или асимметричность знаний собеседников по обсуждаемой проблеме. Относительная точность оценки пресуппозиционных свойств собеседника обуславливает выбор определенных языковых средств и тактик ведения диалога.

4. Рассуждение, как правило, инициируется репликой первого говорящего, в которой содержится констатация некоего факта, выражение оценки или мнения, а также запрос обоснования. В качестве ответной реакции на констатацию некоего существующего положения вещей второй говорящий, как правило, эксплицитно выражает согласие или несогласие, после чего обосновывает свою позицию. Если в инициирующей реплике приводится некое мнение или оценочное суждение, то второй говорящий либо сразу обосновывает его, косвенно соглашаясь высказанным в предшествующей реплике оценочным суждением, либо эксплицитно

оценивает его с точки зрения истинности или ложности, а затем также обосновывает или объясняет свою точку зрения.

5. Анализ корпуса примеров диалогических текстов современных немецкоязычных СМИ позволил выделить продуктивные модели развертывания рассуждения в диалоге, отражающие коммуникативный характер иницирующих и реагирующих реплик участников общения. Данные модели были условно разделены на три группы:

- В первой группе моделей рассуждение иницируется утверждением: в иницирующей реплике говорящий констатирует некий факт, выражает мнение или приводит оценочное суждение по обсуждаемой проблеме. В ответной реплике второй говорящий прямо или косвенно соглашается или не соглашается с утверждаемым в предшествующей реплике, обосновывая далее свою позицию.

- Во второй группе моделей рассуждение иницируется утверждением и вопросом: первый собеседник приводит некое суждение по обсуждаемой проблеме, а затем сразу запрашивает у второго собеседника мнение, оценку или пояснение, побуждая собеседника к последующему обоснованию данного суждения. В ответной реплике второй собеседник либо подтверждает и обосновывает данное суждение, либо опровергает его, приводя ряд контраргументов.

- В третьей группе моделей рассуждение иницируется запросом некой информации. Запрашиваться может мнение, объяснение, обоснование или пример в качестве иллюстрации. В ответной реплике второй собеседник приводит запрашиваемое мнение и обосновывает его. В случае запроса пояснения или объяснения, второй говорящий сразу приводит обосновывающее суждение.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССУЖДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ

3.1. Синтаксические средства оформления рассуждения в диалоге

Рассуждение в диалоге имеет особое оформление. С одной стороны, данной речевой форме присущи все лексико-грамматические средства, обслуживающие тип речи рассуждение, с другой стороны, на его языковое оформление оказывает самое непосредственное влияние диалог.

Как известно, диалогическая речь характеризуется постоянной сменой речевых ролей продуцента и реципиента [Адмони 1994]. Тем не менее, диалог разворачивается как единый текст, и «при нормальных условиях почти невозможно исключить произнесения одного из участников, поскольку сумма произнесений одного участника не образует непрерывной последовательности и, следовательно, не имеет законченного смысла» [Гаузенблаз 1978:67]. В диалоге предшествующая реплика создает своеобразный фон для функционирования последующей реплики, «разгружает» ее, делает излишним присутствие в ней некоторых языковых средств [Кривоносов 1996:247; Михайлов 1986:26]. Это отражает наш анализ текстов журнальных интервью и бесед. Например:

(30) *Spiegel: Woher kommt diese Magische Kraft?*

Rathgeb: Aus der Erinnerung, dass am Anfang, wenn ein Leben geboren wird, Ich und Welt noch nicht getrennt sind, dass sie damals als Einheit erfahren wurden. (Spiegel Wissen 6/2016, S.96)

В приведенном фрагменте рассуждения местоименный вопрос иницирующей реплики «Откуда идет эта магическая сила» («*Woher kommt diese Magische Kraft?*») намечает рему ответной реплики: «*Aus der Erinnerung, dass am Anfang, wenn ein Leben geboren wird, Ich und Welt noch nicht getrennt sind, dass sie damals als Einheit erfahren wurden*» («Из воспоминаний, что вначале, когда зарождается жизнь, Я и Мир еще не разделены, что их тогда познали как единое целое»). Ответная реплика

обретает смысл только в единстве с инициирующей репликой, поскольку в ней не повторяются «излишние» языковые элементы.

Еще одним примером того, что инициирующая и ответная реплики образуют единое синтаксическое целое может служить следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(31) Spiegel: Was kann uns vor dem Scheitern in einer Krise schützen?

Gilan: Tätigkeiten und Dinge im Alltag, die Freude bereiten. (Spiegel Wissen 4/2018, S. 87)

Ответная реплика «различные виды деятельности и вещи в обыденной жизни, приносящие нам радость» («*Tätigkeiten und Dinge im Alltag, die Freude bereiten*») неполноценна без инициирующей реплики «что помогает нам не сорваться во время кризиса?» («*Was kann uns vor dem Scheitern in einer Krise schützen?*»).

Как показывает анализ нашего корпуса рассуждений в журнальном интервью, единое синтаксическое целое образуют все реплики диалога, в которых располагается рассуждение по обсуждаемой теме. Например:

(32) Schackert: (...) Heute leben die Betroffenen zwischen zwölf und 14 Monate. Bis zu fünf Prozent der Patienten schaffen sogar drei Jahre und mehr.

Fokus: Wie erklärt sich dieser messbare, wenn auch kleine Fortschritt?

Schackert: Neue Verfahren geben uns ein genaueres Bild vom Gehirn der Patienten als jemals zuvor. (Focus 46/2007, S. 152)

В приведенном примере каждая последующая реплика опирается на предшествующую. Так, инициирующий рассуждение вопрос «*Чем объясняется этот ощутимый, даже если небольшой прогресс?*» («*Wie erklärt sich dieser messbare, wenn auch kleine Fortschritt?*») обретает смысл только в единстве с предшествующей репликой собеседника: «*Heute leben die Betroffenen zwischen zwölf und 14 Monate. Bis zu fünf Prozent der Patienten schaffen sogar drei Jahre und mehr*» («Сегодня пострадавшие живут 12-14 месяцев. Порядка пяти процентам пациентов удается прожить даже три года и дольше»). Побуждение собеседника объяснить причины «прогресса»

инициирует следующую реплику: «*Neue Verfahren geben uns ein genaueres Bild vom Gehirn der Patienten als jemals zuvor*» («Новые технологии дают нам более точную картину мозга пациента, чем раньше»), которая только в опоре на предшествующую реплику декодируется как объяснение.

Как известно, еще одним признаком диалога является спонтанность, быстрая смена реплик. Это обусловлено тем, что подготовка к реакции идет одновременно с восприятием слов собеседника [Якубинский 1923:134]. Если один из собеседников не закончил свое высказывание, то второй нередко подхватывает и продолжает незаконченное, а иногда и сам прерывает собеседника [Девкин 1965:10]. Как показывает наше исследование, эта черта диалога также оказывает влияние на структурную организацию рассуждения в диалоге. Вот некоторые примеры:

(33) *Spiegel: Auf Ihrer Großbaustelle, Premiere World, sieht es düster aus.*

Hahn: Unser enormer Kapitalbedarf dort hat eine Größenordnung erreicht, die nicht mehr von einem einzelnen Unternehmer ohne stabile Partner realisieren werden kann...

Spiegel: ...weil das Abenteuer allein bis heute rund vier Milliarden Euro verschlang und jeden Tag weitere zwei Millionen kostet. (Spiegel 9/2002, S. 95)

В качестве исходной точки рассуждения выступает приведенное в инициирующей реплике оценочное суждение «*Auf Ihrer Großbaustelle, Premiere World, sieht es düster aus*» («На Вашей большой стройке, «мировой» премьеры, дела обстоят мрачно»). В ответной реплике сразу приводится объяснение такого положения дел «*Unser enormer Kapitalbedarf dort hat eine Größenordnung erreicht, die nicht mehr von einem einzelnen Unternehmer ohne stabile Partner realisieren werden kann...*» («Наша огромная потребность в капитале достигла такого масштаба, что реализовать её больше не сможет отдельно взятая компания без поддержки стабильного партнера...»). Данная обосновывающая реплика подхватывается первым собеседником, который также приводит в качестве объяснения аргумент, маркируемый причинным союзом и представляющим с точки зрения синтаксиса придаточное

предложение с элиминированным главным предложением: «...*weil das Abenteuer allein bis heute rund vier Milliarden Euro verschlang und jeden Tag weitere zwei Millionen kostet*» («...потому что эта авантюра только на сегодняшний день поглотила 4 миллиарда евро, и каждый день прибавляет к стоимости еще по два миллиона»).

Примером того, что рассуждение в диалоге не просто развертывается в единстве иницирующих и реагирующих реплик всех участников диалогического общения, но второй собеседник часто подхватывает и продолжает незаконченное рассуждение первого собеседника, может служить следующий фрагмент рассуждения:

(34) Spiegel: Was passiert während der Tierversuche mit den Makaken?

Kreiter: Die Tiere führen zuvor eingeübte Aufmerksamkeitsaufgaben vor einem Bildschirm durch. Dabei wird die Gehirnaktivität durch Elektroden gemessen...

Spiegel: ...die Sie vorher in die Affengehirne einpflanzen. Tierschützer finden das furchtbar.

Kreiter: Zu Unrecht. Die Affen haben bei den Experimenten weder Angst noch Schmerzen. (Spiegel 7/2014, S. 128)

В приведенном примере один из собеседников запрашивает в иницирующей реплике информацию о том, «что происходит во время опытов над макаками» («*Was passiert während der Tierversuche mit den Makaken?*»). В ответной реплике описывается процесс опытов, и одно из утверждений «*Dabei wird die Gehirnaktivität durch Elektroden gemessen...*» («При этом активность мозга измеряется при помощи электродов») вызывает в собеседнике эмоциональную реакцию, выраженную в утверждении «*...die Sie vorher in die Affengehirne einpflanzen. Tierschützer finden das furchtbar*» («... которые Вы предварительно имплантируете в мозг обезьян» и оценочном суждении «защитники животных считают это ужасным»). Таким образом, всё спонтанное высказывание выступает как оценочное суждение «*furchtbar*», с имплицитным обоснованием «Вы имплантируете электроды

в мозг обезьян». Рассуждающий собеседник верно декодирует данное оценочное суждение, приводя следом свое мнение «*Zu Unrecht*» («Необоснованно»). Далее говорящий приводит обосновывающее суждение «*Die Affen haben bei den Experimenten weder Angst noch Schmerzen*» («у обезьян во время экспериментов нет ни страха, ни боли»).

Итак, как показывает наш анализ, рассуждение в диалоге может инициироваться спонтанными репликами одного из собеседников, который, не дожидаясь окончания высказывания первого, прерывает его оценочными суждениями, побуждая того тем самым развертывать рассуждение или уводя тему рассуждения в несколько иное русло.

3.1.1. Рассуждение в простых и сложных предложениях

3.1.1.1. Реализация рассуждения в простых предложениях

Диалогической речи в целом присущ простой синтаксис, лаконичность синтаксической структуры предложения, часто состоящего только из одной словоформы. Это обусловлено наличием пресуппозиции, позволяющей не развертывать высказывание. Лаконичность ответных реплик находится в прямой зависимости от коммуникативной интенции инициирующей реплики. Как показывает анализ, в рассуждении в диалоге одна из реплик, как правило, состоит из одной словоформы, во-первых, *при запросе обоснования* и выражается вопросительным местоимением «*warum*». Например:

(35) *Focus: Herr Ostermeier, sind Sie eigentlich ein Zocker?*

Ostermeier: Warum das? (Focus 46/2007, S. 83)

Во-вторых, реплика в форме одной словоформы используется *при запросе примера или пояснения*. Словоформа может быть выражена вопросительным местоимением «*welche*», существительным «*zum Beispiel*» или прилагательным «*nämlich*». Например:

(36) *Baselitz: Der Markt hat recht, wie immer.*

Spiegel: Immer? Der Markt lässt nur wenige Frauen gelten. Unter den teuersten Künstlern finden sich kaum welche.

Baselitz: O Gott! Frauen bestehen nun mal die Prüfung nicht.

Spiegel: Welche?

Baselitz: Die Marktprüfung, die Wertprüfung. (Spiegel 4/2013, S. 105)

В данном примере рассуждение расположено в простых легко обозримых предложениях, одно из которых выражено словоформой «welche». Вопросительное местоимение выступает в качестве запроса иллюстрации к высказанному в предшествующей реплике утверждению.

(37) Lammert: Die Klage über zu schwache Minderheitenrechte halte ich im Allgemeinen nicht für berechtigt. Mehr noch: Die Geschäftsordnung des Bundestags gilt als so gut, dass sie weltweit als Modell nachgefragt wird. Es gibt aber drei Punkte, bei denen ich Veränderungen für angezeigt halte.

Focus: Nämlich? (Focus 46/2007, S. 46)

В приведенном примере рассуждение расположено в реплике одного из коммуникантов. Однако второй коммуникант не пассивен, он также участвует в процессе рассуждения, задавая уточняющие вопросы. В данном случае вопрос, состоящий из одной словоформы «nämlich?».

Наш анализ корпуса текстов журнальных интервью и бесед показал, что именно наречие «nämlich» нередко употребляется в качестве запроса иллюстрирующего утверждения и представляет собой с точки зрения синтаксиса слово-предложение, обретающее смысл только в опоре на предшествующий контекст, в опоре на предшествующие рассуждения собеседника.

Присущий для диалога простой синтаксис обуславливает использование в рассуждении простых синтаксических структур. Рассмотрим несколько примеров:

(38) Spiegel: Haben Sie das dem alten Herrn Bush in Atlanta auch vorgeschlagen?

Gorbatschow: Nein, die Idee kam mir erst jetzt. (Spiegel 43/2003, S. 149)

Рассуждение инициируется неместоименным вопросом: «*Haben Sie das dem alten Herrn Bush in Atlanta auch vorgeschlagen?*» («Вы предложили это старшему Бушу?»), на который собеседник дает отрицательный ответ. Как известно, слова-предложения «ja», «nein» и их эквиваленты нередко являются показателями завершения акта коммуникации в диалогическом единстве [ср. Михайлов 1986:55]. Однако в данном примере в реагирующей реплике также приводится объяснение, что и позволяет рассматривать данное диалогическое единство не как сообщение по определенной теме, а как рассуждение. Объяснение функционирует в простом предложении «*die Idee kam mir erst jetzt*» («эта идея пришла мне только сейчас»), не имеющем в своей структуре никаких маркеров причинно-следственной связи, но оно, тем не менее, воспринимается как причина на основе своего логико-семантического значения.

Как показывает наше исследование, в качестве инициирующей реплики нередко выступает вопрос, который можно рассматривать как простое предложение, истинность или ложность пропозиции которого запрашивается. В ответной реплике утверждение подтверждается или отрицается, далее скорректированный тезис аргументируется рядом простых утверждений. Например:

(39) *Spiegel: Betteln Sie auch auf den Weihnachtsmärkten?*

Mariček: Nein, das finde ich beleidigend. Die Leute wollen ihre Ruhe haben, etwas essen, Spaß haben. (Spiegel 50/2013, S. 52)

В следующем примере рассуждение также обслуживают *простые предложения*. В исходной реплике в форме простого предложения с одной стороны сообщается, что собеседник «просит подаяние («bettelt»), с другой стороны уточняется «Вы просите подаяние и на рождественских ярмарках?» («*Betteln Sie auch auf den Weihnachtsmärkten?*»). Данный вопрос создает семантическую предпосылку для реакции в последующей реплике. Так, слово-предложение «nein» в ответной реплике опирается на предшествующую инициирующую реплику, позволяя не повторять важные

смысловые звенья первой. Следом приводится обоснование, представленное также в форме двух простых предложений, каждое из которых выступает как самостоятельный аргумент.

В следующем примере каждый аргумент маркируется при помощи наречий «erstens», «zweitens»:

(40) *Spiegel: Herr Grabe, Sie haben in vier Jahrzehnten mehr als 60 Dokumentarfilme gemacht, darunter eine Langzeitbeobachtung über das Leben eines Vietnamkrieg-Opfers. Könnten Sie heute einen solchen Film auch über ein Opfer des Afganistan-Krieges drehen?*

Grabe: Nein. Erstens ist in Afganistan die Berichterstattung weitgehend eingeschränkt. Und zweitens müssen die Kollegen heute viel schneller arbeiten als ich damals. (...) (Spiegel 10/2002, S. 112)

В данном фрагменте диалога рассуждение также располагается в двух репликах – в *иницирующей* и *реагирующей*. В инициирующей реплике сначала приводится определенная информация. Сообщается, что «собеседник сделал за последние 40 лет более 60 документальных фильмов, среди которых фильм-наблюдение за жизнью одной из жертв вьетнамской войны» («*Sie haben in vier Jahrzehnten mehr als 60 Dokumentarfilme gemacht, darunter eine Langzeitbeobachtung über das Leben eines Vietnamkrieg-Opfers*»). Затем запрашивается дальнейшая информация о положении дел на сегодняшний день: «*Könnten Sie heute einen solchen Film auch über ein Opfer des Afganistan-Krieges drehen?*» («Вы могли бы снять такой же фильм о какой-нибудь жертве афганской войны?»). Таким образом, в инициирующей реплике при помощи неместоименного вопроса намечается тезис «Вы могли бы снять такой же фильм о...» («*Könnten Sie heute einen solchen Film auch über ...*»).

Ответная реплика состоит из эмоционально-оценочной реакции на реплику собеседника и её обоснования. Реагирующий собеседник сначала отрицает намеченный в предшествующей реплике тезис. Так, исходной точкой рассуждения будет выступать сейчас утверждение «*Ich könnte einen*

solchen Film nicht drehen». Затем данное утверждение обосновывается, что маркируется такими наречиями, как: «erstens» («во-первых»), «zweitens» («во-вторых»): «*Erstens ist in Afganistan die Berichterstattung weitgehend eingeschränkt. Und zweitens müssen die Kollegen heute viel schneller arbeiten als ich damals*». Как показывает наш анализ, данные наречия имеют большое значение для связи предложений в рассуждении.

В следующем примере рассуждение также реализуется при помощи ряда простых предложений, характерных для диалогической речи. Следует также отметить, что вопросительное предложение имеет здесь прямой порядок слов, являющийся нормативным для разговорной (диалогической) речи [Михайлов 1986:36]. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что данный коммуникативный тип вопросов выражает по сути *полувопрос*, т.е. спрашивающий в опоре на пресуппозицию допускает, что собеседник, во-первых, подтвердит это предположение, во-вторых, обоснует свой ответ:

(41) *Stern: Sie haben mit Ihrem Vater auch nie über seinen Rücktritt gesprochen?*

Matthias Brandt: Nö. Wahrscheinlich hätte er auch geblockt. Nach dem, was ich von anderen Leuten höre, hat er sich da äußerst bedeckt gehalten. Aber ich habe das von mir aus auch gar nicht gesucht. Ich hätte auch nicht gewusst, warum. In meinem Kosmos war 1974 der Gewinn der Fußball-Weltmeisterschaft wichtig, nicht der Rücktritt. (Stern 43/2003, S. 218)

Данная вопросительная реплика, намечает тезис «*Sie haben mit Ihrem Vater auch nie über seinen Rücktritt gesprochen?*» («Вы никогда не говорили со своим отцом об его отставке»). В ответной реплике в качестве эмоционально-оценочной реакции выступает слово-предложение «*nö*»⁴, подтверждающее намеченную интервьюером ремю. Далее интервьюируемый рассуждает, почему: «*Wahrscheinlich hätte er auch geblockt*» («Возможно, он

⁴ Следует отметить, для немецкого языка употребление отрицания типично в качестве подтверждения, если предшествующее суждение содержит отрицание.

не стал бы говорить об этом»). Это предположение далее аргументируется тем, что «*er hat sich da äußerst bedeckt gehalten*» («он вел себя тогда крайне скрытно»), в качестве источника знания приводится «*was ich von anderen Leuten höre*» («я слышу от других людей»). В качестве дополнительного объяснения приводится утверждение: «*Aber ich habe das von mir aus auch gar nicht gesucht.*» («Но я со своей стороны и сам не пытался»). Рассуждающий сначала сигнализирует об отсутствии объяснения: «*Ich hätte auch nicht gewusst, warum.*» («Я не знал, почему»). Но следом всё же приводит обоснование того, почему он не пытался поговорить со своим отцом: «*In meinem Kosmos war 1974 der Gewinn der Fußball-Weltmeisterschaft wichtig, nicht der Rücktritt*» («В моей вселенной в 1974 для меня была важна победа в чемпионате мира по футболу, а не отставка»). Данное рассуждение имеет более сложное структурное оформление, поскольку к аргументу с семантикой предположения «*Wahrscheinlich hätte er auch geblockt*» приводится субаргумент «*er hat sich da äußerst bedeckt gehalten*». Говорящий, таким образом, объясняет, почему он так думает. Субаргумент функционирует в сложноподчиненном предложении «*Nach dem, was ich von anderen Leuten höre, hat er sich da äußerst bedeckt gehalten*» («После этого, что я слышу от других людей, он вел себя тогда крайне скрытно»), где придаточная часть выступает в качестве ссылок на источник информации.

Рассмотрим еще один пример:

(42) *Stern: Sind Sie zu dem Schluss gekommen, dass Ihr Beruf mit dem Ihres Vaters verwandt ist?*

Matthias Brandt: Sehr begrenzt. Ein guter Schauspieler darf nicht lügen. Er verwandelt sich in seine Rolle, aber er verstellt sich nicht. Das ist, glaube ich, beim Politiker anders. (Stern 43/2003, S. 218)

В данном фрагменте рассуждение также реализуется в простых, легко обозримых предложениях. В иницирующей реплике, представленной придаточным дополнением, намечена рема «*Ihr Beruf ist mit dem Ihres Vaters verwandt*» («Ваша профессия схожа с профессией Вашего отца»). Как

упоминалось выше, утверждение, построенное в форме вопроса, побуждает собеседника занять ту или иную позицию в отношении сказанного и обосновать её. В качестве эмоционально-оценочной реакции выступает «*sehr begrenzt*», что, на наш взгляд, скорее отрицает намеченную рему. В качестве доказательства собеседник приводит несколько утверждений, выраженных простыми предложениями: «Хорошему актеру нельзя лгать. Он вживается в свою роль, но не притворяется. Я думаю, у политиков это иначе» («*Ein guter Schauspieler darf nicht lügen. Er verwandelt sich in seine Rolle, aber er verstellt sich nicht. Das ist, glaube ich, beim Politiker anders*»).

В следующем примере рассуждение разворачивается в совокупности реплик участников диалога, образующих единую цепочку, в которой каждое последующее предложение является реакцией на предыдущую реплику:

(43) *Spiegel: Die Statistiken sagen, dass Schwarze proportional häufiger kriminell werden als Weiße.*

Jacobs: Stimmt. Aber die Chance, Opfer eines weißen Verbrechers zu werden, ist, in absoluten Zahlen gemessen, wesentlich höher. Trotzdem gibt es keine instinktive Angst vor dem weißen Mann.

Spiegel: Warum nicht?

Jacobs: Die Amerikaner sind geprägt von 400 Jahren Unterdrückung. Unsere Medien schüren Rassismus, schwarze Kriminelle sind für sie „Prädatoren“, böartige Raubtiere (...) (Spiegel 43/2003, S. 81)

В данном примере рассуждение реализуется в нескольких репликах, представляющих с точки зрения синтаксиса ряд простых предложений. В форме сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным строится только иницирующая реплика. При этом основную смысловую нагрузку несет именно придаточное предложение «Черные становятся преступниками пропорционально чаще, чем белые» («*Schwarze werden proportional häufiger kriminell als Weiße*»). В главной части приводится только источник информации, что служит одним из основных средств

убеждения адресата в пропозиции мнения или знания: «*Die Statistiken sagen*» («согласно статистике»).

Реагирующая реплика состоит из синсемантического слова-предложения «*Stimmt*», являющегося эмоционально-оценочной реакцией и подтверждающим предлагаемую выше рему. Однако далее приводится противоречащее утверждение. Оно выражено простым предложением и вводится противительным союзом «*Aber*»: «*Aber die Chance, Opfer eines weißen Verbrechers zu werden, ist, in absoluten Zahlen gemessen, wesentlich höher*» («Но в абсолютных цифрах шанс стать жертвой белого преступника существенно выше»). На основе этого утверждения делается такой же противоречивый вывод, что маркируется союзом «*trotzdem*»: «*Trotzdem gibt es keine instinktive Angst vor dem weißen Mann.*» («несмотря на это, инстинктивного страха перед белым человеком нет»). Данный вывод не сразу принимается вторым собеседником, поэтому он запрашивает обоснование, которое реализуется посредством вопросительного местоимения с отрицанием «*Warum nicht?*», что, с учетом предшествующего контекста верно декодируется первым говорящим, который в качестве обоснования приводит ряд утверждений в форме простых предложений: «*Die Amerikaner sind geprägt von 400 Jahren Unterdrückung*» («Взгляды американцев сформированы 400 годами угнетения»). «*Unsere Medien schüren Rassismus, schwarze Kriminelle sind für sie „Prädatoren“, böartige Raubtiere*» («*Наши масс-медиа раздувают расизм, чернокожие преступники для них «предаторы», коварные хищники*»).

Таким образом, простые легко обозримые предложения часто используются в диалоге в процессе рассуждения, что отвечает специфике диалогической речи, которая в сравнении с монологической речью характеризуется более простой и лаконичной синтаксической структурой.

3.1.1.2. Реализация рассуждения в сложноподчиненных предложениях

Если диалогическая речь характеризуется лаконичностью синтаксической структуры, обилием простых предложений⁵, то рассуждение как тип речи, напротив, тяготеет к использованию более сложных и развернутых синтаксических структур, необходимых для обозначения причинно-следственных связей, лежащих в основе рассуждения. Поэтому сложные (прежде всего сложноподчиненные) предложения также довольно широко представлены в рассуждающем дискурсе в диалогических текстах современных немецкоязычных СМИ:

Анализ показал, что сложное предложение, расположенное в реплике одного из коммуникантов, как правило, представляет собой:

1) ссылку на источник знания, расположенную в главном предложении, и сам аргумент или тезис. Например:

(44) Spiegel: Aber jeder Mediziner wird Ihnen bezeugen, dass zu viel Stress ungesund ist, den Blutdruck hochtreibt und das Risiko für einen Herzinfarkt erhöht.

McGonigal: Das ist immer noch verbreitete Lehrmeinung. (Spiegel Wissen 4/2018, S.61)

В приведенном примере в одной из реплик рассуждающих собеседников в качестве возражения приводится аргумент. В главном предложении содержится ссылка на источник знания «*jeder Mediziner wird Ihnen bezeugen*» («каждый врач Вам подтвердит»). Сам же аргумент расположен в придаточном предложении, вводимым союзом «*dass*».

2) запрос обоснования/объяснения, расположенный в главном предложении, и утверждение, обоснование которого запрашивается, или

⁵ Хотя сложные конструкции возможны в рамках монологического высказывания одного из партнеров по коммуникации в качестве строевого элемента диалогического единства [Михайлов 1986:26].

собственно обоснование, располагаемое в придаточном предложении, главное же просто содержит лексический маркер. Например:

(45) *Spiegel: Woran liegt es dann, dass die Leistungsunterschiede zwischen Schulen und Bundesländern so groß sind? (Spiegel 50/2013, S. 46)*

В данном фрагменте диалога рассуждение инициируется вопросом «*Woran liegt es dann, dass...*» («с чем связано, что...»). Таким образом, сложное предложение можно рассматривать в данном случае как собственно утверждение «*die Leistungsunterschiede zwischen Schulen und Bundesländern sind so groß*» и побуждение собеседника к обоснованию приведенного утверждения, что маркируется лексически «*Woran liegt es?*».

В следующем примере также запрашивается пояснение утверждения «*die moderne Finanzwirtschaft bewirkt die Entdemokratisierung der Demokratie*»:

(46) *Spiegel: Soll das heißen, die moderne Finanzwirtschaft bewirkt die Entdemokratisierung der Demokratie?*

Vogt: Das behaupten manche Ökonomen. Ich argumentiere etwas vorsichtiger... (Spiegel 10/2015, S. 69)

3) эмоционально-оценочную реакцию, расположенную в главном предложении и отрицающую предложенный в предшествующей реплике тезис, и скорректированный тезис. Например:

(47) *Lemke: ...Und trotzdem sind wir essensvergessen.*

Spiegel: Essensvergessen? Ist nicht das Gegenteil wahr, dass sich zumindest in den Industrieländern immer mehr Menschen mit ihrer Ernährung beschäftigen und glutenfrei, vegan, steinzeitlich essen?

Lemke: Solche Ideologisierungen sind Indizien für eine wachsende Sensibilität. Trotzdem muss man sagen: Sokrates hat sich mehr Gedanken über das Essen gemacht, als die Philosophie es heute tut. (Spiegel Wissen 1/2017, S.54)

В данном фрагменте рассуждения в диалоге один из коммуникантов приводит некое утверждение «*wir sind essensvergessen*» («мы забыли о еде»). В реагирующей реплике собеседник повторяет это же утверждение, но в форме вопроса, что может быть интерпретировано как несогласие с

предшествующим утверждением. Далее несогласие еще раз эксплицируется риторическим вопросом «*Ist nicht das Gegenteil wahr?*» («Разве не наоборот?»). Данный вопрос выступает как главное к располагающимся в придаточном предложении аргументам: «*zumindest in den Industrieländern beschäftigen sich immer mehr Menschen mit ihrer Ernährung und glutenfrei, vegan, steinzeitlich essen*» («как минимум в промышленных странах всё больше людей занимаются своим питанием и придерживаются безглютеновой диеты, строгого вегетарианства или палео-диеты?»)

В следующем фрагменте рассуждения сложные предложения располагаются в обеих репликах диалогического единства. При этом во втором сложном предложении элиминирована главная часть. В качестве главной части выступает придаточное предложение предшествующей реплики:

(48) *Spiegel: Ist Heimat immer positiv gesetzt?*

Mitzscherlich: Nein, es gibt ja auch Menschen, die Heimat als beengend erlebt haben. Oder als bedrohlich...

Spiegel: ...wenn die Kindheit geprägt war von Erfahrungen wie Missbrauch, Gewalt, Krieg. (Spiegel Wissen 6/2016, S.17)

Рассуждение инициируется вопросом «*Ist Heimat immer positiv gesetzt?*» («Родина всегда воспринимается положительно?»). В ответной реплике слово-предложение «*Nein*» отрицает содержащуюся в инициирующей реплике пропозицию. Далее приводится аргумент к скорректированному тезису: «*es gibt ja auch Menschen, die Heimat als beengend erlebt haben. Oder als bedrohlich...*» («Есть люди, которые пережили родину как место, где они ощущали себя в тисках. Или где они пережили угрозу...»). Второй собеседник принимает аргумент, подхватывая его: «*...wenn die Kindheit geprägt war von Erfahrungen wie Missbrauch, Gewalt, Krieg*» («... если их детство было пронизано таким опытом, как насилие, принуждение, война»).

С точки зрения функционирования сложного предложения в речи принципиальным отличием развертывания рассуждения в диалоге от

развертывания рассуждения в монологической речи является возможность разбиения сложного предложения на фрагменты, располагающиеся в репликах обоих коммуникантов. В анализируемом корпусе текстов мы нашли немало примеров того, что в рассуждении в диалоге нередко функционируют сложные предложения с элиминированной главной частью. Такие структуры, как правило, появляются в форме придаточного предложения в реагирующей реплике, для которой в качестве логико-семантической опоры выступает предшествующая вопросительная реплика. Например:

(49) *Spiegel: Ihr Land steht vor der „wichtigsten Wahl seit Jahrzehnten“ und einem „historischen“ Urnengang, sagen Kommentatoren. Warum?*

Dauidsen: Weil die traditionellen politischen Blöcke links und rechts, hinter den Sozialdemokraten und der rechtsliberalen Venstre, erstmals aufgebrochen sind. Es gibt jetzt eine neue Partei in der Mitte: Die Neue Allianz ist das Zünglein an der Waage. (Spiegel 45/2007, S.143)

В иницирующей реплике приводится некоторое утверждение по обсуждаемой проблеме: «*Ihr Land steht vor der „wichtigsten Wahl seit Jahrzehnten“ und einem „historischen“ Urnengang, sagen Kommentatoren. Warum?*» («Вашей стране предстоит «важнейший выбор последних десятилетий», «исторические» выборы, по словам комментаторов. Почему?»). При этом иницирующий собеседник не сомневается в истинности утверждаемого, он сразу запрашивает объяснение. В ответной реплике собеседник, в опоре на вопрос собеседника «*Warum?*», сразу приводит обоснование, вводимое союзом «*weil*». Обоснование представлено в форме придаточного предложения с элиминированной главной частью: «*Weil die traditionellen politischen Blöcke links und rechts, hinter den Sozialdemokraten und der rechtsliberalen Venstre, erstmals aufgebrochen sind*».

Итак, как показывает наше исследование, в рассуждении в диалогической речи сложное предложение имеет особое структурное

оформление, соответствующее имплицативной⁶ тенденции языка. Характерными являются сложные предложения с опущенной главной частью, вместо которой логико-семантической опорой служит предшествующая реплика собеседника, как правило, вопросительная реплика. Данная вопросительная реплика создает «семантическую и интенциональную предпосылку для реакции в форме придаточного предложения» [Михайлов 1986:26].

Такая норма диалогической речи, как неповторение в реагирующих репликах важных смысловых звеньев иницирующих реплик [Кутянина 1998] влияет на структурное оформление предложений в рассуждении. Она не только обуславливает лишь *частичную* вербализацию компонентов модели предложения, но и делает возможным существование таких синсемантических форм предложения, свойственных только диалогу, как, например, так называемые слова-предложения типа «ja», «nein» и их эквиваленты. Такие реплики не самостоятельны в смысловом отношении, зависят от формы и коммуникативной задачи исходных реплик и обычно без них не употребляются. Например:

(50) *Spiegel: Mussten Sie selbst schon unter Taxifahrern leiden?*

Kerkeling: Natürlich. Das kennt doch jeder. Sei es durch akute Geruchsbelästigung oder dadurch, dass einer partout die Musik nicht leiser stellen will. (Spiegel 14/2008, S.89)

(51) *Spiegel: Finden Sie, dass Herr Strepp ungerecht behandelt wurde?*

Seehofer: Eindeutig. Deshalb läuft sein Arbeitsverhältnis ja auch weiter, wenn auch nicht als Pressesprecher. Er war ein führender strategischer Kopf unseres Wahlkampfes. (Spiegel 50/2013, S. 27)

Таким образом, анализ показал, что сложноподчиненные предложения очень продуктивны при рассуждении в диалоге. К особенностям функционирования сложноподчиненных предложений в рассуждении в

⁶ Под импликацией мы понимаем дополнительный скрытый смысл текста, то, что подразумевается, но не озвучивается говорящим.

диалогической речи можно отнести разбиение частей сложного предложения на фрагменты, выступающие в репликах обоих участников диалога, и наличие предложений с элиминированной главной частью.

Статистический анализ примеров вывил большую продуктивность сложных предложений в сравнении с простыми, что свидетельствует о существенном влиянии типа речи рассуждения на структуру диалога. Процентное соотношение простых и сложных предложений в корпусе примеров представлено в следующей диаграмме:

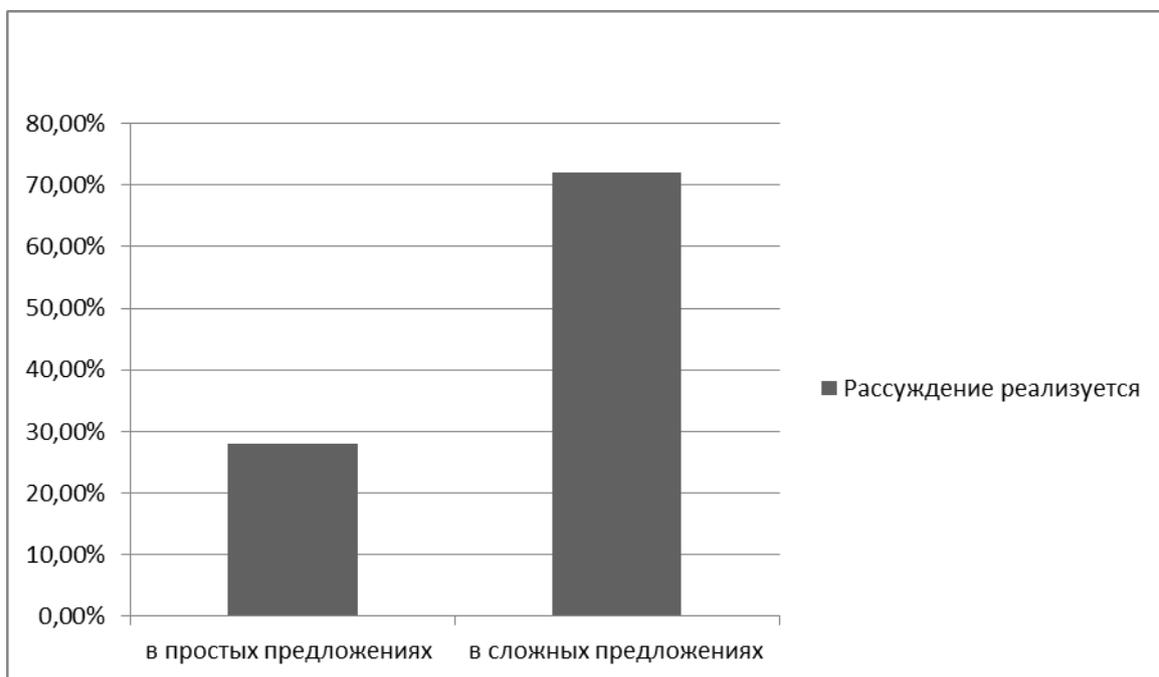

Рисунок 3: Соотношение простых и сложных предложений

3.1.2. Синтаксический характер инициирующих и реагирующих реплик

3.1.2.1. Исходная реплика, представленная утвердительным предложением (собственно утверждением)

Коммуникативной интенцией исходной реплики является сообщение о некотором факте или явлении действительности. Коммуникативное назначение ответной реплики сводится к тому, что, следуя за инициирующей репликой, она имеет характер добавочного сообщения (например, оценка

вышеприведенного утверждения), уточнения, пояснения или обоснования иницирующей реплики. Анализ показал, что исходная реплика, представленная простым предложением и иницирующая рассуждение, встречается существенно реже вопросительных иницирующих реплик.

Рассмотрим некоторые примеры.

(52) *Spiegel: Ihre Teilnahmslosigkeit als Autor hat etwas Provozierendes.*

Houellebecq: Finden Sie? Das liegt wahrscheinlich daran, dass mein Talent zur Doppelsinnigkeit die Konstruktion eines klaren Feinbildes erschwert. (Spiegel 10/2015, S. 127)

В данном примере рассуждение иницируется утверждением «*Ihre Teilnahmslosigkeit als Autor hat etwas Provozierendes*» («В Вашем безучастии как автора есть что-то провокационное»). Утверждение выражено простым предложением, что не предполагает ни запроса обоснования, ни запроса мнения по обсуждаемой теме. В ответной реплике сначала реагирует эмоционально: «*Finden Sie?*» («Вы находите?»), а затем обосновывает высказанное собеседником утверждение, что маркируется фразой «*Das liegt wahrscheinlich daran, dass...*».

Рассмотрим еще один пример, в котором рассуждение также иницируется простым утверждением «*Sie haben sich auch für das Rückkehrrecht arabischen Juden ausgesprochen*» («Вы высказывались также за право на возвращение арабских евреев»). В ответной реплике собеседник сначала подтверждает утверждаемое («*Ja*»). Затем сразу же обосновывает его. Обоснование маркируется причинным союзом «*weil*»:

(53) *Spiegel: Sie haben sich auch für das Rückkehrrecht arabischen Juden ausgesprochen.*

Schibani: Ja, weil die Welt vergessen hat, dass nach der Gründung Israels über 800 000 arabische Juden ihre Heimatländer verlassen müssen. Auch Libyen hat seine Juden vertrieben. (Spiegel 16/2013, S. 84)

Примером того, что каждое последующее звено рассуждения иницируется простым утвердительным предложением, может служить следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(54) *Spiegel: In demokratischen Staaten haben Politiker, die radikale Umweltauflagen fordern, bei Wahlen kaum Chancen.*

Ekardt: Das stimmt bislang. Aber die Regierungsform ist nicht das Problem. Die Kommunistische Partei China verkündet immer wieder, dass sie ökologische Probleme bei Bedarf schnell und einfach per Anordnung lösen könne. Allerdings klappt das nie. Die Geschichte spricht auch dagegen, auf einen uneigennütigen, weitsichtigen Diktator zu hoffen.

Spiegel: Die Ökodiktatur ist also keine Lösung.

Ekardt: Die Demokratie ist das lernfähigere System. (...) (Spiegel Wissen 2/2017, S. 64)

В приведенном примере рассуждение реализуется в нескольких репликах, каждая из которых представляет с точки зрения синтаксиса простое утвердительное предложение. Сначала утверждение «*In demokratischen Staaten haben Politiker, die radikale Umweltauflagen fordern, bei Wahlen kaum Chancen*» («в демократических государствах у политиков, требующих радикальных экологических предписаний, на выборах едва ли есть шансы») иницирует оценочную реакцию «*Das stimmt bislang*» («пока это так») и дальнейшие рассуждения. Из утверждений реагирующего собеседника иницирующей собеседник делает вывод «*Die Ökodiktatur ist also keine Lösung*» («Значит, экодиктатура – не решение»), на который собеседник опять приводит утверждение «*Die Demokratie ist das lernfähigere System*» («демократия – более способная к обучению система»). В контексте рассуждения это утверждение выступает в качестве обоснования имплицитного вывода «*Die Demokratie ist eine Lösung*».

В качестве следующего примера реализации рассуждения в ряде простых утверждений может служить следующий фрагмент диалога:

(55) *Spiegel: Den meisten Menschen ist ihr umweltschädliches Verhalten durchaus bewusst, sie essen viel Fleisch, fliegen in den Urlaub, kaufen unnötig viel Kleidung. Trotzdem ändern sie ihr Verhalten nicht.*

Ekardt: Wissen allein verändert das Verhalten nur selten. Politiker, Unternehmer, normale Bürgerinnen und Bürger folgen typischen menschlichen Verhaltensantrieben. Wichtig ist etwa unsere Vorstellung von Normalität: Es ist einfach normal, mit dem Auto zu fahren, in den Urlaub nach Thailand oder Neuseeland zu fliegen. (...) Hinzu kommt die menschliche Neigung zu Bequemlichkeit und zur Verdrängung.

Spiegel: Sie klingen nicht sehr zuversichtlich, was die Chancen für eine Änderung unserer Lebensweise betrifft. (Spiegel Wissen 2/2017, S. 65)

В иницирующей реплике приводится утверждение «*Den meisten Menschen ist ihr umweltschädliches Verhalten durchaus bewusst*» («большинство людей осознают свое наносящее окружающей среде вред поведение»). Оценочное суждение «*ihr umweltschädliches Verhalten*» подкрепляется рядом примеров, которые в синтаксическом плане также представляют собой простые предложения: «*sie essen viel Fleisch*» («едят много мяса»), «*fliegen in den Urlaub*» («летают в отпуск»), «*kaufen unnötig viel Kleidung*» («покупают без надобности много одежды»). В ответной реплике приводится объяснение. В качестве объяснения приводится ряд утверждений, в структуре которых нет ни синтаксических, ни лексических маркеров обоснования, но в контексте это однозначно декодируется как объяснение. Говорящий сначала приводит оценочное суждение: «*Wissen allein verändert das Verhalten nur selten*» («Одно лишь осознание редко меняет поведение»), иллюстрируя его затем конкретными примерами «*Politiker, Unternehmer, normale Bürgerinnen und Bürger folgen typischen menschlichen Verhaltensantrieben*» («Политики, предприниматели, обычные люди следуют своим человеческим поведенческим инстинктам»). При этом каждое последующее утверждение поясняет, объясняет предыдущее. Например, говоря о «*typische menschliche Verhaltensantriebe*», он следом

поясняет, в чем оно состоит, что также маркируется лексически «*etwa*»: «*Wichtig ist etwa unsere Vorstellung von Normalität: Es ist einfach normal, mit dem Auto zu fahren, in den Urlaub nach Thailand oder Neuseeland zu fliegen*» («Важно наше представление о том, что нормально: нормально ездить на машине, летать в отпуск в Таиланд или Новую Зеландию»).

(56) *Hayek: ...ich behaupte nicht, dass der Herr Hayek jetzt Mercedes-Benz in Bewegung setzt. Die sind schon längst allein in Bewegung und nehmen mich und meine Firma mit.*

Stern: Eben. Und deshalb heißt es in Stuttgart auch, außer der Idee sei an dem Auto nichts mehr von Ihnen... (Stern 37/95, S.162)

В данном фрагменте рассуждение инициируется утверждением «*Mercedes-Benz ... sind schon längst allein in Bewegung und nehmen mich und meine Firma mit*», которое подхватывается в ответной реплике собеседником. Второй собеседник подтверждает слова первого при помощи наречия «*eben*» и цитирует некоторые выводы. Выводное суждение маркируется, во-первых, наречием «*deshalb*», во-вторых, конъюнктивом первым как типичным средством немецкого языка для передачи косвенной речи.

(57) - *Ihre Partei fordert Neuwahlen.*

- *Ja, weil wir glauben, dass wahlrechtlich von der CDU vor der Wahl am 7. Februar 1999 in einem Ausmaße manipuliert worden ist, dass man nicht von regulären Wahlen und einem regulären Wahlergebnis sprechen kann... (Junge Welt 53/2000, S.3)*

В данном примере рассуждение также инициируется утверждением одного из собеседников. Утверждение не содержит новой для второго собеседника информации, т.е. не является сообщением нового, констатацией известного обоим коммуникантам факта: «*Ihre Partei fordert Neuwahlen*» («Ваша партия требует новых выборов»). В ответной реплике реагирующий собеседник эксплицитно выражает свое согласие, что маркируется словом-предложением «*ja*», и приводит объяснение, что вводится причинным союзом «*weil*» и является придаточным предложением

причины с элиминированной главной частью. Говорящий вводит свое объяснение при помощи глагола ментального действия «думаем» («*glauben*»). Таким образом, говорящий маркирует пропозицию *мнения*, а не пропозицию знания, что, как было сказано выше, может рассматриваться как «субъективное знание», не требующее строгой аргументации, а только объяснения того, «почему я так думаю».

Рассмотрим еще один фрагмент рассуждения в диалоге, в котором исходная реплика представляет собой констатацию факта, известного обоим собеседникам (своеобразный вывод из предшествующих высказываний одного из участников коммуникации):

(58) *Spiegel: Sie fordern immer wieder Gebühren schon ab dem ersten Semester.*

Oppermann: Ja, aber nur für finanzstarke Gruppen. Der Staat stellt mit der akademischen Ausbildung ein sehr wertvolles Gut zur Verfügung, da kann auch ein gewisser Eigenbeitrag verlangt werden. (Spiegel 21/2000, S.74)

Один из собеседников констатирует: «*Sie fordern immer wieder Gebühren schon ab dem ersten Semester*» («Вы вновь и вновь требуете оплаты уже с первого семестра»).

В ответной реплике реагирующий собеседник сначала несколько корректирует высказанное ранее утверждение, отчасти подтверждая его «да, но...» («*Ja, aber...*»), обосновывая далее уже подкорректированный при помощи противительного союза «*aber*» и наречия с семантикой ограничения «*nur*» тезис: «*Wir fordern Gebühren schon ab dem ersten Semester nur für finanzstarke Gruppen*» («Мы требуем оплату уже с первого семестра только для финансово состоятельных групп»). Таким образом, дальнейшее рассуждение будет уже отталкиваться от скорректированного тезиса. В качестве обоснования используются утверждения, не содержащие в своей структуре лексических маркеров рассуждения, но соотносимые друг с другом как причина и следствие. Так, констатируя тот факт, что «государство, давая академическое образование, предоставляет очень ценное

благосостояние» («*Der Staat stellt mit der akademischen Ausbildung ein sehr wertvolles Gut zur Verfügung*»), говорящий использует это в качестве объяснения своего последующего утверждения: «*da kann auch ein gewisser Eigenbeitrag verlangt werden*» («может быть потребован и некоторый личный вклад»).

Итак, в данном фрагменте диалога рассуждение инициируется утверждением, приводимым в исходной реплике. В ответной реплике собеседник несколько корректирует выдвинутый тезис и объясняет его, приводя известный факт и своё мнение по обсуждаемой проблеме.

(59) *Spiegel: Es kann Sie aber auch nicht freuen, wenn es auf Dauer so bleibt.*

Schröder: Nein. Wir müssen ja diskutieren über die notwendige Modernisierung des Landes, vor allem ... (Spiegel 8/2000)

В данном примере в качестве утверждения в исходной реплике приводится мнение одного из собеседников на обсуждаемую проблему: «*Es kann Sie aber auch nicht freuen, wenn es auf Dauer so bleibt*» («Но Вас не может радовать, если это будет так продолжаться»). В ответной реплике второй собеседник подтверждает его при помощи слова-предложения «*nein*» и обосновывает: «*Wir müssen ja diskutieren über die notwendige Modernisierung des Landes*» («Нам ведь нужно дискутировать о необходимой модернизации страны»). В предложении, выступающим в роли обоснования, не содержится формальных или полужформальных маркеров рассуждения, оно воспринимается как таковое на основе семантического значения всего предложения.

Как показывает анализ корпуса текстов журнальных интервью и бесед, утверждение не является самым распространенным типом исходных реплик. В качестве исходной реплики в рассуждении чаще выступают неместоименный и местоименный вопросы.

3.1.2.2. Исходная реплика, представленная неместоименным вопросом

Контекстуальный анализ корпуса текстов немецкоязычных СМИ показал, что в процессе рассуждения в диалоге неместоименный вопрос, как правило, является утверждением, в истинности которого говорящий сомневается, и часто служит побуждением собеседника к уточнению истинности содержащейся в вопросе пропозиции. Например:

(60) - *Momentan wird eine Grundrechtscharta für Europa erarbeitet. Wird solch eine Charta das deutsche Grundgesetz teilweise überflüssig machen oder ersetzen?*

- *Nein, denn diese Charta wird sich nur auf Grundrechte gegenüber der EU-Gewalt beziehen. Das heißt, ein Bürger kann sich gegen einen Einsatz der deutschen Polizei nicht auf Grundrechte aus der Charta berufen... (Frankfurter Rundschau, 25. Februar 2000:6)*

В иницирующей реплике интервьюер сообщает об определенном положении дел: «*Momentan wird eine Grundrechtscharta für Europa erarbeitet*» («В настоящий момент разрабатывается Хартия Европейского Союза об основных правах») и на основе этого делает некоторый вывод. Данный вывод представлен, однако, не в форме утверждения, а в форме неместоименного вопроса. Таким образом, говорящий запрашивает у собеседника информацию о правомерности данного вывода, т.е. побуждает оценить его с точки зрения истинности или ложности.

Реагирующий собеседник не соглашается с предлагаемым выводом, что выражено отрицательной частицей «*nein*», и приводит свое обоснование, маркируемое причинным союзом «*denn*»: «*denn diese Charta wird sich nur auf Grundrechte gegenüber der EU-Gewalt beziehen*» («так как эта Хартия будет распространяться только на основные права по отношению власти Евросоюза»). Также следом приводится пояснение вышесказанного, что маркируется характерным для рассуждения лексическим маркером «*das heißt*»: «*Das heißt, ein Bürger kann sich gegen einen Einsatz der deutschen*

Polizei nicht auf Grundrechte aus der Charta berufen» («Это значит, гражданин не может сослаться на Хартию, выступая против действий немецкой полиции»).

Следует сказать, что в проанализированном нами материале также встречаются примеры рассуждения, когда реагирующий собеседник сначала приводит эмоционально-оценочную реакцию на вопрос собеседника, затем объясняет. Объясняющее суждение подается в форме придаточной части сложноподчиненного предложения причины, что возможно, если стимулом был неместоименный вопрос. Наш анализ позволил предположить, что эмоционально-оценочная реакция служит усилению намеченной в иницирующей реплике ремы. Например:

(61) *Spiegel: Haben Regisseure heute Angst vor der Stille?*

Scott: Ja – weil sie verlernt haben, Stille einzusetzen, um Angst zu erzeugen.
(*Spiegel* 43/2003, S. 169)

Рассуждение иницируется неместоименным вопросом: «*Haben Regisseure heute Angst vor der Stille?*» («Режиссеры сегодня боятся тишины/немых сцен?»). В реагирующей реплике собеседник подтверждает намеченную рему и тут же приводит обоснование данного утверждения, маркируемое причинным союзом «*weil*» и представляющее собой придаточную часть с элиминированным главным предложением: «*weil sie verlernt haben, Stille einzusetzen, um Angst zu erzeugen*» («потому что они разучились вводить немые сцены, чтобы вызывать страх»). Данная структура, как упоминалось выше, характерна для рассуждения в диалоге, поскольку в качестве логико-семантической опоры для придаточной части выступает предшествующая вопросительная реплика.

3.1.2.3. Исходная реплика, представленная местоименным вопросом

Рассуждение нередко иницируется и местоименным вопросом. Аргументативный анализ показал, что для рассуждения в диалоге самым характерным местоименным вопросом является «*Warum-Frage*»,

запрашивающим причину и намечающим определенный компонент ответа – неизвестную для спрашивающего причину, содержание которой должно раскрываться в реагирующей реплике. Собеседник приводит эту причину, что выражено, как правило, либо рядом простых предложений, либо сложноподчиненным предложением причины, нередко с эксплицированной главной частью. Данная структурная модель оформляется, как правило, с помощью союза «weil».

Как отмечено выше, для диалогической речи типичны диалогические единства, где в реагирующей реплике эксплицируется лишь придаточная часть. При этом наиболее часто употребляются такие структуры, в которых раскрывается причина действия. Например:

(62) *Spiegel: Warum sind Sie gerade von Gysi so enttäuscht?*

Peumann: Weil ich ihn ein bisschen kenne. (...) (Spiegel 9/2002, S. 212)

В данном фрагменте диалога рассуждение инициируется местоименным вопросом «warum»: «*Warum sind Sie gerade von Gysi so enttäuscht?*» («почему Вы разочарованы именно в Гизи?»). Данный вопрос несет в себе некую пропозицию, в истинности которой говорящий не сомневается, что может быть обусловлено предшествующим контекстом, но ему неизвестна причина, которую он и запрашивает. В качестве объяснения второй говорящий приводит утверждение: «*Weil ich ihn ein bisschen kenne*» («потому что я его немного знаю»). Данное утверждение выражено придаточным предложением с элиминированной главной частью и вводится причинным союзом «weil». Придаточная часть полностью раскрывает коммуникативную интенцию вопроса и «не нуждается ни в каких дополнительных поддержках как со стороны структурной, так и функциональной достаточности, поскольку она логико-семантически тесно соотносится с инициирующей репликой» [Михайлов 1986:27].

В немецком языке существуют эквиваленты вопросительного местоимения «warum». В следующем фрагменте диалога рассуждение инициируется местоименным вопросом «wieso»:

(63) Spiegel: *Wieso greifen Terrormilizen so häufig auf Kinder zurück?*

Elbert: Kinder sind leicht zu kidnappen, leicht zu rekrutieren und leicht auszubilden. Heranwachsende haben eine natürliche Neugier auf Krieg und Kampf. Hinzu kommt: Waffen sind viel leichter geworden als früher. (Spiegel 10/2015, S.118)

Сама пропозиция вопросительного предложения отсылает к статистике, а именно: «*Terrormilizen greifen häufig auf Kinder zurück*» («террористические группировки часто используют детей»). У второго говорящего запрашивается объяснение, обоснование данного положения дел, и в ответной реплике в качестве обоснования приводится ряд оценочных утверждений, выступающих в качестве объяснения выдвинутого в иницирующей реплике тезиса. Это оценочное суждение: «*Kinder sind leicht zu kidnappen, leicht zu rekrutieren und leicht auszubilden*» («Детей легко украсть, легко завербовать и легко обучить»), которое подкрепляется еще одним суждением, выраженным простым предложением: «*Heranwachsende haben eine natürliche Neugier auf Krieg und Kampf*» («У подростков есть естественное любопытство к войне и борьбе»). Еще одно добавочное суждение, выраженное в синтаксическом плане простым предложением и маркируемое «*hinzu kommt*»: «*Hinzu kommt: Waffen sind viel leichter geworden als früher*» («К тому же, оружие весит намного легче, чем раньше»).

В дальнейших рассуждениях в данной журнальной беседе иницирующей собеседник также запрашивает объяснение общеизвестного и не подлежащего сомнению факта, например:

(64) Spiegel: *Aber warum sprengten sich dort junge Menschen in die Luft, die anders als Islamisten noch nicht einmal an die wahnwitzige Versprechung glaubten, dass sie das Paradies erwartet?*

Elbert: Jugendliche, die so etwas machen, sind meistens äußerst impulsiv, übermäßig risikobereit, auch suizidal. (Spiegel 10/2015, S.118)

Запрашивается объяснение факта: «*junge Menschen sprengten sich dort in die Luft*» («там молодые люди подрывали себя»), что нельзя объяснить

просто религиозным фанатизмом. Это уточняется в определительном придаточном предложении: *«junge Menschen, die anders als Islamisten noch nicht einmal an die wahnwitzige Versprechung glaubten, dass sie das Paradies erwartet»* («молодые люди, которые в отличие от исламистов не верят в безумные обещания, что их ждет рай»). В реагирующей реплике второй говорящий приводит в качестве обоснования оценочное суждение: *«Jugendliche, die so etwas machen, sind meistens äußerst impulsiv, übermäßig risikobereit, auch suizidal»* («молодые люди, которые совершают нечто подобное, зачастую крайне импульсивны, чрезвычайно готовы на риск, также на суицид»).

Как показывает наш анализ, употребление в рассуждении сложного предложения с элиминированной главной частью возможно только в том случае, если рассуждение располагается в обеих репликах. Иницирующая реплика содержит в себе тезис, который подхватывается и обосновывается в последующей реплике.

Следует сказать, что главная часть в сложноподчиненных предложениях причины элиминируется не всегда. В проанализированном нами материале существуют примеры, когда в составе диалогических единств функционирует и полностью оформленное сложноподчиненное предложение. Например:

(65) *Stern: Sie sind jetzt 60 Jahre. Warum will der alte Gaul noch einmal in die Schlacht ziehen?*

O.Lafontaine: Ich unterstütze den Wahlkampf der SPD Saar, weil sie für mehr Wachstum und soziale Gerechtigkeit eintritt. Heute haben wir das Gegenteil: weder Wachstum noch soziale Gerechtigkeit. (Stern 43/2003, S. 40)

В данном фрагменте диалога рассуждение иницируется местоименным вопросом: *«Warum will der alte Gaul noch einmal in die Schlacht ziehen?»* («почему старый конь рвется в бой?»). Данный местоименный вопрос имеет своей интенцией запрос новой информации, т.е. запрос причины, и не подразумевает корректирующей эмоционально-оценочной реакции,

подтверждающей или опровергающей содержащуюся в вопросе пропозицию. В ответной реплике реагирующий собеседник сначала уточняет, что значит «рвется в бой» («will in die Schlacht ziehen»), перефразируя её: «*Ich unterstütze den Wahlkampf der SPD Saar*» («я поддерживаю СДПГ Саар в её предвыборной борьбе»), а затем приводит в качестве аргумента утверждение: «*weil sie für mehr Wachstum und soziale Gerechtigkeit eintritt*» («т.к. она выступает за большие темпы роста и социальную справедливость»).

В нашем корпусе также выявлены примеры использования эмоционально-оценочной реакции на местоименный вопрос. Но данная эмоционально-оценочная реакция, как правило, не корректирует содержащуюся в инициирующей реплике пропозицию. Например:

(66) *Spiegel: Und warum lässt sich Ihr Anti-Held, der schwächelnde Cyborg-Soldat namens Duane Fitzgerald, ausgerechnet in dem südirischen Fischerdorf Dingle als Frührentner nieder, um dort auf seinen baldigen Tod zu warten?*

Eschbach: Ganz einfach: Weil ich dort Urlaub mit meiner Familie gemacht habe. (Spiegel 43/2003, S. 214)

Рассуждение инициируется местоименным вопросом «*warum*». Один из коммуникантов запрашивает объяснение у собеседника, «почему его антигерой, слабеющий киборг-солдат по имени Дуэйн Фитцджеральд досрочно выходит на пенсию и оседает именно в южно-ирландской рыбацкой деревушке Дингл? («*warum lässt sich Ihr Anti-Held, der schwächelnde Cyborg-Soldat namens Duane Fitzgerald, ausgerechnet in dem südirischen Fischerdorf Dingle als Frührentner nieder*»)). Второй говорящий эмоционально реагирует «*ganz einfach*» и далее приводит объяснение: «*Weil ich dort Urlaub mit meiner Familie gemacht habe*» («потому что я проводил там отпуск с семьей»).

Однако чаще второй говорящий сразу приводит запрашиваемое в инициирующей реплике объяснение, без дополнительных эмоционально-оценочных реакций:

(67) *Spiegel: Warum sind Sie auf der Straße gelandet?*

Mariček: Meine Frau ist 1986 an einem Hirntumor gestorben. Damit bin ich nicht klargekommen. Ich habe angefangen zu trinken, einen schweren Autounfall gebaut. Und ich fing an, durch Deutschland zu streichen. (Spiegel 50/2013, S.52)

На вопрос о том «как он оказался на улице» («*Warum sind Sie auf der Straße gelandet?*») он приводит ряд объясняющих суждений, не содержащих никаких маркеров причинно-следственной связи, но в опоре на иницирующую реплику с запросом объяснения причины, эти утверждения выступают как обосновывающие суждения:

В реагирующей реплике, являющейся ответом на местоименный вопрос «*warum*», может содержаться не только придаточное предложение причины, но и придаточное предложение следствия. Такие синтаксические структуры используются, как правило, в полном виде, ни одна из частей не опускается, и придаточная часть всегда следует за главной. Это обусловлено тем, что придаточная часть всегда выражает следствие, проистекающее из предшествующего действия. При этом главная часть несколько не совпадает с пропозицией иницирующей реплики, что не позволяет собеседнику просто опустить её. Например:

(68) *Stern: Warum spielen Sie dann in einem solchen Film mit?*

Matthias Brandt: Ich bin aus der Familiengeschichte so weit rausgetreten, dass ich es mir leisten kann, eine solche Arbeit zu machen. Es sprach nicht genug dagegen. (Stern 43/2003, S. 218)

В качестве реакции на местоименный вопрос «*warum*» выступает не придаточное причины с причинным союзом «*weil*», а придаточное следствия, маркируемое союзом «*dass*» и интенсификатором «*so*». Интенсификатор «*so*» маркирует такую степень качества, которая необходима и достаточна для совершения действия, выраженного в придаточной части. Таким образом, обоснованием содержащейся в вопросе пропозиции выступает главная часть придаточного следствия: «*Ich bin aus der Familiengeschichte so weit rausgetreten, dass ich es mir leisten kann, eine solche Arbeit zu machen*»

(«я так далеко шагнул за пределы семейной хроники, что могу себе позволить, делать такую работу»).

В свою очередь, иницилирующая реплика, выраженная местоименным вопросом, может содержать не только вопросительное местоимение «*warum*». Рассуждение может иницироваться любым другим местоименным вопросом. Например:

(69) *Spiegel: Wie populär ist Bin Laden in Saudi-Arabien?*

Fakih: Enorm populär. Interne Meinungsumfragen zeigen, dass 95 Prozent der Jugendlichen mit ihm sympathisieren. Er hat mit seinen Aussagen, mit seinen Taten einen Nerv getroffen. (Spiegel 10/2002, S. 138)

Рассуждение иницируется вопросом: «*Wie populär ist Bin Laden in Saudi-Arabien?*» («Насколько популярен Бен Ладен в Саудовской Аравии?»). В ответной реплике собеседник сначала дает ответ на вопрос: «*Enorm populär*» («чрезвычайно популярен»). Намечая тем самым в опоре на предшествующую реплику тезис рассуждения: «*Bin Laden ist in Saudi-Arabien enorm populär*» («Бен Ладен в Саудовской Аравии чрезвычайно популярен»). Затем намеченный тезис аргументируется: «*95 Prozent der Jugendlichen sympathisieren mit ihm*» («95 процентов молодых людей симпатизируют ему»). При этом в главном предложении сначала приводится ссылка на источник информации: «*Interne Meinungsumfragen zeigen*» («опросы мнения в стране показывают»). Следует сказать, что в рассуждении также объясняется, почему 95 процентов молодых людей симпатизируют ему. В качестве объяснения выступает утверждение, что «он зацепил своими высказываниями, своими поступками» («*Er hat mit seinen Aussagen, mit seinen Taten einen Nerv getroffen*»). Данное утверждение не содержит маркеров причинной связи, но на основе своего концептуального значения однозначно воспринимается как аргумент.

Следует сказать, что в диалоге нередко ответ на один вопрос рождает следующий вопрос, так что рассуждение по одной теме содержит сразу несколько вопросно-ответных единств. Например:

(70) *Spiegel: Vergangenen Freitag haben die Muslime ihr Opferfest gefeiert. Wie viele Anträge auf Schächten ohne vorherige Betäubung haben Sie als Reaktion auf das Karlsruher Urteil bekommen?*

Stegen: Bei uns haben zwei muslimische Vereinigungen beantragt, in unseren Räumen rund 600 Schafe zum Opferfest zu schächten – was ich allerdings ablehnte.

Spiegel: Weshalb?

Stegen: Für das Schächten wäre der Nachweis einer „Sachkunde“ erforderlich gewesen, wie sie unsere Tierschutzschlachtverordnung für Metzger vorsieht. Eine solche konnten aber beide Gemeinschaften nicht vorlegen. (Spiegel 9/2002, S. 181)

В рассматриваемом фрагменте рассуждения, расположенном в четырех репликах диалога: один из коммуникантов приводит известный факт: «*Vergangenen Freitag haben die Muslime ihr Opferfest gefeiert*» («в прошлую пятницу мусульмане праздновали день жертвоприношения»), из чего он заключает, что собеседник/второй говорящий «получил заказы на халяльный убой без предварительного оглушения в качестве реакции на вердикт Карлсруе» («*Sie haben Anträge auf Schächten ohne vorherige Betäubung als Reaktion auf das Karlsruher Urteil bekommen*»). Он не сомневается в факте получения заказов, а лишь уточняет: «*Wie viele*» («сколько?»). В реагирующей реплике второй говорящий приводит запрашиваемую информацию, а именно, что «две мусульманские общины сделали им заказ забить к празднику жертвоприношения порядка 600 овец» («*Bei uns haben zwei muslimische Vereinigungen beantragt, in unseren Räumen rund 600 Schafe zum Opferfest zu schächten*»). Но следом добавляет, что он «однако, отклонил заказ» («*was ich allerdings ablehnte*»). На что первый говорящий реагирует вопросительным местоимением «*weshalb*», запрашивая, таким образом, объяснение. В качестве объяснения приводится ряд утверждений, выраженных простыми предложениями. Одно из утверждений является ссылкой на существующие нормы и законы: «*der Nachweis einer*

„*Sachkunde*“» («требуется подтверждение компетентности»). Второе утверждение является констатацией факта, что «обе общины не смогли предъявить такое подтверждение («*Eine solche konnten aber beide Gemeinschaften nicht vorlegen*»)). Таким образом, с точки зрения синтаксиса рассуждение, расположенное в четырех и более репликах, не будет коренным образом отличаться от рассуждения, расположенного в двух-трех репликах.

Статистический анализ корпуса примеров позволил нам сделать вывод, что в качестве инициирующих реплик чаще выступают вопросительные конструкции (при этом неместоименные вопросы более продуктивны в сравнении с местоименными). Утвердительные конструкции используются несколько реже. Это отражает коммуникативную специфику рассуждения в диалоге, поскольку, согласно результатам анализа второй главы, коммуникативные модели с запросом пояснения/ вывода/ примера более частотны в сравнении с коммуникативными моделями, в которых инициирующая реплика ограничивается мнением/ утверждением по теме. Процентное соотношение инициирующих реплик по синтаксической структуре представлено в следующей диаграмме:

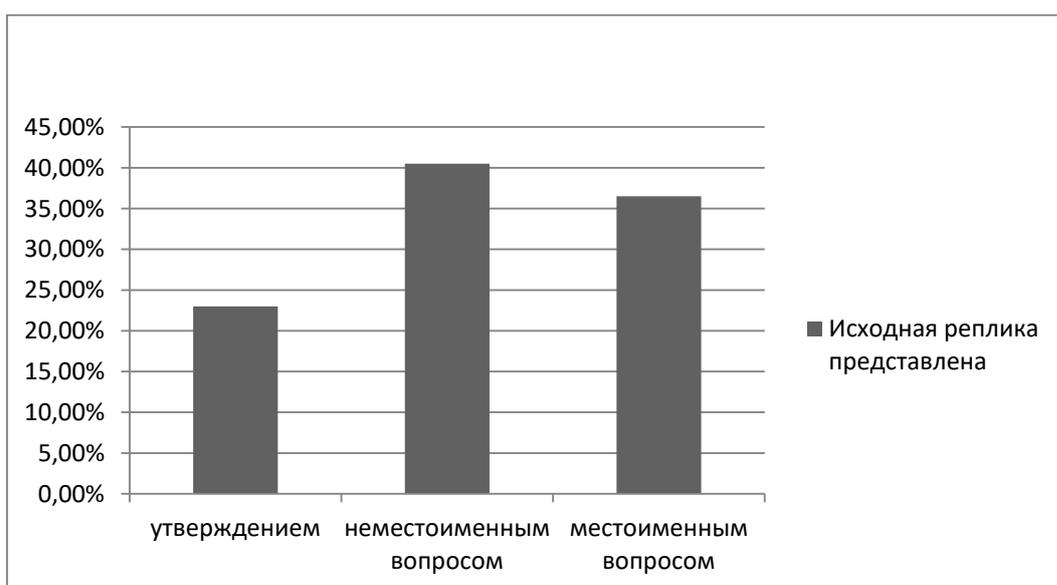

Рисунок 4: Синтаксическая структура исходных реплик

3.2. Морфологические средства рассуждения в диалоге

Морфологический анализ корпуса примеров показал, что в качестве наиболее характерных морфологических форм реализации рассуждения в диалоге выступают презентные формы конъюнктива, имплицитные косвенную речь (ссылку на источник информации, цитирование), и степени сравнения прилагательных и наречий, маркирующие оценку.

Рассмотрим некоторые примеры:

(71) *McGonigal: ... Die Menschen, die positiv über das Alter denken, ... leben länger.*

Spiegel: Und mit dem Stress verhält es sich ähnlich?

McGonigal: Ja, davon bin ich überzeugt. Sehen Sie: Derzeit glauben die meisten, Stress sei schädlich. (...) (*SpiegelWissen 4/2018, S. 6*)

В приведенном примере один из собеседников, рассуждая о стрессе, приводит мнение, что «люди, думающие о возрасте позитивно, дольше живут» («*Die Menschen, die positiv über das Alter denken, ... leben länger*»). Реагирующий собеседник, проводя параллель между темой разговора и приведенным мнением, делает вывод: «*Und mit dem Stress verhält es sich ähnlich?*» («И со стрессом обстоит также?»). Вывод строится в форме вопроса, чтобы побудить собеседника подтвердить или опровергнуть содержащуюся в вопросе пропозицию. В ответной реплике тот не просто соглашается «*ja*», он озвучивает свою уверенность: «*davon bin ich überzeugt*» («в этом я убежден»), продолжая объяснения и ссылаясь на мнение большинства, которые «думают, что стресс вреден» («*Derzeit glauben die meisten, Stress sei schädlich*»). Для передачи косвенной речи используется презентная форма конъюнктива как маркер цитации.

В качестве утверждения, истинность или ложность которого предлагается доказать, нередко выступает имплицитное цитирование. Например:

(72) *Spiegel: Herr Niermeyer, Sie behaupten, nur derjenige habe Erfolg, der seine Rolle als Angestellter oder Chef richtig spiele – authentischer Selbstaussdruck sei dagegen völlig unangebracht. Warum?*

Niermeyer: Jedermann wird dafür bezahlt, auf professionelle Art und Weise seine Rolle wahrzunehmen (...) (SpiegelWissen 1/2016, S. 68)

В приведенном фрагменте рассуждение инициируется приведением слов собеседника. Цитирование передается посредством конъюнктива: «*nur derjenige habe Erfolg, der seine Rolle als Angestellter oder Chef richtig spiele – authentischer Selbstaussdruck sei dagegen völlig unangebracht*» («только тот успешен, кто правильно играет свою роль служащего или шефа – аутентичное самовыражение, напротив, совсем неуместно»). Сославшись на мнение второго говорящего, первый говорящий запрашивает объяснение: «*Warum?*». В ответной реплике второй говорящий обосновывает свое высказанное ранее мнение.

Другой характерной для рассуждения морфологической формой выступают степени сравнения прилагательных и наречий. Их использование часто обусловлено необходимостью сравнения различных точек зрения по обсуждаемой проблеме, например:

(73) *Spiegel: Ist der Ort wichtiger oder die Menschen? Angenommen, ich lebe in einem Alpendorf, viele ziehen weg, aber ich bleibe an dem Ort. Verliere ich dann meine Heimat, oder behalte sie?*

Kaschuba: Ich würde sagen, dass die soziale Gruppe wichtiger ist. Aber natürlich gibt es auch Leute, die können ohne ihre Berge oder ihre Küste nicht leben (...) (SpiegelWissen 6/2016, S. 17)

В приведенном примере, рассуждая о родине, один из собеседников запрашивает мнение о том, что «важнее: место или люди» («*Ist der Ort wichtiger oder die Menschen?*»). При этом он поясняет, что имеет в виду: «*Angenommen, ich lebe in einem Alpendorf, viele ziehen weg, aber ich bleibe an dem Ort. Verliere ich dann meine Heimat, oder behalte sie?*» («Предположим, я живу в одной альпийской деревушке, многие уезжают, но я остаюсь в этом

месте. Я тогда потеряю свою родину или сохраню её?»). Таким образом, именно наречие в сравнительной степени «wichtiger» выступает побуждением к рассуждению: второй говорящий высказывает своё мнение: «*Ich würde sagen, dass die soziale Gruppe wichtiger ist*» («Я думаю, что важнее социальная группа»), объясняет его, рассуждая о том, что «конечно есть также люди, которые не могут жить без своих гор или побережья» («*Aber natürlich gibt es auch Leute, die können ohne ihre Berge oder ihre Küste nicht leben*»).

Если прилагательные и наречия в сравнительной степени служат для обзора точек зрения по обсуждаемой проблеме, сопоставления тех или иных объектов рассмотрения, то прилагательные и наречия в превосходной степени, как правило, маркируют оценку, обосновывают предшествующее утверждение:

(74) *Fehlings: ... Es geht am Anfang immer nur um den Geschmack und die Qualität eines Gerichts. Nicht um den Gag. Anders geht es nicht bei drei Sternen.*

Spiegel: Da müssen aber auch die Lieferanten spüren.

Fehlings: Wenn unsere Telefonnummer auf deren Display erscheinen, müssen sie zusammensucken. Wir haben die höchsten Ansprüche an Qualität und Frische, und wenn es etwas nicht in Ordnung ist, nehmen wir es nicht (...) (SpiegelWissen 1/2017, S.82)

В приведенном примере один из собеседников, обладатель трех звезд Мишлена, размышляет о том, что «первоначально речь идет только о вкусе и о качестве блюда. Не об эффектном трюке» («*Es geht am Anfang immer nur um den Geschmack und die Qualität eines Gerichts. Nicht um den Gag*»). Размышляя, он высказывает мнение, что «иначе при трех звездах не получится» («*Anders geht es nicht bei drei Sternen*»). Второй собеседник, реагируя на размышления первого, высказывает предположение: «*Da müssen aber auch die Lieferanten spüren*» («Но тогда и поставщики должны хорошо работать»), на которое первый коммуникант сначала приводит утверждение: «*Wenn unsere Telefonnummer auf deren Display erscheinen, müssen sie zusammensucken*»

(«когда наш номер телефона высвечивается на их дисплее, они должно быть вздрагивают»), обосновывая это далее тем, что у них «самые высочайшие требования к качеству и свежести и если что-то не в порядке, они это не возьмут» («*Wir haben die höchsten Ansprüche an Qualität und Frische, und wenn es etwas nicht in Ordnung ist, nehmen wir es nicht*»). Именно прилагательное в превосходной степени «*die höchsten Ansprüche*» выступает обоснованием того, почему «поставщики вздрагивают».

Следует сказать, что наречия в сравнительной степени достаточно часто употребляются в рассуждении в «придаточных пропорционального отношения» [Москальская 2004], вводимых союзами «*je...desto/ je... umso*» маркируя соотносительную связь, вскрывая зависимость одного явления от другого. Например:

(75) *Spiegel: Schweißt es Menschen zusammen, wenn sie eine Heimat teilen?*

Raunecker: Ich glaube, je weiter man weggeht desto dehnbbarer wird der Begriff Heimat (..) (SpiegelWissen 6/2016, S. 71)

В иницирующей реплике один из собеседников побуждает второго к рассуждениям, задавая вопрос: «*Schweißt es Menschen zusammen, wenn sie eine Heimat teilen?*» («Людей сближает, если у них общая родина?»). В ответной реплике второй собеседник приводит мнение: «*Ich glaube, je weiter man weggeht desto dehnbbarer wird der Begriff Heimat*» («Я думаю, чем дальше уезжают, тем растяжимее становится понятие родина»), что маркирует зависимость «растяжимости понятия родина» от «удаленности от неё» как причину и следствие.

3.3. Лексические маркеры рассуждения в диалоге

Поскольку рассуждение, как правило, ведется с целью воздействия на собеседника, его структура среди прочего подразумевает определённый набор лексических средств рационального и эмоционального воздействия на собеседника.

Наше исследование показало, что выбор тех или иных языковых средств зависит не только от личности адресанта, но и от типа рассуждающего дискурса, в котором преимущественно протекает диалог: от того, опирается ли говорящий на рациональные аргументы, обращенные к разуму, или на эмоциональные, направленные на сферу чувств собеседника. Так, для эмоционального воздействия рассуждающий собеседник использует, в первую очередь, эмоционально-оценочную лексику, различные метафоры и сравнения, риторические приемы. В процессе собственно рассуждения, т.е. при рациональном способе воздействия, очень высок процент союзов, наречий и наречных сочетаний, важных для обозначения причинно-следственных отношений.

На основании лексико-семантического анализа корпуса примеров диалогических текстов современных немецкоязычных медиатекстах нами были выделены следующие группы наиболее продуктивных лексических маркеров рассуждения в диалоге.

3.3.1. Лексические маркеры ссылки на источник информации

Рассуждение подается адресату не просто как готовое решение той или иной проблемы, в процессе рассуждения говорящий представляет его, объясняет и обосновывает утверждаемое так, чтобы слушающий понял и принял его. Для этого приводятся различные точки зрения по обсуждаемой проблеме, которые сравниваются и оцениваются. В качестве обоснования нередко приводится ссылка на источник информации. В связи с этим в рассуждении относительно высока доля слов, прежде всего имен существительных, выступающих в качестве фактуальной информации⁷: ссылки на источник знания. Как правило, рассуждающий собеседник в процессе обоснования ссылается на статистические данные, исследования, опросы. Лексически это маркируется такими существительными, как

⁷ Под фактуальной информацией мы понимаем такой тип информации, который отражает те или иные явления объективной реальности в их взаимосвязи. Это констатация фактов, не окрашенная субъективной оценкой говорящего.

«*Untersuchungen*», «*Studien*», «*Statistik*», «*Prozent*» и другими. Рассмотрим некоторые примеры:

(76) *Spiegel: Sie haben für eine Studie die Persönlichkeiten von Menschen und Städten in Beziehung gesetzt. Wie misst man das Temperament einer Stadt?*

Belidorn: Wir haben davon ausgegangen, dass die Menschen das Temperament eines Ortes ausmachen. Für unsere Studie haben 500 000 Menschen aus 800 Städten einen Persönlichkeitstest ausgefüllt. (Spiegel Wissen 6/2016, S. 11)

В данном фрагменте рассуждения один из собеседников сначала приводит некое утверждение, после чего запрашивает его объяснение. В ответной реплике второй собеседник приводит объясняющее суждение «*Wir haben davon ausgegangen, dass die Menschen das Temperament eines Ortes ausmachen*» («Мы исходили из того, что люди определяют темперамент места»). Данное суждение подтверждается ссылкой на статистические данные, что маркируется существительными «*Studie*» («исследование»), словосочетаниями «*500 000 Menschen*» и «*800 Städte*».

В отобранном нами корпусе есть немало примеров того, что в качестве обосновывающего суждения говорящий нередко ссылается на результаты исследований и, как следствие, статистические данные. Рассмотрим пример, в котором ссылка на полученную в результате исследований статистику выступает не в качестве обоснования, а в качестве отправной точки дальнейших рассуждений:

(77) *Mitzscherlich: ... Untersuchungen zeigen, dass Heimat für viele nur noch ihre Gemeinde ist, für manche nur noch die Wohnung. Die Region schon weniger, das Bundesland ist es nur noch zu 30, 40 Prozent, Europa nennen weniger als 20 Prozent ihre Heimat.*

Spiegel: Warum schafft Europa es nicht, Heimatgefühle zu wecken?(...)
(*Spiegel Wissen 6/2016, S. 19*)

В приведенном примере один из собеседников, размышляя на тему «*Heimat*», приводит статистику, сравнивая в процентах, с чем у многих

ассоциируется родина. При этом ссылка на источник знания и на статистику маркируется таким существительными, как: «*Untersuchungen*», «*Prozent*». В опоре на статистику говорящий сравнивает, приводит оценочное утверждение «*Europa nennen weniger als 20 Prozent ihre Heimat*» («Европу называют родиной менее 20 процентов»), которое выступает в качестве отправной точки дальнейших рассуждений. Второй собеседник запрашивает объяснение этого обстоятельства: «*Warum schafft Europa es nicht, Heimatgefühle zu wecken?*» («Почему Европа не вызывает ностальгию по Родине?»).

Следует сказать, что ссылка на источник знания характерна для моделей рассуждения, в которых первый говорящий сначала приводит некое общеизвестное суждение, а затем запрашивает у второго говорящего объяснения или мотивированной оценки приведенного факта. Именно ссылка на источник знания позволяет рассматривать утверждаемое как истинное суждение.

Наиболее частотными существительными, маркирующими ссылку на источник знания, выступают существительные «*Studie*», «*Umfragen*», «*nach unseren Daten*», «*Untersuchungen*», «*unsere Forschung*», «*Lehren*». Ссылки на статистические данные маркируются существительными «*Prozent*» и «*Statistik*». Очень часто в качестве ссылки на источник информации также используются прецедентные имена, под которыми понимается широко известное имя, используемое в тексте не для обозначения конкретного человека, организации, понятия, а в качестве своеобразного культурного кода, символа тех или иных качеств и свойств, ассоциирующихся у участников коммуникации с данным именем. Следует отметить, что прецедентное имя выступает одним из общепринятых средств, используемых в качестве аргумента. Например:

(78) *Spiegel: Haben Sie denn eine Antwort?*

Lemke: ... Vielleicht weil die Debatten über den gesellschaftlichen Fortschritt sich mit Karl Marx auf die Arbeit und die Arbeitsbedingungen verlagerten. Das 20.

Jahrhundert war dann geprägt von den beiden Weltkriegen... Dabei wäre „die Brotfrage“, wie der Anarchist Peter Kropotkin sagte, ein zwingendes Thema gewesen, weil sie so politisch ist: In Zeiten des Kalten Krieges wollte der Westen dem sozialistischen Osten zeigen, wie gut es dem Volk im Kapitalismus geht. (Spiegel Wissen 1/2017, S.55)

В приведенном примере один из собеседников запрашивает объяснение обсуждаемого ранее утверждения «*Haben Sie denn eine Antwort?*» («А у Вас есть ответ?»). В ответной реплике второй говорящий приводит запрашиваемое объяснение, ссылаясь в процессе рассуждения на разные прецедентные имена: *Karl Marx, die beiden Weltkriege, „die Brotfrage“, der Anarchist Peter Kropotkin, der Kalte Krieg, der Westen, der sozialistische Osten* («Карл Маркс», «обе мировые войны», «хлебный вопрос», «анархист Петр Кропоткин», «холодная война», «Запад» и «социалистический Восток»). Именно обращение к прецедентным именам позволяет не разворачивать приводимые аргументы. Один аргумент словно нанизывается на другой, разворачивая цепочку обоснований. Так, в процессе рассуждения, говорящий сначала ссылается на Карла Маркса, чьи темы о работе и условиях труда отвлекли на себя внимание общества, затем ссылается на две мировые войны, оставившие свой отпечаток на двадцатом веке. Далее говорящий размышляет о «хлебном вопросе», ставшем обязательной темой, что было обусловлено политикой «*In Zeiten des Kalten Krieges wollte der Westen dem sozialistischen Osten zeigen, wie gut es dem Volk im Kapitalismus geht*» («во времена холодной войны Запад хотел показать социалистическому Востоку, как хорошо живет народ при капитализме»). Прецедентные имена особенно часто появляются в коммуникативных моделях, когда первый говорящий запрашивает обоснование, а второй говорящий приводит объяснение или обоснование.

В качестве лексических маркеров ссылки на источник информации также служат числительные, употребляемые в тексте в сочетании с существительными, отсылающими к статистике: «*Statistik*», «*Prozent*»,

«*Studie*», «*Daten*» и другие, рассмотренные выше. Рассмотрим следующий пример:

(79) *Spiegel: Immer mehr Menschen stöhnen unter der Last des Alltags und werden krank durch Stress. Sie erklären nun, dass Stress gut ist. Wie kommen Sie darauf?*

McGonigal: Eine große Studie hat mich zum Nachdenken gebracht. Wissenschaftler verglichen die Daten von 30 000 Amerikanern aus einem offiziellen Gesundheitsumfrage mit der Sterbestatistik acht Jahre später. In der Umfrage hatte man den Menschen unter anderem die Frage gestellt, ob sie glauben, dass Stress ihre Gesundheit schade. (...) (SpiegelWissen 4/2018, S. 61)

В иницирующей реплике приводится утверждение: «*Immer mehr Menschen stöhnen unter der Last des Alltags und werden krank durch Stress.*» («Всё больше людей стонут от тягот будней и заболевают от стресса»), противоречащее предшествующим рассуждениям собеседника о пользе стресса. Приведя данное утверждение, иницирующий собеседника задает вопрос: «*Sie erklären nun, dass Stress gut ist. Wie kommen Sie darauf?*» («Как Вы теперь объясните, что стресс это хорошо? Как Вы пришли к этому?») Тем самым он побуждает собеседника к обоснованию своей точки зрения, к дальнейшим рассуждениям по теме. В ответной реплике второй собеседник объяснение, ссылаясь сначала на источник знания: «*Eine große Studie hat mich zum Nachdenken gebracht. Wissenschaftler verglichen die Daten von 30 000 Amerikanern aus einem offiziellen Gesundheitsumfrage mit der Sterbestatistik acht Jahre später*» («Результаты большого исследования заставили меня задуматься. Ученые сравнили данные 30 000 американцев из официальных опросов о состоянии здоровья со статистикой смертности спустя восемь лет»), поясняя связь важности данных для обсуждаемой проблеме, уточняя, что «Людам в опросе среди прочих был задан вопрос, думают ли они, что стресс вредит их здоровью» («*In der Umfrage hatte man den Menschen unter anderem die Frage gestellt, ob sie glauben, dass Stress ihre Gesundheit schade*») и рассуждая дальше.

В приведенном примере числительные выступают в качестве отсылки к источнику информации («*die Daten von 30 000 Amerikanern*»), а также для уточнения временного отрезка («*Sterbestatistik acht Jahre später*»).

Анализ корпуса журнальных интервью и бесед показал, что в рассуждении в диалоге самыми продуктивными лексическими маркерами, отсылающими к источнику информации, выступают существительные и числительные.

3.3.2. Лексические маркеры объяснения/ обоснования

В процессе рассуждения в диалоге один из собеседников часто запрашивает объяснения или пояснения как утверждаемого в предшествующей реплике, так и некоего факта или явления, приводимого им самим. В реагирующей реплике второй собеседник приводит объяснение. При этом запрос или само объяснение нередко маркируются такими существительными, как «*Erklärung*», «*Bedeutung*», «*Ursache*», «*Gründe*», «*Wurzel*» и другими существительными со схожей семантикой. Например:

(80) *Zick: ...Die Selbstbestimmung gehört überraschenderweise ja ebenfalls zur Pegida-Agenda.*

Spiegel: Haben Sie eine Erklärung dafür?

Zick: Adorno hätte seine Freude daran. Ein übertriebenes Interesse an sexuellen Dingen ist für ihn schließlich ein Kennzeichen der deutschen Autoritätshörigkeit. (Spiegel 3/2015, S. 36)

В процессе рассуждения о проблемах, связанных с движением ПЕГИДА, один из собеседников констатирует, что «самоопределение, как ни странно, также в повестке ПЕГИДЫ» («*Die Selbstbestimmung gehört überraschenderweise ja ebenfalls zur Pegida-Agenda*»). В последующей реплике собеседник запрашивает объяснение приведенного утверждения, маркируя запрос существительным «*Erklärung*»: «*Haben Sie eine Erklärung dafür?*» («У Вас есть этому объяснение?»).

В следующем примере на запрос пояснения «*Im massenhaften Einsatz der fossilen Brennstoffe Kohle, Erdöl, Erdgas, die für die Klimawandel wesentlich verantwortlich sind, liegt also die Hauptsünde der Menschen?*» («В массовом использовании горючих полезных ископаемых угля, нефти, газа, ответственных в существенной степени за изменение климата, заключается, значит, основной грех человечества?») второй собеседник приводит оценочное суждение, подтверждающее уточняемое первым собеседником: «*Die fossilen Brennstoffe sind auch sonst die Ursache vieler Umweltprobleme*». Существительное «*Hauptsünde*» («основной грех»), используемое в иницирующей реплике, тематически перекликается с существительным «*Ursache vieler Umweltprobleme*» («причина многих экологических проблем»):

(81) *Spiegel: Im massenhaften Einsatz der fossilen Brennstoffe Kohle, Erdöl, Erdgas, die für die Klimawandel wesentlich verantwortlich sind, liegt also die Hauptsünde der Menschen?*

Ekardt: Die fossilen Brennstoffe sind auch sonst die Ursache vieler Umweltprobleme. ... (Spiegel Wissen 2/2017, S. 62)

Еще один пример, когда причина маркируется существительным, отсылающим к источнику обсуждаемой проблемы «*die Wurzel allen Übels*» («корень всех бед»):

(82) *Ekardt: ... Es gibt viele Leute, für die im Vorhinein feststeht, dass alle Probleme der Welt technisch lösbar sind, dazu zählen die Bundesregierung, der politische Mainstream, weite Teile der Wissenschaft. Und es gibt andere Menschen, die schon immer überzeugt waren, dass Technik uns mehr schadet als nützt, dass die Technik die Wurzel allen Übels ist. (Spiegel Wissen 2/2017, S. 63)*

В данном фрагменте рассуждения один из собеседников приводит разные точки зрения по обсуждаемой проблеме, одна из которых состоит в том, что «все проблемы в мире можно решить технически» («*alle Probleme der Welt sind technisch lösbar*»), вторая же диаметрально противоположна: «*Technik schadet uns mehr als nützt*» (««техника больше вредит, чем

помогает»). Данная точка зрения обосновывается оценочным суждением: «*die Technik ist die Wurzel allen Übels*» («техника – корень всех бед»). Именно существительное «*die Wurzel allen Übels*» маркирует причину, объяснение приводимого ранее мнения.

Проведенный анализ показал, что одним из самых частотных существительных, маркирующих объяснение или обоснование, является существительное «*Beispiel*». Это обусловлено тем, что в процессе объяснения говорящий нередко приводит различные примеры:

(83) *Spiegel: Warum hängen wir so an den erlernten Ritualen der Kindheit auch beim Essen?*

Sieter: Wer mir meine Rituale nimmt, hebt meine Welt aus den Angeln. Ich trinke jeden Morgen eine Tasse Kaffee am Küchentisch, und die zweite nehme ich in den Garten. Ich habe einen arbeitsfreien Tag in der Woche, an dem gehe ich jedes Mal in dasselbe Restaurant zum Frühstück. Ich brauche das. Ich wäre zum Beispiel ein schrecklicher Küchenchef, ich wäre nie in der Lage, beim Kochen ein ganzes Team zu dirigieren. Ich muss für mich sein. (...) Rituale geben Sicherheit. Wonach griffen die Menschen, als Corona begann? (Spiegel Wissen 3/2020, S. 31)

В иницирующей реплике один из собеседников запрашивает объяснение того, что утверждалось ранее. Запрос выражен вопросительным предложением с местоименным вопросом «*Warum*», намечающим в качестве ремы именно причину: «*Warum hängen wir so an den erlernten Ritualen der Kindheit auch beim Essen?*» («Почему мы так зависимы от приобретенных в детстве ритуалов даже в еде?»). В ответной реплике второй говорящий сначала приводит условно-категорическое⁸ оценочное суждение: «*Wer mir meine Rituale nimmt, hebt meine Welt aus den Angeln*» («Кто лишит меня ритуалов, поставит с ног на голову мой мир»). Далее второй говорящий приводит в качестве примера несколько своих ежедневных ритуалов,

⁸ Под условно-категорическим суждением мы понимаем такое умозаключение, одна из посылок которого является условным, или имплицитным, суждением, вторая же посылка представляет собой простое, или категорическое суждение. К таким условно-категорическим суждениям относятся, например, умозаключения с союзом «если... то...». В логике суждение, вводимое союзом «если» является основанием, в то время как располагаемое в главном предложении суждение рассматривается как следствие. Эта разновидность сложного суждения, именуемая также импликацией.

которые ему важны, в качестве примера, (что маркируется соответствующим существительным «*zum Beispiel*») он приводит, что бы с ним было, если бы не было этих простых ежедневных ритуалов. После всех размышлений о важности ритуалов второй говорящий приводит в качестве обоснования еще одно суждение: «*Rituale geben Sicherheit*» («ритуалы дают уверенность»), после чего побуждает собеседника к дальнейшим размышлениям: «*Wonach griffen die Menschen, als Corona begann?*» («За что схватились люди, когда началась пандемия коронавируса?»).

Помимо существительных в качестве лексических маркеров обоснования также выступают глаголы, отсылающие к причине или предваряющие объяснение: «*bedeuten*», «*erklären*», «*belegen*», «*überzeugen*»:

(84) Siegel: *Ihr Rat, geduldig zu sein, klingt aber bei starken Schmerzen fast wie Folter. Wie schaffen Sie es, Ihre Patienten davon zu überzeugen, ihren Schmerzen so zu begegnen?*

Lutz: *Das ist für uns Therapeuten in der Tat die schwierigste Aufgabe. Die Patienten machen Druck. Und auch wir würden ja am liebsten rasche Erfolge erzielen. ... Stattdessen müssen wir uns in Geduld üben und lernen, die Verantwortung zu übernehmen, statt sie beispielsweise an Medikamente abzugeben. Das bedeutet ein wirkliches Umdenken. (Spiegel Wissen 6/2018, S. 95)*

В анализируемом фрагменте диалога один из собеседников приводит мнение второго собеседника и оценивает его «*Ihr Rat, geduldig zu sein, klingt aber bei starken Schmerzen fast wie Folter*» («Ваш совет, набраться терпения, при сильных болях звучит почти как пытка»). Далее первый говорящий запрашивает у второго говорящего объяснение: «*Wie schaffen Sie es, Ihre Patienten davon zu überzeugen, ihren Schmerzen so zu begegnen?*» («Как Вам удастся убедить своих пациентов терпеть боль?»). В ответной реплике второй говорящий сначала подтверждает «сложность задачи»: «*Das ist für uns Therapeuten in der Tat die schwierigste Aufgabe*», обосновывая это тем, что «*Die Patienten machen Druck. Und auch wir würden ja am liebsten rasche Erfolge erzielen*». Затем он рассуждает о том, что «*Stattdessen müssen wir uns in Geduld*

üben und lernen, die Verantwortung zu übernehmen, statt sie beispielsweise an Medikamente abzugeben» («...нужно терпеливо учиться брать на себя ответственность, вместо того, чтобы уступать медикаментам, например»). Из всего сказанного второй говорящий делает вывод, что маркируется глаголом «*bedeuten*»: «*Das bedeutet ein wirkliches Umdenken*» («Это означает истинное переосмысление»).

В следующем примере иницирующий собеседник запрашивает обоснование того, что утверждалось в предшествующей реплике:

(85) *Lemke: ... Trotzdem muss man sagen: Sokrates hat sich mehr Gedanken über das Essen gemacht, als die Philosophie es heute tut.*

Spiegel: Können Sie diese These bitte belegen?

Lemke: Sokrates stand mitten im Leben, er ging auf den Markt und sprach mit den Menschen über ihre Einkäufe, er lud sich bei reichen Leuten ein, um dort beim leckeren Essen über das gute Leben zu philosophieren. (Spiegel Wissen 1/2017, S.55)

Запрос выражен глаголом «*belegen*»: «*Können Sie diese These bitte belegen?*» («Вы можете доказать это утверждение?»). В ответной реплике второй говорящий приводит объяснение, почему Сократ больше размышлял о еде, чем современная философия.

В следующем примере в качестве лексические маркеров обоснования используются не только глаголы, отсылающие к причине, но и к следствию:

(86) *Dunbar: ...Menschen, die emotional auf den Film reagieren, hielten Schmerzen besser aus. Dies weist auf eine Aktivierung des Endorphinsystems hin. Außerdem fühlten sie sich den Menschen, mit denen sie den Film gesehen haben, stärker verbunden – obwohl alle Fremde waren.*

Siegel: Was schließen Sie daraus?

Dunbar: Die Resultate belegen, dass wir traurige Filme als angenehm und belohnen wahrnehmen. Und noch wichtiger: Sie legen nahe, dass wir sie am liebsten in der Gruppe schauen, weil es unser Gemeinschaftsgefühl stärkt. (Spiegel Wissen 6/2018, S. 13)

Один из собеседников рассуждает на определенную тему, приводит результаты исследований и опросов, делает выводы «*Dies weist auf eine Aktivierung des Endorphinsystems hin*» («это свидетельствует об активации эндорфинной системы»). Второй собеседник запрашивает обобщенный вывод из рассуждений первого собеседника: «*Was schließen Sie daraus?*», и первый собеседник приводит общие выводы, ссылаясь на результаты исследований. Что также маркируется глаголами «*belegen*» («доказывать») и «*nahelegen*» («наводить на мысль»).

Контекстуальный анализ показывает, что если глагол «*belegen*» маркирует обоснование чего-либо, то глагол «*erklären*» маркирует объяснение. Объяснение может запрашиваться как в иницилирующей реплике, побуждающей к рассуждению, так и в ответной реплике. Запрос объяснения может подаваться в форме вопросительного предложения («*Und wie erklären Sie die Karrieren von Schröder & Co.?*», «*Wie lässt sich das erklären?*») или в форме утвердительного предложения («*Das müssen Sie erklären*»). Например:

(87) *Spiegel: Das müssen Sie genauer erklären.*

Kanese: Geld ist ja eigentlich eine künstliche, abstrakte Sache. Tauschhandel können Menschen leicht erfassen: Ich mähe deine Wiese, dafür bekomme ich einen Sack Kartoffeln. Aber ein Geldschein? Das ist objektiv betrachtet bloß ein buntes Stück Papier. (Spiegel Wissen 4/2019, S. 38)

В процессе рассуждения о деньгах и проблемах, обусловленных деньгами, один из собеседников приводит некое утверждение, объяснение которого тут же запрашивается вторым собеседником: «*Das müssen Sie genauer erklären*» («Вам нужно объяснить это подробнее»). В ответной реплике приводится объяснение: «*Geld ist ja eigentlich eine künstliche, abstrakte Sache*» («деньги, собственно говоря, ведь искусственный абстрактный предмет»), иллюстрируемое примером: «*Tauschhandel können Menschen leicht erfassen: Ich mähe deine Wiese, dafür bekomme ich einen Sack Kartoffeln*» («Люди могут с легкостью осуществлять меновую торговлю: я кошу луг, за это получаю мешок картошки»). Следует отметить, что без

маркера запроса объяснения последующие рассуждения были бы просто рассуждением о то, что такое по сути деньги. Но маркер объяснения «*erklären*» связывает несколько реплик в единое рассуждение с элементами пояснения и объяснения, облегчающими понимание и, как следствие, принятие мнения.

Анализ корпуса примеров показал, что универсальными маркерами объяснения и обоснования выступают, в первую очередь, существительные и глаголы.

3.3.3. Лексические маркеры пропозиции мнения и знания

Как упоминалось выше, неотъемлемым компонентом рассуждения является выражение определенного мнения по обсуждаемой проблеме. При этом может приводиться как собственное мнение, так и мнение, например, собеседника, обоснование которого следом запрашивается. Например:

(88) *Spiegel: Herr Niermeyer, Sie behaupten, nur derjenige habe Erfolg, der seine Rolle als Angestellter oder Chef richtig spiele – authentischer Selbstaussdruck sei dagegen völlig unangebracht. Warum? (Spiegel Wissen 1/2016, S. 68)*

В приведенном примере в иницирующей реплике говорящий приводит точку зрения своего собеседника, объяснение которой сразу же запрашивает, побуждая второго говорящего к рассуждениям. Мнение вводится глаголом «*behaupten*» («утверждаете»).

Маркерами пропозиции мнения в анализируемых текстах выступают также такие глаголы, как «*halten*», «*finden*», «*glauben*» («*als Philosophin glaube ich*», «*ich halte, dass*»):

(89) *Spiegel: Für uns Deutsche ist der Arbeitswelt der Stressfaktor Nummer eins. Viele Unternehmen bieten inzwischen Stressprävention an. Sollte man in solchen Programmen mehr über die positiven Seiten von Stress sprechen?*

McGonigal: Ich bin skeptisch, ob Unternehmen diese Rolle im Leben eines Angestellten übernehmen sollen und können. Ich glaube eher, dass jeder Einzelne

seine Werte und Ziele selbst formulieren und in alle Bereiche seines Lebens hineintragen muss. (...) (SpiegelWissen 4/2018, S. 63)

В приведенном фрагменте рассуждения в диалоге один из собеседников приводит известные, не подразумевающие объяснения факты: «*Für uns Deutsche ist der Arbeitswelt der Stressfaktor Nummer eins*» («Для нас немцев работа является фактором стресса номер один»), «*Viele Unternehmen bieten inzwischen Stressprävention an*» («Многие предприятия теперь предлагают профилактику стресса»). Затем он уточняет у собеседника, «следовало ли на таких программах больше говорить о положительных сторонах стресса» («*Sollte man in solchen Programmen mehr über die positiven Seiten von Stress sprechen?*»), побуждая высказать мнение. В ответной реплике реагирующий собеседник рассуждает, «должны ли и могут ли предприятия брать на себя эту роль в жизни служащего» («*ob Unternehmen diese Rolle im Leben eines Angestellten übernehmen sollen und können*»), приводя свое мнение, что маркируется «*Ich bin skeptisch*», «*Ich glaube eher*»: «*Ich glaube eher, dass jeder Einzelne seine Werte und Ziele selbst formulieren und in alle Bereiche seines Lebens hineintragen muss*» («Я скорее думаю, что каждый в отдельности должен сам сформулировать свои ценности и цели и привнести их во все сферы своей жизни»).

В качестве существительных, выступающих лексическими маркерами пропозиции знания/ мнения, в примерах появляются такие существительные, как «*Sicht*» («*aus meiner Sicht*»), «*Meinung*» («*der Meinung nach*») и другие существительные со схожим значением. Например:

(90) *Ekard: ... Entscheidend ist, sich einzelne Technologien genauer anzusehen.*

Spiegel: Was sollte aus Ihrer Sicht denn jetzt konkret passieren?

Ekard: Die zentrale politische Maßnahme muss sein, die fossilen Brennstoffe in allen Bereichen aus dem Markt zu nehmen. (SpiegelWissen 2/2017, S. 63)

Рассуждая о проблеме ископаемых источников энергии, один из собеседников приводит мнение: «*Entscheidend ist, sich einzelne Technologien*

genauer anzusehen» («решающим является точнее присмотреться к отдельным технологиям»). Второй собеседник сразу запрашивает мнение о том, «что конкретно с его точки зрения сейчас должно произойти» («*Was sollte aus Ihrer Sicht denn jetzt konkret passieren?*»), что маркируется «*aus Ihrer Sicht*». В последующей реплике приводится запрашиваемое мнение: «*Die zentrale politische Maßnahme muss sein, die fossilen Brennstoffe in allen Bereichen aus dem Markt zu nehmen*» («центральной политической мерой должно стать исключением ископаемых источников энергии из всех отраслей»). Оно не содержит маркеров пропозиции мнения, но в опоре на предшествующую реплику собеседника однозначно декодируется как личная позиция по обсуждаемой проблеме, т.е. мнение.

Таким образом, с целью убеждения адресата в мнении или знании говорящий приводит те или иные факты, ссылается на источник информации. Интенцией говорящего является достижение понимания и принятия сообщаемой информации.

3.3.4. Лексические маркеры оценки

Убеждение происходит, как правило, одновременно с передачей мнения, через информирование адресата. Адресант приводит не только своё мнение, он излагает различные точки зрения, сталкивает различные мнения с целью доказать или опровергнуть то или иное утверждение, сформировать у адресата то или иное мнение. Поэтому здесь довольно высок процент существительных, маркирующих оценочное отношение говорящего к тому или иному утверждению. Например:

(91) *Spiegel: In Ihrem neuen Buch befassen Sie sich mit der Angewohnheit moderner Frauen, sich für andere zu optimieren, einem Perfektionsideal hinterherzujagen. Wo sehen Sie die Ursachen für diesen Wahn?*

Reinhard: Die Geschlechtsrollen haben sich seit der 68er Zeit sehr verändert. Doch die Rolle der Frau ist immer noch von Selbstaussbeutung geprägt. Das hängt damit zusammen, dass wir Frauen heute einerseits im Beruf erfolgreich sein

wollen, andererseits immer noch geschlechtsspezifischen Stereotypen verhaftet sind, die auf die Fünfzigerjahre, teilweise sogar auf das 19. Jahrhundert zurückgehen. (...) (Spiegel Wissen 1/2016, S.31)

В приведенном примере один из собеседников со ссылкой на высказывание второго собеседника запрашивает объяснение. Запрос объяснения маркируется, во-первых, существительным «*die Ursachen*» («причины»), во-вторых, говорящий использует для содержащейся в высказывании собеседника пропозиции оценочное существительное «*Wahn*» («бред»/«самообман»). В ответной реплике второй говорящий приводит запрашиваемое объяснение, в котором также использует оценочное существительное «*Selbstaussaugung*» («самоэксплуатация»), перекликающееся с оценочным существительным в иницирующей реплике, а также эмоционально-оценочное словосочетание «*geschlechtsspezifischen Stereotypen*» («гендерно-специфические стереотипы»), выступающее объяснением того, почему «роль женщины по-прежнему несет отпечаток самоэксплуатации».

В следующем примере оценочность также реализуется с помощью сложного существительного с компонентом *selbst* («*Selbstvorwürfe*»):

(92) Spiegel: Herr Paters, Ihr Credo lautet: Mach Schluss mit allen Diäten und Selbstvorwürfen! Was ist verkehrt daran, sein Gewicht zu vermindern

Peters: Übergewichtige mit Vorwürfen und Diäten zu traktieren ist grundfalsch. Die haben eh schon genug Druck, deshalb sind sie ja dick geworden. Denn Stress ist die Hauptsache Übergewichtige, wie unsere Forschungen zeigen. (Spiegel Wissen 1/2016, S.10)

В следующем примере маркерами оценки становятся существительные с ярко выраженным оценочным значением «*Hass*» и «*Rassismus*»:

(93) Spiegel: Mit welchen Mitteln wollen Sie dieses Brauchtum fördern?

Gehlen: Man könnte einen Preis ausloben, für besonders gelungene Brauchtumpflege oder tolle künstlerische Projekte im Netz. Und natürlich wollen wir uns als Heimatverein mit bestimmten Werten auch gegen andere abgrenzen –

etwa gegen Menschen, die Hass und Rassismus verbreiten. (Spiegel Wissen 6/2016, S. 48)

В приведенном примере в иницирующей реплике первый говорящий запрашивает у второго информацию: «*Mit welchen Mitteln wollen Sie dieses Brauchtum fördern?*» («при помощи каких средств Вы хотите содействовать этим традициям?»). В ответной реплике второй говорящий приводит запрашиваемую информацию: «*Man könnte einen Preis ausloben, für besonders gelungene Brauchtumpflege oder tolle künstlerische Projekte im Netz*». При этом он не просто подает информацию в виде сообщения. Он аргументирует: «*als Heimatverein*» («в качестве сообщества, созданного с целью сохранения традиций») и приводит примеры для пояснения: «*Und natürlich wollen wir uns als Heimatverein mit bestimmten Werten auch gegen andere abgrenzen – etwa gegen Menschen, die Hass und Rassismus verbreiten*» («конечно мы также хотим, будучи сообществом с определенными ценностями, отгородиться от других – например, от людей, которые пропагандируют насилие и расизм»). Таким образом, существительные с ярко выраженным отрицательным значением «*Hass und Rassismus*» не просто номинируют отрицательную оценку, но и делают понятным для собеседника, «почему они хотят отгородиться от других».

Немаловажную роль в оценочных суждениях в процессе рассуждения играют имена прилагательные, поскольку именно имя прилагательное нередко определяет «вектор, по которому развернется речевое взаимодействие в целом» [Колмогорова 2009:37]. Оно может как усилить, так и ослабить аргументативный потенциал определяемого им существительного. Как показывает анализ, выступающие в рассуждении прилагательные зачастую не просто указывают на объективные свойства явлений и предметов, но часто выражают отношение к данному явлению/предмету, т.е. заключают в себе оценочный компонент, а различные оценочные суждения с использованием эмоционально окрашенных

оценочных прилагательных практически всегда преследуют цель воздействия на своего собеседника.

Рассмотрим некоторые примеры из нашего корпуса рассуждений в диалоге:

(94) *Spiegel: Herr de Swaaf, was fasziniert Sie an Walen?*

De Swaaf: Unter den Meeresbewohnern sind sie Grenzgänger. Sie werden bis zu 20 Meter lang, leben unter extremen Bedingungen in der Tiefsee, wo es kalt und dunkel ist. Gleichzeitig sind sie wie wir Säugetiere, gelten als intelligent und gesellig. Im Laufe der Recherche kam ich oft aus dem Staunen nicht mehr heraus. (Spiegel Wissen 2/2017, S.10)

В приведенном фрагменте рассуждения один из собеседников спрашивает: «*was fasziniert Sie an Walen?*» («что Вас завораживает в китах?»), побуждая второго к размышлениям. В процессе рассуждения реагирующий собеседник использует эмоционально-оценочные прилагательные «*extrem*», «*intelligent*», «*gesellig*», коррелирующие с употребленным в реплике иницирующего собеседника «*fasziniert*».

Нередко оценочные прилагательные выступают частью образного выражения, способствующего большей наглядности презентуемого утверждения и, как следствие, большему пониманию. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент рассуждения в диалоге:

(95) *Spiegel: Sie schreiben in Ihrem Buch, dass es leichter sei, glücklich zu sein, wenn man an einem Ort lebt, an dem das Licht ungefähr so ist wie an dem Ort, an dem man auf die Welt gekommen ist. (...)*

Rathgeb: Alles hängt vom Licht ab, in dem etwas steht, so ist es auch mit dem Daseingefühl, das ganz anders ist im hohen Norden, wo es länger dunkel ist, mancherorts so lange, dass Depressionen wie tote Vögel vom schwarzen Himmel fallen. (Spiegel Wissen 6/2016, S. 94)

В приведенном примере один из коммуникантов, со ссылкой на более раннее высказывание собеседника: «*Sie schreiben in Ihrem Buch*» («В своей книге Вы пишете»), приводит его же мнение о том, что «легче быть

счастливым, если живешь в месте, где воздух примерно такой же, как там, где ты появился на свет» («*dass es leichter sei, glücklich zu sein, wenn man an einem Ort lebt, an dem das Licht ungefähr so ist wie an dem Ort, an dem man auf die Welt gekommen ist*»). В ответной реплике приводится объяснение, почему собеседник так думает. В процессе объяснения говорящий сравнивает, утверждая, что «на крайнем севере, где дольше темно, свет совсем другой» («*das ganz anders ist im hohen Norden, wo es länger dunkel ist*»), подкрепляя образным оценочным сравнением: «*mancherorts so lange, dass Depressionen wie tote Vögel vom schwarzen Himmel fallen* » («в некоторых местах так долго (темно), что депрессии сваливаются как мертвые птицы с черного неба»).

Помимо прилагательных, маркирующих эмоционально-оценочную реакцию даже в положительной степени, в рассуждении нередко встречаются прилагательные в сравнительной и превосходной степени. Как показывает проанализированный нами материал, это обусловлено необходимостью сравнения различных точек зрения по обсуждаемой теме, оценки возможных вариантов решения той или иной проблемы [Фляйшер, Михель 1977:289]. Это, например, такие относительно устойчивые словосочетания, как: «*im besten Fall*», «*nichts ist subjektiver als Geschmack*», «*eine größere Bedeutung*», «*angesichts der jüngsten Kostensteigerung*», «*die allerhöchste Priorität*». Рассмотрим следующий пример:

(96) Spiegel: Anfall ist nicht gleich Anfall?

Schroer: Nein! Früher musste ich beim leisesten Anflug von Kopfschmerzen sofort Triptane nehmen, starke Medikamente also. (Spiegel Wissen 6/2018, S.31)

В иницирующей реплике один из собеседников делает из слов собеседника вывод, приводимый в форме вопроса. Тем самым он побуждает собеседника к подтверждению содержащейся в вопросе пропозиции и обоснованию её «*Anfall ist nicht gleich Anfall?*» («Приступ приступу рознь?»). В ответной реплике второй говорящий сначала подтверждает уточняемый

вывод «*Nein!*⁹», а затем объясняет, сравнивает, как было раньше, и как сейчас. При этом в процессе обоснования говорящий использует как наречия, так и прилагательные в сравнительной степени: «*beim leisesten Anflug von Kopfschmerzen*» («при малейшем намеке на головные боли»).

В роли лексических маркеров оценки в рассуждении в диалоге наряду с прилагательными выступают и наречия как одно из средств выражения субъективного отношения говорящего к обсуждаемым проблемам. Оценка обусловлена предыдущим опытом, тем социумом, в котором говорящий вырос и/или живет. Это, например, такие оценочные наречия, как «*wünschenswert*», «*leider*», «*umweltschädlich*». Нередко наречия появляются в связке с теми или иными усилителями/ уточнителями, выраженными также в форме наречий: «*extrem selten*», «*relativ leicht*». Рассмотрим некоторые примеры.

(97) *Spiegel: Sollten wir, statt Container zu füllen, lieber weniger Kleidung kaufen?*

Ahlmann: Statistiken belegen, dass in Deutschland immer mehr Textilien gekauft und bald wieder entsorgt werden. Stichwort „Fast Fashion“. Es wäre wünschenswert, wenn Konsumenten weniger und dafür qualitativ hochwertige Kleidung kaufen würden. Weil alles andere ökologisch katastrophal ist. (Spiegel Wissen 2/2017, S. 52)

В иницирующей реплике один из собеседников запрашивает у второго мнение по обсуждаемой теме: «*Sollten wir, statt Container zu füllen, lieber weniger Kleidung kaufen?*» («Не лучше бы меньше покупать одежду, вместо того чтобы наполнять ею мусорные контейнеры?»). При этом связка наречий «*lieber weniger*» маркирует оценку говорящего, имплицитно «мы покупаем слишком много». В ответной реплике второй говорящий со ссылкой на статистику косвенно подтверждает оценку первого говорящего: «*in Deutschland immer mehr Textilien gekauft und bald wieder entsorgt werden*»

⁹ В немецком языке отрицание «*nein*» интерпретируется как согласие, если предшествующий вопрос также содержит отрицание.

(«всё больше покупается, вскоре снова утилизируется»), также используя для сравнения и оценки наречия. При этом он объясняет причину такого поведения: «*Stichwort „Fast Fashion“*» («ключевое слово – быстрая мода»). Далее он приводит запрашиваемое собеседником мнение, что вводится наречием «*wünschenswert*»: «*Es wäre wünschenswert, wenn Konsumenten weniger und dafür qualitativ hochwertige Kleidung kaufen würden*» («Было бы желательно, если бы потребители покупали меньше, зато высококачественную одежду»). Данное мнение также объясняется: «*Weil alles andere ökologisch katastrophal ist*» («поскольку всё другое катастрофично для экологии»). В процессе рассуждения реагирующий собеседник неоднократно использует оценочные наречия: «*weniger*», «*ökologisch katastrophal*».

Еще один пример, когда один из собеседников приводит в качестве объяснения некий факт, маркируя свое отношение к утверждаемому при помощи оценочного наречия:

(98) *Spiegel: Dass Essen billig sein muss, um glücklich zu machen, ist eine deutsche Spezialität. In Frankreich geben die Menschen mehr aus fürs Essen. Ist gute Ernährung uns nicht genug wert?*

Lemke: Nicht viel fürs Essen zu bezahlen war leider lange ein Teil der Glücksformel. Aber jetzt holen uns die ganz realen Folgen dieser irrigen Vorstellung vom guten Leben ein. Die Böden sind übersäuert, die Arten verschwinden, die Menschen werden immer fettleibiger. (Spiegel Wissen 1/2017, S. 55)

В данном фрагменте рассуждения первый говорящий приводит ряд утверждений. Он сначала приводит суждение: «*Dass Essen billig sein muss, um glücklich zu machen, ist eine deutsche Spezialität.*» («то, что еда должна быть дешевой, чтобы делать счастливым, чисто немецкая особенность»). Затем он приводит в качестве сравнения суждение, что «во Франции на еду тратится больше» («*In Frankreich geben die Menschen mehr aus fürs Essen*»). Из приведенных суждений говорящий делает вывод: «*Ist gute Ernährung uns*

nicht genug wert?» (хорошее питание недостаточно ценно для нас?), данный вывод он строит в форме вопросительного предложения, побуждая тем самым своего собеседника к оценке данного вывода с точки зрения истинности или ложности. В ответной реплике второй говорящий приводит оценочное суждение. Его отношение к содержащейся в вопросе пропозиции маркируется наречием «*leider*». Данное оценочное суждение выступает в качестве подтверждения уточняемого в предшествующей реплике вывода.

3.3.5. Лексические маркеры причины и следствия

Для рассуждения характерна причинно-следственная связь приводимых утверждений и мнений, поскольку в процессе рассуждения вскрывается именно взаимосвязь и взаимозависимость явлений, следование одного из другого. Это обуславливает использование различных лексических средств, отсылающих к причине или следствию.

В качестве универсальных маркеров причины и следствия выступают каузальные наречия. Они отсылают к причине, которая порождает определенное следствие, к цели совершения действия и его последствиям. Анализ показал, что в рассуждении причинно-следственная связь чаще всего маркируется с помощью наиболее наречий «*also*», «*nämlich*», «*demnach*». Также используются наречия, оканчивающиеся на полусуффиксы «*-halber*» («*vorsichtshalber*», «*anstandshalber*», «*spañeshalber*»), «*-wegen*» («*deinetwegen*», «*deretwegen*», «*dessentwegen*»), а также «*-weise*» в таких наречиях, как «*beispielweise*».

Рассмотрим примеры наречий, маркирующих причину или следствие того, что утверждалось в предшествующем утверждении.

(99) *Spiegel: Welche Rolle hat eigentlich der Krieg in Ihrer Familiengeschichte gespielt? Ihr Vater gehörte zu einem der sogenannten weißen Jahrgängen – wurden also nie zum Dienst eingezogen.*

Von der Leyen: Ja, das stimmt. Er hat als 15-Jähriger meinem Großvater, der Arzt war, im zerbombten Bremen als Sanitäter geholfen. Sie haben die

schwerverletzten oder sterbenden Menschen aus den Trümmern geholt. Das hat ihn unendlich geprägt. (Spiegel 3/2015, S. 48)

В иницирующей реплике первый говорящий спрашивает у собеседника о том, «какую роль сыграла война в истории его семьи?» («*Welche Rolle hat eigentlich der Krieg in Ihrer Familiengeschichte gespielt?*»). При этом он констатирует факт, что отец собеседника «относился к так называемым «белым годам» («*Ihr Vater gehörte zu einem der sogenannten weißen Jahrgängen*»), поясняя понятие: «*wurden also nie zum Dienst eingezogen*» («следовательно, не призывались на службу»). Наречие «*also*» отсылает к причине, почему отец никогда не призывался на фронт.

Одним из самых часто употребляемых в рассуждении наречий причины является союзное наречие «*deshalb*». Следует отметить, что в немецком языке существует несколько синонимичных форм союзных слов для выражения следственной связи: «*deshalb*», «*darum*», «*deswegen*». Однако, согласно национальному корпусу немецкого языка, наречие «*deshalb*» употребляется в разы чаще¹⁰.

(100) Spiegel: Nach dem Mord am Kasseler Regierungspräsidenten Walter Lübcke hat die Politik versprochen, den Hass im Internet einzudämmen. (...) Ist das Vorhaben nicht zum Scheitern verurteilt?

Münsch: Das sehe ich absolut nicht. Wir sind auf einem guten Weg und haben für uns wichtige Vorarbeiten geleistet. Wenn wir der Verbreitung von Hass und Hetze im Netzentgegenstreben wollen, müssen wir die rote Linie zwischen Meinungsfreiheit und Straftat eindeutiger ziehen als bislang. (...) Deshalb haben wir den Vorschlag einer Zentrale gemacht. (Spiegel 6/2021, S.38)

В приведенном примере один из собеседников сначала приводит некую общеизвестную информацию: «*Nach dem Mord am Kasseler Regierungspräsidenten Walter Lübcke hat die Politik versprochen, den Hass im Internet einzudämmen*» («После убийства Кассельского регирунгспрезидента

¹⁰ Так, статистические данные Мангеймского референциального корпуса показывают, что наречие «*deshalb*» встречается в 2 542 601 текстах (3 443 424 словоупотреблений), в то время как наречия «*darum*» и «*deswegen*» встречаются в 985 178 текстах (1 280 665 словоупотреблений) и в 433 514 текстах (642 300 словоупотреблений) соответственно.

Вальера Любке политическое руководство пообещало препятствовать распространению ненависти в интернете»). В качестве объяснения данного руководством обещания выступает предложно-субстантивное сочетание «*Nach dem Mord am Kasseler Regierungspräsidenten Walter Lübcke*». Затем иницирующий собеседник приводит построенное в форме вопроса оценочное суждение: «*Ist das Vorhaben nicht zum Scheitern verurteilt?*» («Не обречены эти намерения на провал?»). Суждение строится в форме вопроса, чтобы побудить собеседника к оценке данного суждения с точки зрения истинности или ложности с последующим обоснованию своей точки зрения. В ответной реплике второй говорящий выражает категорическое несогласие «*Das sehe ich absolut nicht*», объясняя, почему. В процессе рассуждения говорящий использует союзное наречие с каузальной семантикой «*deshalb*», отсылающее к следствию утверждаемого выше.

В качестве примера употребления в рассуждении каузальных наречий с полусуффиксами «-halber» и «-weise», маркирующими обоснование или пример, может служить следующий фрагмент рассуждения:

(101) *Spiegel: Sollten deutsche Flughäfen sicherheitshalber Fieberkontrollen einführen, wie an einigen asiatischen und US-Flughäfen geschehen? (Spiegel 3/2020)*

В иницирующей реплике один из собеседников задает вопрос о том, «следует ли немецким аэропортам в целях безопасности как в некоторых азиатских и американских аэропортах вводить измерение температуры?» («*Sollten deutsche Flughäfen sicherheitshalber Fieberkontrollen einführen, wie an einigen asiatischen und US-Flughäfen geschehen?*»). В структуре вопроса содержится наречие «*sicherheitshalber*», представляющее собой свернутое обоснование необходимости ввести в аэропортах медицинского скрининга. Данный вопрос представляет собой запрос мнения по обсуждаемой проблеме и подразумевает дальнейшее его объяснение.

В следующем примере каузальное наречие «*beispielsweise*» используется в качестве языкового маркера примера:

(102) Spiegel: *Und was empfiehlt die Gastronomie? Die Aufklärung der Verbraucher?*

Lemke: *Ja, klar. Wir müssen unseren Blick auf die Welt korrigieren. Wir müssen die Wirtschaftsstrukturen ändern, wir brauchen andere Rahmenbedingungen wie eine andere Subventionspolitik in der Landwirtschaft. Wir brauchen beispielsweise auch eine neue Kochausbildung. (Spiegel Wissen 1/2017, S.56)*

В иницирующей реплике идет запрос того, что «рекомендует гастрономия» («*was empfiehlt die Gastronomie?*»), иницирующий собеседник побуждает к уточнению потенциального вывода: «*Die Aufklärung der Verbraucher?*» («Просвещение потребителей?»). В реагирующей реплике этот потенциальный вывод подтверждается, что маркируется лексически «*Ja, klar*», и приводятся поясняющие суждения: «*Wir müssen unseren Blick auf die Welt korrigieren*», «*Wir müssen die Wirtschaftsstrukturen ändern, wir brauchen andere Rahmenbedingungen wie eine andere Subventionspolitik in der Landwirtschaft*», «*Wir brauchen beispielsweise auch eine neue Kochausbildung*» («нам нужно скорректировать свой взгляд на мир», «нам нужно изменить экономические структуры, нам нужны другие условия, как и другую политику субвенций в сельском хозяйстве»), в одном из которых в качестве маркера иллюстрации употребляется наречие «*beispielsweise*». Следует сказать, что наречие «*beispielsweise*» является одним из самых частотных лексических маркеров рассуждения в диалоге.

Как показывает наше исследование, одним из самых продуктивных лексических маркеров каузальности в рассуждении (рассуждения как такового) выступают причинные союзы «*weil*», «*da*» и «*denn*». Данные союзы, наряду с дополняющими и усиливающими их следственными союзными коннекторами «*darum*», «*deshalb*», «*deswegen*» выступают универсальными маркерами причинно-следственных отношений.

Выбор причинного союза «*weil*» или «*da*» нередко зависит от того, предшествует придаточное предложение главному или же следует за ним.

Придаточное предложение, вводимое союзом «*da*», являясь темой, обосновывает всегда известную причину и предшествует главному предложению, которое можно рассматривать как рему высказывания. Что касается придаточных предложений, вводимых союзом «*weil*», то они называют неизвестную причину действия, поэтому такие придаточные нередко следуют за главным предложением, содержащим тему высказывания. Однако в нашем корпусе есть немало примеров употребления в диалоге придаточного предложения причины, вводимым союзом «*weil*», с элиминированной главной частью. Как не раз отмечалось выше, это возможно в опоре на предшествующую реплику другого собеседника. Причинный союз «*denn*» также вводит объяснение высказанного ранее мнения и может строиться как самостоятельное предложение. Так, например, в следующем фрагменте беседы с бундесканцлером Шредером союз «*denn*» вводит объяснение определенного положения дел:

(103) Spiegel: War das der Grund für Ihre massive Einmischung in die österreichische Regierungsbildung?

Schröder: Es ging nicht um Einmischung. Es ging darum, deutlich zu machen, dass Europa auch eine Wertegemeinschaft ist. Die Abgrenzung von Haider war notwendig. Die Debatte in Österreich begrüße ich. Im Übrigen: Ich will nicht, dass Haider ein deutsches Problem wird. Denn diejenigen, die uns international beobachten, haben nicht so sehr Angst vor Haider in Österreich als vielmehr davor, dass sich Deutschland von einem wie ihm nicht klar abgrenzt. (Spiegel 2/2000)

Один из собеседников уточняет истинность содержащейся в вопросе пропозиции и запрашивает обоснование приведенного им же утверждения: «*War das der Grund für Ihre massive Einmischung in die österreichische Regierungsbildung?*» («Это было причиной Вашего массивного вмешательства в формирование австрийского правительства?»). В ответной реплике второй говорящий сначала опровергает факт «вмешательства», а затем обосновывает скорректированный вывод: «*Es ging nicht um*

Einmischung» («О вмешательстве речь не шла»). Одно из обосновывающих утверждений вводится союзом «*denn*».

Часто говорящий, повествуя о чем-то, сразу же приводит пояснение или объяснение перечисляемых фактов, вводя в предложение тот или иной каузальный союз:

(104) *Vogt: (...) Immer wieder erzählen mir Lehrer, dass sie sich hinlegen müssen, wenn sie nach Hause kommen, weil sie fix und fertig sind. Einige sind niedergeschlagen und weinen sich erst einmal aus. Ihre Psyche ist angegriffen. (Spiegel 22.11.2001)*

Как упоминалось выше, в диалогической речи нередко встречаются сложноподчиненные предложения с опущенной главной частью. Неполнота внешнего выражения выступает в качестве одной из характерных черт диалогической речи. Это обусловлено тенденцией языка не выражать те элементы, которые могут быть легко выведены из ситуации и контекста. Как следствие опускается главное предложение, так как оно легко может быть восстановлено из предшествующего контекста. Ответная реплика собеседника начинается в таких случаях с придаточного предложения, вводимого, например, причинным союзом:

(105) *Spiegel: Warum behandeln Politiker solche Fragen viel verschämter als Manager? Warum fordert außer Ihnen niemand solch eine einfache Regelung?*

Müller: Weil die Politiker Sorge haben, es gäbe dann einen Aufstand im Volk: Jetzt genehmigen die sich auch das noch! (Spiegel 2/2000)

В данном примере вопрос первого говорящего содержит утверждение, что «политики обсуждают такие вопросы более робко, нежели менеджеры» («*Politiker behandeln solche Fragen viel verschämter als Manager*»). Строя свое утверждение в форме вопроса, говорящий не только констатирует определенный факт, но и запрашивает объяснение существующего положения дел. Вопросительное местоимение «*Warum*» в данном случае выступает как побуждение к размышлению, как сигнал дальнейших причинно-следственных отношений. Второй говорящий в своей ответной

реплике приводит запрашиваемое объяснение, не эксплицируя уже содержащееся в вопросе утверждение, что может рассматриваться как косвенное согласи с утверждаемым, а сразу обосновывая его. Обоснование вводится подчинительным причинным союзом «*weil*».

Как уже было отмечено, наряду с причинными союзами «*denn*» и «*weil*» в качестве формального языкового показателя рассуждения в диалоге может употребляться причинный союз «*da*», например:

(106) *Spiegel: Sind das nicht nur Showeffekte?*

Vahrenholt: Keineswegs, wir haben im Konzern ein eine Milliarde Mark teures Programm für die erneuerbaren Energien aufgelegt, da wir der festen Überzeugung sind, im nächsten Jahrtausend auf diesem Gebiet konkurrenzfähig sein zu müssen. (Spiegel 48/1999, S. 57)

В данном примере инициирующая реплика представляет собой не столько уточняющий вопрос, сколько некое утверждение, выражающее сомнение. Реагирующий собеседник может воспринимать её как косвенное утверждение: «*Das sind nur Showeffekte*» («это лишь шоу-эффекты»). В любом случае – и в случае сомнения со стороны собеседника, и в случае противоположной точки зрения – второй коммуникант будет вынужден привести аргументы в поддержку своей точки зрения. Поэтому в реагирующей реплике он сначала отрицает выдвинутое в инициирующей реплике утверждение, а затем приводит в качестве аргумента утверждение: «*wir haben im Konzern ein eine Milliarde Mark teures Programm für die erneuerbaren Energien aufgelegt*» («мы в концерне заложили на программу по возобновляемым источникам энергии миллиард марок»). В качестве субаргумента далее приводится еще одно суждение, выраженное синтаксически придаточным причины: «*...da wir der festen Überzeugung sind, im nächsten Jahrtausend auf diesem Gebiet konkurrenzfähig sein zu müssen*» («так как мы твердо убеждены, что должны быть в следующем тысячелетии конкурентоспособными в этой области»). Субаргумент маркируется причинным союзом «*da*».

Таким образом, достаточно распространенным формальным показателем рассуждения в диалогической речи выступают причинные союзы «*weil*», «*denn*», «*da*», объясняющие причину того или иного события.

Следует сказать, что помимо причинных союзов для рассуждения характерны также следственные союзы: *dass*, *so dass*, *(zu) als dass*.

Если причинные союзы вводят причину действия, приводимого в предшествующем или последующем утверждении, то следственные союзы выражают следствие, проистекающее из предшествующего действия. Как показывают наши примеры, рассуждения, маркируемые союзами следствия «*so...*, *dass...*», встречаются в диалогической речи относительно редко и располагаются, как правило, в высказывании одного речевого субъекта. Например:

(107) *Schröder: Es besteht die Gefahr, dass die Union über die inneren Schwierigkeiten so arg gerupft wird, dass sie auf der Seite der demokratischen Rechten ein Vakuum hinterlässt. (Spiegel 7/2000)*

В данном рассуждении «*so*» в главном предложении отсылает к определенной причине, следствие которой наступает в придаточном. Рассуждение идет, таким образом, по схеме «причина – следствие»: «*Die Union wird über die inneren Schwierigkeiten arg gerupft. Sie wird auf der Seite der demokratischen Rechten ein Vakuum hinterlassen*» («Союз раздираем внутренними сложностями. Он оставит после себя на стороне демократических прав вакуум»).

Следующий пример употребления союза следствия «*so...*, *dass...*» в диалоге, расположенного в реплике одного из рассуждающих собеседников:

(108) *Schröder: Der entscheidende Punkt ist das Maß an Einigkeit und Geschlossenheit in einer Partei. Das muss in einer Koalition so groß sein, dass die Menschen sagen: Jawohl, die sind geeignet, das Land zu führen unter schwieriger gewordenen Bedingungen. Das ist heute Gott sei Dank der Fall (Spiegel 7/2000).*

Данный пример представляет собой некоторое мнение. Говорящий не только высказывает свою точку зрения, что «степень сплоченности и

согласия в коалиции должна быть высока» («*das Maß an Einigkeit und Geschlossenheit muss in einer Koalition groß sein*»), но и приводит следом суждение о том, «насколько высока должна быть степень сплоченности и согласия в коалиции» («*Das muss in einer Koalition so groß sein, dass die Menschen sagen*»), чтобы люди сказали: «*Jawohl, die sind geeignet, das Land zu führen unter schwieriger gewordenen Bedingungen*» («Да, они способны руководить страной в ставших более сложными условиях»).

Еще одну группу маркеров причинно-следственной связи в рассуждении образуют предлоги. При этом можно выделить такие две группы предлогов:

а) предлоги, для которых каузальность выступает основным референциальным значением (эти предлоги управляются родительным падежом): «*angesichts*», «*wegen*», «*aufgrund*», «*infolge*»;

б) предлоги, маркирующие причину только в контексте, т.е. в составе предложно-субстантивного сочетания: «*vor*», «*durch*», «*aus*» и другие.

Рассмотрим некоторые из них:

(109) *Ekardt: ...Schritt für Schritt müssen die gesamte Menge an fossilen Brennstoffen verknapppt werden.*

Spiegel: Dadurch würde nicht nur Benzin teurer, auch das Heizen, alle Arten von Kunststoffen, genauso wie landwirtschaftliche Produkte wegen der Düngemittel... (Spiegel Wissen 2/2017, S.63)

Один из собеседников, рассуждая на тему ископаемых видов топлива, приводит некое утверждение: «*Schritt für Schritt müssen die gesamte Menge an fossilen Brennstoffen verknapppt werden*» («шаг за шагом все ископаемые виды топлива должны быть сокращены»). В качестве реакции второй собеседник приводит ряд суждений, выступающих как возможное негативное следствие утверждаемого выше: «*Dadurch würde nicht nur Benzin teurer, auch das Heizen, alle Arten von Kunststoffen, genauso wie landwirtschaftliche Produkte...*» («*Вследствие* этого подорожал бы не только бензин, а также отопление, все виды пластика, как и сельскохозяйственные продукты»). Рассуждая о последствиях сокращения ископаемых видов топлива, он перечисляет всё,

что, как следствие, подорожает, в том числе: «*landwirtschaftliche Produkte wegen der Düngemittel*» («сельскохозяйственная продукция из-за минеральных удобрений»). Предлог «wegen» вводит причину, объяснение.

Еще одним примером употребления предлога «wegen» с целью объяснения предшествующего утверждения служит следующий фрагмент рассуждения:

(110) Schroer: Meine Piercings sind jedoch in gewisser Weise meine Medizin.

Spiegel: Wie das?

Schroer: Ich habe starke Migräne und mir die Piercings wegen der Kopfschmerzen stechen lassen. (Spiegel Wissen 6/2018, S. 31)

Один из собеседников приводит некое суждение: «*Meine Piercings sind jedoch in gewisser Weise meine Medizin*» («мои пирсинги всё же в некотором роде лекарство»). Второй собеседник сразу реагирует запросом пояснения, побуждает своего собеседника к объяснению: «*Wie das?*» («Как это?»), и тот приводит запрашиваемое объяснение, что маркируется предлогом «wegen»: «*Ich habe starke Migräne und mir die Piercings wegen der Kopfschmerzen stechen lassen*» («У меня сильные мигрени, и я сделала себе пирсинг из-за головных болей»).

Рассмотрим пример с предлогом «aufgrund», образованным за счет слияния компонентов предложно-субстантивного словосочетания «auf Grund» (по причине). Данный предлог также можно рассматривать как свернутый до предложного словосочетания аргумент, как сжатое обоснование, которое без труда интерпретируется собеседником:

(111) Spiegel: Herr Bauer, Sie sagen, viele Menschen erreichen aufgrund einer inneren Blockade ihr Ziel nicht. Wie erkennt man Blockade?

Bauer: Ein Beispiel: Obwohl das Tor leer ist, schießt ein Fußballspieler daneben. Der Grund ist nicht selten eine geheime innere Bremse. Das erklärt auch, warum es Kinder aus bildungsfernen Familien schwerer haben, akademisch erfolgreich zu sein.

Spiegel: Wie das? Woher kommt diese Hemmung? (Spiegel Wissen 4/2019, S.15)

В приведенном фрагменте диалога предложно-субстантивное словосочетание «*aufgrund einer inneren Blockade*» («по причине внутренней блокады») выступает объяснением, почему «многие люди не достигают своей цели» («*viele Menschen erreichen ihr Ziel nicht*»). Далее говорящий запрашивает у собеседника пояснение: «*Wie erkennt man Blockade?*» («Как распознать блокаду?»), что является отправной точкой дальнейших рассуждений по теме.

Рассмотрим пример с использованием в рассуждении в качестве маркера каузальности предлога «*angesichts*»:

(112) Spiegel: In Deutschland herrscht bei den Verbrauchern eher Verwirrung angesichts der neuen Farbenlehre für den Stromeinkauf.

Vahrenholt: Genau deshalb brauchen wir ein verlässliches Qualitätssiegel für Ökostrom. (Spiegel 48/1999)

Реплика одного из собеседников содержит некое утверждение, констатацию определенного положения дел: «*In Deutschland herrscht bei den Verbrauchern eher Verwirrung...*» («В Германии среди потребителей царит скорее путаница»). Это утверждение можно рассматривать также не только как иницирующую реплику для дальнейших рассуждений, но и как самостоятельное умозаключение. В качестве обоснования высказанного суждения выступает предложная конструкция, входящая в состав самого утверждения «*angesichts der neuen Farbenlehre*». Говорящий, таким образом, не только утверждает нечто, но и параллельно объясняет причину, в результате которой наступило следствие, констатируемое им, что маркируется предложно-субстантивным сочетанием «*angesichts...*».

Ответная реплика второго собеседника также является простым суждением, выраженным простым предложением с маркером следствия «*deshalb*» и интенсификатором «*genau*». Данное суждение содержит косвенное согласие с высказыванием интервьюера, поскольку является

выводом из него: «*Genau deshalb brauchen wir ein verlässliches Qualitätssiegel für Ökostrom*» («Именно поэтому нам нужен надежный знак качества для экологически чистой электроэнергии»). Собеседник не повторяет сказанное в предшествующей реплике, а сразу подхватывает его как основу для своего вывода.

Ко второй группе характерных для рассуждения в диалоге предлогов отнесены предлоги, проявляющих каузальное значение только в предложно-субстантивных сочетаниях, т.е. только в контексте. Таким образом, их каузальность контекстуально обусловлена. В результате проведенного исследования мы выделили наиболее частотные предлоги этой группы, используемые в рассуждении в диалоге: «*durch*», «*aus*», «*vor*», «*dank*», «*zufolge*». Рассмотрим примеры употребления некоторых из них.

(113) *Spiegel: Das ist für viele Menschen eine Herausforderung, weil sie gar keine Zeit mehr zum Kochen haben.*

Lemke: Das ist gestrig! Wir werden durch das digitale Zeitalter, durch Computerisierung und Automatisierung mehr Zeit haben denn je. (Spiegel Wissen 1/2017, S.56)

В приведенном фрагменте рассуждения собеседники рассуждают о том, готовит ли современный человек дома. Один из рассуждающих собеседников приводит мнение, что «для многих людей это проблема» («*Das ist für viele Menschen eine Herausforderung*»), объясняя это в придаточном предложении причины: «*weil sie gar keine Zeit mehr zum Kochen haben*» («поскольку у них больше совсем нет времени для готовки»). Второй собеседник не соглашается с тем, что у современного человека нет времени. В языковом плане его несогласие с мнением собеседника выражено эмоционально-оценочным суждением: «*Das ist gestrig!*» («это вчерашний день!»). В качестве обоснования второй говорящий приводит далее утверждение: «*Wir werden durch das digitale Zeitalter, durch Computerisierung und Automatisierung mehr Zeit haben denn je.*» («Благодаря цифровому веку, благодаря компьютеризации и автоматизации у нас будет больше времени, чем когда

бы то ни было»). Именно в контексте предлог «durch» и всё предложно-субстантивное сочетание приобретает каузальное значение.

Следующим предлогом, который вводит свернутое объяснение приводимого утверждения, является предлог «dank»:

(114) *Spiegel online: Wann verdienen Sie Geld?*

Riecke: Im Kerngeschäft StudiVZ sind wir heute schon profitabel. Für das gesamte Unternehmen werden wir das trotz der Investitionen 2008 schaffen. Richtig los geht's mit dem Verdienen 2009.

Spiegel online: Dank der personalisierten Werbung, die StudiVZ sich von seinen Nutzern erlauben ließ? (Spiegel 8/2008)

Предложно-субстантивное сочетание «dank der personalisierten Werbung» («благодаря персонализированной рекламе») выступает в качестве объяснения, утверждаемого в предшествующей реплике: «Richtig los geht's mit dem Verdienen 2009» («По-настоящему мы заработаем в 2009»). Следует отметить, что выступающее в качестве объяснения предложно-субстантивное сочетание «dank der personalisierten Werbung» выступает запросом у собеседника оценки содержащейся в вопросе пропозиции с точки зрения истинности или ложности. Это, в свою очередь, побуждает к новому витку рассуждения в диалоге.

Примером использования в рассуждении предлога/ постлога «zufolge», отсылающего к причине, может служить следующий фрагмент рассуждения в журнальном интервью:

(115) *Spiegel: Was bewirkt es in der Gesellschaft, wenn an ihrer sichtbaren Oberfläche mehr Männer als Frauen das Sagen haben?*

Prommer: Wir kultivieren das Bild eines Experten, der männlich zu sein hat. Das ist dann der Mann, der erzählt, was er denkt, der weise ist. Die Abwesenheit der Frauen wird ebenso kultiviert, sie unterstellt, dass wir den Frauen weniger zutrauen können. Frauen können diesen Bildern zufolge also keine ernst zu nehmenden Expertinnen sein. Wenn sie da als Expertinnen auftauchen, dann als

die Ausnahme, der Sonderfall. Und dieser vermittelte Eindruck zieht sich dann durch weitere Lebens- und Berufsschichten. (Spiegel 19/2020)

В иницирующей реплике первый говорящий запрашивает у второго объяснение существующего положения дел: «*Was bewirkt es in der Gesellschaft, wenn an ihrer sichtbaren Oberfläche mehr Männer als Frauen das Sagen haben?*» («Какое влияние оказывается в обществе, если на его видимой поверхности больше главенствуют мужчины, чем женщины?»). В ответной реплике второй говорящий приводит запрашиваемое объяснение. Он рассуждает, приводит мнение: «*Wir kultivieren das Bild eines Experten, der männlich zu sein hat. Das ist dann der Mann, der erzählt, was er denkt, der weise ist. Die Abwesenheit der Frauen wird ebenso kultiviert, sie unterstellt, dass wir den Frauen weniger zutrauen können*» («Мы культивирует образ эксперта, который должен быть мужского пола. Это мужчина, кто рассказывает, что он думает, кто мудр. Отсутствие женщин также культивируется, оно допускает, что мы меньше доверяем женинам»). Из этих утверждений говорящий делает вывод: «*Frauen können diesen Bildern zufolge also keine ernst zu nehmenden Expertinnen sein*» («следовательно, согласно этим образам женщины не могут быть всерьез принимаемыми экспертами»). Таким образом, предложно-субстантивное сочетание с предлогом «*zufolge*» связывает части рассуждения и позволяет соотнести эти части как причина и следствие.

В анализируемом нами материале были выявлены единичные примеры двухкомпонентного каузального предлога «*um...willen*» («ради»):

(116) Spiegel: *Was reizt Sie an dessen Ideen?*

Lemke: (...) *Schon zuvor hatte Pythagoras Essen und Moral zusammengebracht und den Verzicht auf Fleisch propagiert. Nutztiere waren zu seiner Zeit bereits Teil des alltäglichen Umgangs, und da kann man das Unbehagen verstehen, solche friedlichen Wesen zu töten, nur um des eigenen Genusses willen. (Spiegel Wissen 1/2017, S.55)*

В приведенном фрагменте рассуждения на тему взглядов известных философов на еду первый говорящий запрашивает у второго говорящего

информацию: «*Was reizt Sie an dessen Ideen?*» («Что Вас привлекает в его¹¹ идеях»). В ответной реплике второй говорящий рассуждает, что «уже задолго до этого Пифагор свел воедино еду и мораль и пропагандировал отказ от мяса» («*Schon zuvor hatte Pythagoras Essen und Moral zusammengebracht und den Verzicht auf Fleisch propagiert*»). Второй говорящий рассуждает, приводя оценочные суждения, одним из которых выступает утверждение: «*da kann man das Unbehagen verstehen, solche friedlichen Wesen zu töten, nur um des eigenen Genusses willen*» («Можно понять неприятное ощущение от убийства таких мирных существ только ради собственного удовольствия»). Предлог «*um... willen*» маркирует причину, объяснение, по которой осуществляется некое действие: «*friedliche Wesen töten*», осуждаемое рассуждающим собеседником.

3.3.6. Лексические маркеры уступки

В качестве характерных для рассуждения лексических средств выступают слова, маркирующие уступительные отношения. В нашем корпусе журнальных интервью и бесед мы выделили такие лексические маркеры уступки, как:

- а) предлоги: «*ungeachtet*», «*trotz*»;
- б) союзы: «*obwohl*», «*trotzdem*», «*zwar ...aber*».

Отличительной особенностью маркирующих уступительность «*ungeachtet*» и «*trotz*» предлогов является то, что они, с одной стороны, маркируют причинно-следственные отношения, с другой стороны, отсылают к отношениям некоего «препятствующего, но недействительного основания и совершившегося вопреки ему следствия, противоречащего ожидаемому» [Берзина 2013:13]. Рассмотрим фрагмент рассуждения в диалоге:

(117) Bauer: ... Vor kurzem habe ich in meiner Praxis einen Studenten mit einer solchen Störung behandelt. Trotz exzellenter Noten konnte er seine

¹¹ Пифагора (примечание автора)

Abschlussarbeit nicht schreiben. Es stellte sich heraus... (Spiegel Wissen 4/2019, S.15)

В приведенном фрагменте диалога на тему «innere Blockade» один из коммуникантов рассуждает о причинах и, отвечая на вопрос собеседника «как можно снять внутреннюю блокаду?» («*Wie kann man die Blockade lösen?*»), приводит в качестве примера студента с такими нарушениями, который «вопреки отличным оценкам не мог написать свою дипломную работу» («*Trotz exzellenter Noten konnte er seine Abschlussarbeit nicht schreiben*»). Таким образом, ожидаемым следствием того факта, что у кого-то «отличные оценки», предполагается успешное «написание дипломной работы». Факт того, что некое следствие наступило «вопреки ожиданиям» («*trotz*»), говорящий размышляет далее, «почему»: «*Es stellte sich heraus...*».

В качестве примера, когда уступительный предлог тесно переплетается с каузальным значением предложения, в котором он употребляется, может служить следующий фрагмент диалога:

(118) Spiegel: Frau Kanese, ist Reichtum nur eine objektive oder ist es auch eine subjektive Größe?

Kanese: Ich kenne die Leute, die wenig verdienen und dennoch ihrem Empfinden nach genug Geld haben... Oder reiche Menschen, die trotz des hohen Kontostandes unter Existenzängsten leiden. (Spiegel Wissen 4/2019, S. 37)

Рассуждение инициируется запросом мнения по обсуждаемой проблеме: «*ist Reichtum nur eine objektive oder ist es auch eine subjektive Größe?*» («Является ли богатство только объективной величиной или оно также субъективно?»). В ответной реплике второй говорящий рассуждает о субъективности такого понятия, как богатство, приводя в качестве иллюстрации свои наблюдения: «*Ich kenne ... reiche Menschen, die trotz des hohen Kontostandes unter Existenzängsten leiden*» («я знаю ... богатых людей, которые *вопреки* большим банковским счетам страдают от экзистенциальных страхов»). Как показал наш контекстуальный анализ, переплетение каузального и противительного значений обусловлено, во-первых,

утверждением «*leiden*» со свернутым аргументом, выраженным предложно-субстантивным сочетанием, во-вторых, отсылающим к противоречию: «...*leiden trotz des hohen Kontostandes unter Existenzängsten*».

В качестве маркера уступки также выступают союзы. Например:

(119) *Spiegel: Sollten deutsche Flughäfen sicherheitshalber Fieberkontrollen einführen, wie an einigen asiatischen und US-Flughäfen geschehen?*

Drosten: Solche Maßnahmen bringen nur bedingt etwas. Zwar kann man durch Fieberkontrollen die Menschen isolieren, die bereits Symptome zeigen. Doch viele werden vermutlich ohne Symptome ihre Reise antreten, weil sie noch in der Inkubationszeit sind. Die ersten Krankheitsanzeichen zeigen sich dann erst nach der Ankunft. (Spiegel-online 3/2020)

В данном фрагменте рассуждения в диалоге маркером уступительности выступает союз «*zwar ... aber/ doch*». В иницирующей реплике запрашивается мнение о том, «следовало ли немецким аэропортам в целях безопасности ввести медицинский скрининг, как в некоторых азиатских и американских аэропортах» («*Sollten deutsche Flughäfen sicherheitshalber Fieberkontrollen einführen, wie an einigen asiatischen und US-Flughäfen geschehen?*»). В ответной реплике второй говорящий сначала приводит свое мнение по обсуждаемой проблеме: «*Solche Maßnahmen bringen nur bedingt etwas*» («Такие меры лишь частично к чему-то приведут»), а затем объясняет свою позицию тем, что «*хотя* благодаря скринингу температуры можно изолировать людей, у которых уже есть симптомы, *но* возможно многие без симптомов совершат свою поездку» («*Zwar kann man durch Fieberkontrollen die Menschen isolieren, die bereits Symptome zeigen. Doch viele werden vermutlich ohne Symptome ihre Reise antreten*»).

Как показывают примеры, для рассуждения в диалоге характерен союз «*zwar ... aber/ doch*», поскольку он отвечает стремлению выстраивать рассуждение в более простых, обозримых структурах.

3.3.7. Лексические маркеры условия

В процессе рассуждения нередко приводятся различные гипотезы, предположения, обсуждаются условия, при которых было бы возможным некое положение вещей. Это обуславливает использование в рассуждении в диалоге определенных лексических единиц, отсылающих к некому условию, поясняющих зависимость развития определенных условий от некоторых обстоятельств, отсылают к альтернативному развитию событий.

В качестве лексических маркеров условия в рассуждения в диалоге выступают, прежде всего, союзы, вводящие условное придаточное предложения. Например:

(120) Kollek: ... Wenn man davon ausgeht, dass Embryonen nicht einfach nur irgendein Zellhäufchen sind, dann verändert sich durch diesen Zugriff auf die Keimzelle auch etwas an unserem Menschenbild.

Spiegel: Was zum Beispiel?

Kollek: Es sieht so aus, als sei die Menschenwürde auf einmal teilbar in dem Sinne, dass wir sie in bestimmten Stadien des Menschseins zuerkennen und in anderen nicht. Wenn man das Menschsein von der Anwesenheit bestimmter Fähigkeiten ableitet, öffnet man die Tür für Zugriffe auf andere Gruppen. (Spiegel 1/2001)

В процессе рассуждения на тему клонирования один из собеседников приводит оценочное суждение: «*Embryonen sind nicht einfach nur irgendein Zellhäufchen*» («эмбрионы – это не просто только кучка клеток»). Данное оценочное суждение вводится условным придаточным предложением: «*Wenn man davon ausgeht, dass...*» («если исходить из того, что...»). Главное предложение отсылает к возможному следствию: «*dann verändert sich durch diesen Zugriff auf die Keimzelle auch etwas an unserem Menschenbild*» («тогда из-за этого доступа к эмбриональной клетке что-то поменяется в нашем представлении о человеке»). Второй собеседник сразу запрашивает пример, побуждая первого к иллюстрации приведенного суждения, к дальнейшим рассуждениям. Первый собеседник продолжает рассуждать о том, что

«создается впечатление, словно достоинство личности вдруг стало делимым, в том смысле, что на определенных стадиях человеческого бытия оно признается нами, а на других нет» («*Es sieht so aus, als sei die Menschenwürde auf einmal teilbar in dem Sinne, dass wir sie in bestimmten Stadien des Menschseins zuerkennen und in anderen nicht*»). В процессе рассуждения он снова приводит условное суждение, вводимого союзом «wenn»: «*Wenn man das Menschsein von der Anwesenheit bestimmter Fähigkeiten ableitet, öffnet man die Tür für Zugriffe auf andere Gruppen*» («Если человеческое бытие выводить из наличия определенных способностей, открывают дверь для доступа к другим группам»).

Выводы по Главе 3

1. Рассуждение в диалоге имеет свое особое оформление, обусловленное спецификой диалогической речи как ситуативно- и контекстуально-обусловленной, спонтанной формы речепостроения. Если рассуждение как тип речи в целом характеризуется усложненным синтаксисом, необходимым для выстраивания причинно-следственных связей, то диалогическая речь, напротив, характеризуется простым синтаксисом, склонным к редукции тех или иных элементов структуры. Это обуславливает чередование простых и сложных (прежде всего сложноподчиненных) предложений, широко представленных в корпусе примеров. Если иницирующие реплики, как правило, имеющие характер запроса, чаще представлены простыми предложениями, то в реагирующих репликах, содержащих обоснование, шире представлены сложноподчиненные предложения.

2. Поскольку рассуждение в диалогической речи разворачивается в единстве иницирующих и реагирующих реплик всех участников диалогического общения, при этом предшествующая реплика создает своеобразный фон для функционирования последующей реплики, «разгружает» ее, это приводит к опущению некоторых частей предложения. Прежде всего, для рассуждения в диалоге характерны сложные предложения с опущенной главной частью, поскольку логико-семантической опорой реагирующей реплики служит предшествующая (иницирующая), как правило, вопросительная реплика собеседника. Данная вопросительная реплика создает предпосылку для последующей реакции в форме придаточного предложения.

3. Рассуждение может инициироваться утвердительным или вопросительным предложением, имеющим в своем составе вопросительное слово (специальный вопрос, намечающий рему) или не имеющим его (общий вопрос, подразумевающий согласие или не согласие с содержащейся в вопросе пропозицией). Вопросительные конструкции более продуктивны в

сравнении с утвердительными. Это отражает коммуникативную специфику рассуждения в диалоге, поскольку коммуникативные модели с запросом пояснения/ вывода/ примера более частотны в сравнении с коммуникативными моделями, в которых иницирующая реплика ограничивается мнением/ утверждением по теме.

4. В качестве наиболее характерных морфологических форм реализации рассуждения в диалоге выступают презентные формы конъюнктива (Konjunktiv I) и степени сравнения прилагательных и наречий (Komparativ, Superlativ). Конъюнктив имплицитно косвенную речь (ссылку на источник информации, цитирование). Степени сравнения прилагательных служат для обзора точек зрения по обсуждаемой проблеме, сопоставления тех или иных объектов рассмотрения, а также маркируют оценку.

5. Выбор тех или иных лексических средств рассуждения в диалоге во многом зависит от характера рассуждающего дискурса, в котором протекает диалог. Для эмоционального воздействия на оппонента рассуждающий собеседник активно использует эмоционально-оценочную лексику; при рациональном способе воздействия высок процент фактуальной (прецедентной) лексики, служебных слов, важных для обозначения причинно-следственных отношений.

6. В качестве лексических маркеров обоснования выступают, во-первых, имена существительные, отсылающие к источнику информации (*Untersuchungen, Studien, Statistik, Prozent, Umfragen, Daten, Forschung, Lehren*) и числительные в сочетании с отсылающими к статистике существительными, во-вторых, существительные и глаголы, отсылающие к причине или предваряющие объяснение (*Erklärung, Bedeutung, Ursache, Gründe, Wurzel; bedeuten, erklären, belegen, überzeugen*).

7. В процессе рассуждения в диалоге происходит убеждение собеседника в том или ином мнении. Выражение мнения является неотъемлемым компонентом рассуждения. В качестве лексических маркеров

пропозиции мнения или знания выступают такие глаголы, как: «halten», «finden», «glauben» («als Philosophin glaube ich», «ich halte, dass»).

8. В целях убеждения и формирования у собеседника того или иного мнения говорящий приводит различные оценочные суждения. В качестве лексических маркеров оценки выступают существительные, маркирующие оценочное отношение говорящего к тому или иному утверждению (*Wahn, Selbstaussbeutung, Selbstvorwürfe, Hass, Rassismus*), эмоционально-окрашенные имена прилагательные (*extrem, intelligent, gesellig, tot*), наречия как одно из средств выражения субъективного отношения говорящего к обсуждаемым проблемам (*wünschenswert, leider, umweltschädlich, extrem selten, relativ leicht*).

9. Присущая для рассуждения причинно-следственная связь приводимых утверждений и мнений обуславливает использование лексических маркеров причины и следствия. В качестве универсальных маркеров причины и следствия выступают каузальные наречия (*also, nämlich, demnach, beispielweise, vorsichtshalber, sicherheitshalber*), причинные союзы (*weil, da u denn*), следственные союзы и союзные наречия (*so..., dass...; darum, deshalb, deswegen*), предлоги (*angesichts, wegen, aufgrund, infolge, vor, durch, aus*).

10. В качестве языковых средств, маркирующих причинно-следственные отношения, но отсылающих в то же время к отношениям некоего препятствующего основания и совершившегося вопреки ему следствия, выступают маркеры уступки, к которым в рассуждении в диалоге относятся противительные предлоги (*ungeachtet, trotz*) и союзы (*obwohl, trotzdem, zwar ... aber*).

11. В рассуждении в диалоге достаточно высок процент лексических маркеров условия, поскольку здесь приводятся различные гипотезы и предположения, обсуждаются условия, при которых было бы возможным некое положение вещей. В качестве лексического маркера условия в рассуждении в диалоге выступает, как правило, союз «wenn».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование типов речи с точки зрения их коммуникативно-прагматического потенциала и структурно-семантических характеристик является перспективным направлением лингвистических исследований, изучающим способы использования языка в процессе межличностного взаимодействия и взаимного воздействия коммуникантов друг на друга.

В типах речи как единицах членения текста, с одной стороны, фиксируются и передаются знания, с другой стороны, их применение всегда обусловлено определенной целью: описать, сообщить или раскрыть взаимообусловленность и взаимосвязь неких событий или явлений объективной действительности, рассуждая об их причинно-следственных отношениях. Как следствие, принято выделять три основных типа речи: описание, сообщение, рассуждение.

Являющийся предметом рассмотрения данного исследования тип речи рассуждение представляет особый интерес для исследований, поскольку, во-первых, рассуждение является поликомпозиционным типом речи, включающим в себя на определенных этапах элементы двух других типов речи: описания и сообщения. Во-вторых, оно представляет собой информационно-убеждающую структуру, целью которой является воздействие на собеседника: убеждение его в истинности или ложности, приемлемости или неприемлемости развиваемой мысли.

Суть рассуждения состоит не столько в том, чтобы проинформировать собеседника о готовом решении проблемы, сколько в том, чтобы донести до него определенное решение и добиться полного его понимания и, как следствие, принятия выражаемой точки зрения или оценки. Это требует четкого, обозримого и логически продуманного членения текста, что обуславливает определенные закономерности языкового оформления рассуждения.

Диалог, являющийся взаимонаправленной формой речи, оказывает на оформление рассуждения самое непосредственное влияние. Содержательная сторона реплик диалога распределяется между обоими коммуникантами, каждый из которых выполняет как роль говорящего, так и слушающего.

Структура рассуждения в диалоге зависит от многих факторов и в первую очередь от коммуникативной ситуации, от участников общения и характера отношения между ними. Оба коммуниканта в процессе общения активны. Рассуждение строится с учетом апперцептивного фона восприятия каждого коммуниканта: учитываются взгляды, убеждения и предубеждения, интересы, знания, опыт. На основе реакции собеседника каждый участник коммуникации корректирует свои способы и тактики убеждения, чуть иначе оформляет рассуждение с языковой точки зрения. Так, например, на структуру рассуждения в диалоге влияет симметричность или асимметричность знаний собеседников по обсуждаемой проблеме. При симметричности знаний рассуждение строится в равной степени обоими коммуникантами с относительно равнозначными по объему репликами; асимметричность знаний обуславливает, во-первых, больший удельный вес простых предложений, сравнений и примеров, способствующих наглядности, во-вторых, здесь преобладают неравнозначные по объему реплики.

В зависимости от коммуникативных намерений участников диалога на основе анализа корпуса диалогических текстов современного немецкоязычного медиадискурса нами были выделены три группы коммуникативных моделей развертывания рассуждения в диалоге, определяющих коммуникативный характер иницирующих и реагирующих реплик в диалогическом единстве. К первой группе были отнесены модели, в которых рассуждение иницируется утверждением первого коммуниканта, обосновываемым далее в реагирующей реплике вторым коммуникантом. Вторую группу образовали модели, в которых рассуждение иницируется суждением по обсуждаемой проблеме и запросом у второго коммуниканта мнения или пояснения приведенного суждения. В реагирующей реплике, как

правило, приводится подтверждение или опровержение содержащейся в иницирующей реплике пропозиции с последующим объяснением выраженной точки зрения. К третьей группе моделей были отнесены модели, в которых рассуждение иницируется запросом информации: мнения, объяснения или примера, а в реагирующей реплике приводится запрашиваемое объяснение или пояснение.

Статистический анализ коммуникативных моделей развертывания рассуждения в диалоге выявил, что рассуждение чаще иницируется непосредственным запросом мнения или вывода, чуть реже запрос предваряется утверждением по обсуждаемой проблеме или приведением некоего мнения, что свидетельствует о существенном влиянии вопросно-ответного характера диалога на структуру рассуждения.

В ходе исследования было выявлено, что коммуникативный характер иницирующих и реагирующих реплик оказывает непосредственное влияние на языковое оформление рассуждения в диалоге, обуславливая выбор определенных синтаксических структур и лексических средств рационального и эмоционального воздействия.

Синтаксис рассуждения в диалоге, с одной стороны, характеризуется частотностью сложноподчиненных предложений, что обусловлено спецификой рассуждения как типа речи, вскрывающего причинно-следственные связи между предметами и явлениями. С другой стороны, диалог как форма коммуникации обуславливает лаконичность синтаксиса, проявляющуюся в обилии придаточных предложений с элиминированной главной частью, когда иницирующая реплика в форме вопроса выступает логико-семантической опорой для реагирующей реплики и становится предпосылкой для опускания главной части сложноподчиненного предложения. Другой особенностью реализации рассуждения в диалогической речи является продуктивность вопросительных конструкций.

В качестве наиболее характерных морфологических форм реализации рассуждения в диалоге выступают презентные формы конъюнктива,

имплицитные ссылки на цитату как источник информации, а также степени сравнения прилагательных и наречий, используемые в качестве маркеров оценки, сопоставления существующих точек зрения по обсуждаемой проблеме.

Характер рассуждающего дискурса обуславливает выбор определенных лексических средств. Согласно результатам проведенного анализа в качестве продуктивных лексических маркеров рассуждения в диалоге выступают лексические маркеры ссылки на источник информации, обоснования, пропозиции мнения или знания, оценки, причины и следствия, условия, уступки. Ссылки на источник информации и обоснование чаще маркируются посредством существительных, пропозиция мнения/ знания – посредством глаголов, для выражения оценки чаще используются прилагательные и наречия, маркерами причины и следствия, а также условия и уступки, как правило, выступают служебные части речи (союзы, союзные наречия и предлоги).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания/ В.Г. Адмони; Рос. АН, Ин-т лингвистических исследований – СПб.: Наука: Санкт-Петербург, 1994. – 152 с.
2. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / И.С. Алексеева. – М.: Academia, 2004. – 346 с.
3. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ/ И.В. Анненкова. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Издательский Дом (типография), 2011. – 391 с.
4. Аргументация в публицистическом тексте. – Свердловск, 1992. – С. 6-84.
5. Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – 349 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис/ Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1992. – 280 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – 281 с.
8. Багдасарян, Э.Ю. Интервью как разновидность диалогического общения / Э.Ю. Багдасарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 3. – С. 15-21.
9. Баранов, А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога/ А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – С. 84-99
10. Бахтин, М.М. Проблемы речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250-296.
11. Белоглазова, Е.В. Полидискурсность как адресато-обусловленная характеристика текста / Е.В. Белоглазова // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 187-194.
12. Берзина, Г.П. Кластер концептуальных признаков уступительности понятийной / Г.П. Берзина // Язык и культура. – 2013. – № 2(22). – С. 13-22.
13. Бессмертная, Н.В. Речевая форма «динамическое описание» и её лингвистическая характеристика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1972. – 24 с.

14. Блох, М.Я. Строй диалогической речи /М.Я. Блох, С.М. Поляков. – М.: Прометей, 1992. – 153 с.
15. Блох, М.Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи/ М.Я. Блох // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2008. – № 4. – С. 3-7.
16. Боева-Омелечко, Н.Б. Трилог как форма коммуникации / Н.Б. Боева-Омелечко, М.Г. Науменко. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – 170 с.
17. Брандес, М.П. Стилистический анализ / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1971. – 189 с.
18. Брандес, М.П., Пиронкова, М.П. Практикум по функциональной стилистике немецкого языка /М.П. Брандес, М.П. Пиронкова. – М. «Высш.шк.», 1975. – 195 с.
19. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
20. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: (на материале немецкого языка): учебник для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям направления "Лингвистика и межкультурная коммуникация" / М.П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Прогресс-Традиция: Инфра-М, 2004. – 413 с.
21. Бурлакова, В.В. Влияние контекста на нерелевантные высказывания / В.В. Бурлакова //Вопросы английской контекстологии: межвузовский сборник. Вып. 4/ Отв.ред. М.А. Кощеева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 23-26.
22. Брутян, Г.А. Аргументация/ Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. – С. 7-10.
23. Быкова, О.А. Монолог, диалог, полилог: к проблеме разграничения форм организации речевого взаимодействия/ О.А. Быкова// Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 12(723). – С. 36-43.
24. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник для студентов вузов / Н.С. Валгина. – 4. изд., испр. – М.: Высшая школа, 2003а. – 416 с.
25. Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос. 2003б. – 278 с.
26. Варгина, Е.И. Убеждение как функция пропозиций знания и мнения в англоязычной научной прозе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Санкт-Петербург. ун-т. – Санкт-Петербург, 1995а. – 16 с.

27. Варгина, Е.И. Убеждение как функция пропозиций знания и мнения в англоязычной научной прозе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. – СПб., 1995б. – С. 91-106.
28. Валуева, Л.И. Коммуникативно-прагматический аспект аргументации: на материале немецких научно-технических статей по радиоэлектронике: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. – Ленинград, 1989. – С. 180-182.
29. Варенина, Л.П. Логико-семантическая и риторическая организация теста: На материале англоязычных коротких рассказов детективного жанра: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. – Москва, 1998. – 21 с.
30. Варисова, М.В. Сложноподчиненные предложения как единицы речевой деятельности: На материале английской диалогической речи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04/ Санкт-Петербург. ун-т. – Санкт-Петербург, 1992. – 212 с.
31. Вендлер, З. Причинные отношения / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. – М., 1986. – С. 264-276.
32. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
33. Виноградов, В.В. Исследования по поэтике и стилистике: Сб. статей / В.В. Виноградов. – Л., 1972. – 277 с.
34. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
35. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
36. Винокур, Т.Г. Диалог / Т.Г. Винокур // Русский язык; Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. – С. 119-120.
37. Власян, Г.Р. Прагматический подход к изучению диалогической речи / Г.Р. Власян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2(23). – С. 102-110.
38. Войтик, Е.А. К вопросу определения медиакommunikации как понятия / Е.А. Войтик // Открытое и дистанционное образование. – 2013. – № 1. – С. 26-31.
39. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
40. Гак, В.Г. Структура диалогической речи / В.Г. Гак // Русский язык за рубежом. №3 – М., 1970 – С.75-61.

41. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики – 1972. – М., 1973. – С. 349-372.
42. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Изд. 6-ое. М.: УРСС Эдиториал, 2008. – 144 с.
43. Гаузенблаз, К. О характере и классификации речевых произведений / К. Гаузенблаз // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – Москва, «Прогресс», 1978. – С. 57-78.
44. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям сервиса / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 269, с.
45. Голоднов, А.В. Функциональная типологизация дискурсов (на примере персуазивного дискурса) / А.В. Голоднов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4/ отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ОГИИК, 2006. – С. 45-52.
46. Гончарова, Е.А., Шишкина, И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учебное пособие / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 368 с.
47. Гончарова, Е.А. Лингвистика текста и стилистика – общее и специальное в методологии и предмете изучения / Е.А. Гончарова // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – 2009. – № XVIII. – С. 33-42.
48. Гончарова, Е.А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство / Е.А. Гончарова // Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии: монография / Е.А. Гончарова и др.; редкол: А.Л. Вольский (отв. ред.), Л.Б. Копчук, И.П. Шишкина, РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2012. – С. 10-33.
49. Гончарова, Е.А. Стилистическая коннотация и грамматика / Е.А. Гончарова // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой, Санкт-Петербург, 11 марта 2016 года / Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 51-62.
50. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов; отв. ред. В.Н. Ярцева; предисл. В.И. Карасика. – Изд. 3-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. – 103 с.
51. Горский, Д.П. Логика / Д.П. Горский. – М., 1963. – 292 с.
52. Грибова, П.Н. Лингвистическая сущность диалогической речи, её роль и место в системе национального литературного языка / П.Н. Грибова

//Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – Нижний Новгород. 2013. – С. 49-59.

53. Девкин, В.Д. Особенности немецкой разговорной речи / В.Д. Девкин. – Москва: Из-во «Международные отношения», 1965. – 318 с.

54. Девкин, В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М. 1979. – 254 с.

55. Дейк, Т.А. ван – Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ/ Т.А. ван Дейк; составление В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – Москва: Прогресс, 1989. – 310 с.

56. Джабраилова, В.С. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования / В.С. Джабраилова, М.П. Фомичева // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 46-3. – С. 56-61.

57. Дикарева, С.С. Прагматические условия диалога / С.С. Дикарева. – Симферополь, 1994. – 120 с.

58. Добросклонская, Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах/ Т.Г. Добросклонская// Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 85-94.

59. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т.Г. Добросклонская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 13(184). – С. 181-187.

60. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 45-56.

61. Дзялошинский, И.М. Технология диалога в современном медиапространстве: анализ и перспективы / И.М. Дзялошинский, М.А. Пильгун // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 5. – С. 42-54.

62. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2004. – 276 с.

63. Еемеерен, Ф.Х. ван. Аргументация, коммуникация и ошибки: Пер. с англ. / Франс Х. ван Еемеерен, Роб Гроотендорст; Амстердамский ун-т. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 207 с.

64. Еемеерен, Ф.Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: Теоретическая модель анализа дискурса, направленная на разрешение конфликта мнений: Пер. с англ. / Франс Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Б. и., 1994. – 238 с.

65. Еремина, И.А. Рассуждение как переходный тип речи между монологом и диалогом: На материале английского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Московский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 19 с.
66. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации/ Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
67. Зайцев, Д.В. Теория и практика аргументации / Д.В. Зайцев. – Москва: Форум, 2010. – 223 с.
68. Зеленецкий, К.П. Общая риторика / К.П. Зеленецкий // Соч. Константина Зеленецкого. – Одесса: тип. Л. Нитче, 1849. – 138 с.
69. Зимняя, И.А. Психологическая характеристика понимания речевого сообщения / И.А. Зимняя // Оптимизация речевого воздействия/ Отв. ред. Р.Г. Котов. – М.: Наука 1990. – С. 161-169.
70. Зиновьева, А.Ф. Функционально-коммуникативный аспект целостности текста / А.Ф. Зиновьева // Прагматика и структура текста Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 209. – М., 1983. – С. 100-114.
71. Иванова, К.В. Средства речевого воздействия в системе текстового единства: взаимодействие и взаимосвязь / К.В. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: «Грамота», 2015. – Вып. 1 (43). – С. 88-92.
72. Ивин, А.А. Основы теории аргументации/ А.А. Ивин. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1997. – 351 с.
73. Изаренков, Д.И. Обучение диалогической речи / Д.И. Изаренков. – 2-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1986. – 150 с.
74. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учебное пособие / О.С. Иссерс. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 239 с.
75. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста / М.Ю. Казак // Современный дискурс-анализ. – 2012. – № 1(6). – С. 30-41.
76. Казанская, И.В. Об экспрессивности логического умозаключения / И.В. Казанская //Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. – Красноярск, 1988. – С. 323-326.
77. Калинина, Э.П. Обучение описанию и его сочетанию с другими речевыми формами (на материале нем. яз.). Учебное пособие / Э.П. Калинина. – Сыктывкар, 1978. – С. 3-49.
78. Карасик, В.И. О типах дискурса/ В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

79. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Волгоград: ВГПУ. 2008. – С. 99-109.

80. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация. Учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 151 с.

81. Квинтилиан, Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений/ Пер. с лат. Рос. акад. чл. А. Никольским. В 2-х частях. – Санкт-Петербург, 1834. – 2 т. – С. 23.

82. Кибрик, А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 61-68.

83. Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия/ Л.А. Киселева. – Л., 1978. – 160 с.

84. Киуру, К.В. Анализ имиджевого медиатекста в процессе профессиональной подготовки бакалавров рекламы и связей с общественностью: монография / К.В. Киуру. – Челябинск: Уральская Академия, 2014. – 260 с.

85. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление / Г.М. Кучинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 190 с.

86. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е.В. Клюев. – М., 2002. – 315 с.

87. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: методология исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки», 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13-21.

88. Кожин, А.Н. Функциональные типы русской речи: учебное пособие для филол. спец. ун-тов / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

89. Кожин, А.Н. Введение в теорию художественной речи: учебное пособие / А.Н. Кожин – М.: Флинта, 2013 – 224 с.

90. Колмогорова, А.В. Аргументация в речевой повседневности / А.В. Колмогорова. – М.: Изд-во «Флинта» 2009. – 152 с.

91. Колокольцева, Т.Н. Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) / Т.Н. Колокольцева // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2000. – С. 50-57.

92. Колшанский, Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М: Высшая школа, 1965. – 240 с.

93. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. Изд. 2-е, стер. / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
94. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Ленанд, 2018. – 176 с.
95. Кононова, И.В. Иронические эвфемистические единицы военно-политического дискурса как средство манипулирования сознанием в новостных СМИ / И.В. Кононова, Ю.В. Лебединская // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Руберт И.Б. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. – С. 30-34.
96. Коньков, В.И. Речевая структура газетного текста / В.И. Коньков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 158 с.
97. Конюхов, Н.И. Словарь-справочник по психологии / Н.И. Конюхов. – М.: Б. и., 1996. – 154 с.
98. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. Учебное пособие / О.А. Кострова. – М.: Изд. «Флинта» 2004. – 239 с.
99. Кофман, Е.П. Языковые формы выражения логического умозаключения / Е.П. Кофман // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. – Красноярск, 1988. – С. 326-329.
100. Кошанский, Н.Ф. Общая риторика/ [соч.] Н. Кошанского. – Изд. 3-е. – изд. – СПб.: В типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел 1854. – 131 с.
101. Кривоносов, А.Д. Функционально-смысловые типы речи / А.Д. Кривоносов // Русский язык и культура речи: практикум. – Москва: Гардарики, 2000. – С. 70-73.
102. Кривоносов, А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А.Д. Кривоносов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2001. – 254 с.
103. Кривоносов, А.Т. Экспрессивные синтаксические конструкции как форма выражения логических умозаключений (на материале конструкций с причинными союзами) / А.Т. Кривоносов // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. – Красноярск, 1988. – С. 329-334.
104. Кривоносов, А.Т. Язык. Логика. Мышление / А.Т. Кривоносов. – Москва-Нью-Йорк, 1996. – 683с.

105. Крылова, О.А. Основы функциональной стилистики русского языка: (Пособие для филологов-иностранцев) / О.А. Крылова. – М.: Русский язык, 1979. – 224 с.
106. Кутянина, Е.М. Системное моделирование переспроса в немецком диалогическом синтаксисе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04/ Иркутский лингвистический ун-т. – Иркутск, 1998. – 17 с.
107. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление / Г.М. Кучинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 190 с.
108. Леонова, Л.А. О типологии диалогических единств / Л.А. Леонова // Проблемы английской филологии и психолингвистики. Вып.1. – Калинин, 1972. – С. 72-85.
109. Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
110. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию / М.В. Ломоносов. – Изд-во: При Императорской Академии наук. – СПб, 1810. – 327 с.
111. Любашина, Т.И. Функционирование речевого фрагмента типа «рассуждение» в ораторском тексте / Т.И. Любашина // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. – Красноярск, 1988. – С. 288-290.
112. Макаров, М.Л. Коммуникативная структура текста / Л.М. Макаров. – Тверь, 1990. – С. 19-33.
113. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие/ А.Ю. Маслова. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.
114. Матвеева, Г.Г., Ленец, А.В., Петрова, Е.И. Основы прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. – Москва: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2014. – С. 55–73.
115. Мельник, Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г.С. Мельник. // Журналистский ежегодник. – 2012. – №1 – С. 27 – 29.
116. Михайлов, Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи / Л.М. Михайлов. – М., 1986. – 110 с.
117. Михальская, А.К. Основы риторики: Мысль и слово / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
118. Назарова, Н.Б. Исследование словосочетаний в композиционно-речевых формах: описании, повествовании, рассуждении / Н.Б. Назарова. – М.: МЭСИ, 2013. – 191 с.

119. Нечаева, О.А. Рассуждение как тип речи. Логический и структурно-лингвистический аспекты рассуждения как типа речи / О.А. Нечаева // Вопросы стилистики русского языка. – Улан-Удэ, 1972а. – С. 3-16.

120. Нечаева, О.А. Смысловые разновидности рассуждений и их языковая форма / О.А. Нечаева // Вопросы стилистики русского языка. – Улан-Удэ, 1972б. – С. 17-39.

121. Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение / О.А. Нечаева. – Улан-Удэ, 1974а. – 361 с.

122. Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О.А. Нечаева. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974б. – 262 с.

123. Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.02.01) / Московский областной педагогический ин-т им. Н. К. Крупской. – Москва, 1975. – 45 с.

124. Общенье. Текст. Высказывание / Т. Я. Андрющенко, В.И. Батов, В.П. Белянин и др.; Отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 172 с.

125. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 262 с.

126. Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.

127. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Джон Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.

128. Оськина, И.В. Риторический вопрос и его роль в выражении умозаключений / И.В. Оськина // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. – Красноярск, 1988. – С. 344-347.

129. Палехова, О.В. Диалог как сфера реализации рассуждения / О.В. Палехова // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 61-63.

130. Пелевина, Н.Н. Рассуждение в композиционно-речевой структуре научного и художественного текстов / Н.Н. Пелевина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – Т. 7. – № 21-1. – С. 71-78.

131. Пичугин, А.В. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? / А.В. Пичугин, В.Б. Смирнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 118-121.

132. Плотникова, А.В. Средства связи компонентов диалогических единств/ А.В. Плотникова// Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Международная научная конференции. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 157-159.

133. Подкидышева, И.В. Коммуникативные функции композиционно-речевой формы "рассуждение" в художественном тексте: на материале современной немецкой прозы: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. – Ленинград, 1988а. – 206 с.

134. Подкидышева, И.В. Коммуникативные функции КРФ «рассуждение» в художественном тексте (на материале современной немецкой прозы). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ленинград, 1988б. – С. 5-6.

135. Полякова, С.Е. Логика и теория аргументации: учебное пособие / С.Е. Полякова, О.А. Барташова, С.В. Киселева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – 42 с.

136. Понимание как логико-гносеологическая проблема// Сб. науч. тр. – Киев, Наукова Думка, 1982. – 272 с.

137. Поспелов, Д.А. Моделирование рассуждений: Опыт анализа мыслительных актов / Д.А. Поспелов. – М.: Радио и связь, 1989. – 182 с.

138. Почепцов, Г.Г. Информационно-политические технологии/ Г.Г. Почепцов. – М.: Центр, 2003. – 384 с.

139. Проворотов, В.И. Жанрово-институциональный метод интерпретации текста / В.И. Проворотов // Евразийский союз ученых. – 2017. – № 7-1(40). – С. 16-18.

140. Речевое общение: искусство убеждать. Учебно-методические материалы/ Сост. Н.В. Анисина, Е.Г. Ганапольская и др. – СПб.: Изд. СПбГТУ, 1999. – 129 с.

141. Риторика М.В. Ломоносова / П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, А.А. Ветушко-Калевич, Н.В. Карева, К.Н. Лемешев, Е.М. Матвеев, К.М. Номоконова, А.Н. Семихина, А.С. Смирнова, К.Ю. Тверьянович, А.К. Филиппов, М. Г. Шарихина / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 632 с.

142. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: учебное пособие / З.С. Смелкова, Л.В. Ассуирова, М.Р. Савова, О.А. Сальникова. – 3-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2004. – 318 с.

143. Руберт, И.Б. Политическая интернет-реклама как регулятивный тип дискурса/ И.Б. Руберт, О.Н. Морозова// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 150-160.

144. Рымжанова, З.М. О некоторых синтаксических особенностях композиционно-речевой формы «Описание» в импрессионистском прозаическом тексте / З.М. Рымжанова // Прагматика и структура текста. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 209. – М., 1983. – С. 129-140.

145. Свинцов, В.И. Логика / В.И. Свинцов. – М., 1997. – 288 с.

146. Селезнева, Л.В. Проявление диалогичности текста в публицистическом дискурсе / Л.В. Селезнева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 4(67). – С. 228-233.

147. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Джон Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.

148. Серль, Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Джон Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242-265.

149. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса/ Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

150. Сидоров, Е.В. Общая теория речевой коммуникации: учебное пособие / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во РГСУ, 2010. – 244 с.

151. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика: (Сложное синтаксическое целое) / Г.Я. Солганик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1991. – 181 с.

152. Солганик, Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. - 2-е изд. – М., 2000. – 256 с.

153. Солдатченкова, Ю.М. Способы оформления тезиса и контртезиса в системе аргументации в современном французском языке / Ю.М. Солдатченкова // Вопросы романо-германской филологии (Прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994. – С. 197-201.

154. Стаценко, В.И. Аргументативные функции диалогических высказываний с глаголами понимания (to understand, to see, to realize) / В.И. Стаценко // Вопросы романо-германской филологии (Прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994. – С. 188-192.

155. Степанова, М.А. Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе: На материале журнала "Der Spiegel": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

филологических наук: 10.02.04 / Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2006. – 24 с.

156. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «КО», 2008. – 252 с.

157. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

158. Таюпова, О.И. Медиалингвистика как современное научное направление / О.И. Таюпова, Н.В. Бычкова // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Т. 3. – № 1. – С. 38-44.

159. Терихов, С.А. Иллокутивное наполнение аргументативных актов / С.А. Терихов // Вопросы романо-германской филологии (Прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994. – С. 207-210.

160. Токко, Н.И. Основы анализа текста. Учебное пособие по интерпретации текста для студентов фак-та ин. яз / Н.И. Токко. – Петрозаводск, 1995. – С.29-38.

161. Топоркова, И.А. Некоторые коммуникативно-прагматические характеристики диалога / И.А. Топоркова // Лингвистическая структура текста. Сб. науч. тр. – Москва, 1988. – С. 142-146.

162. Трошева, Т.Б. Функционально-смысловые типы речи / Т.Б. Трошева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014а. – С. 726-727.

163. Трошева, Т.Б. Рассуждение / Т.Б. Трошева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014б. – С. 513-514.

164. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

165. Филиппов, К.А. Лингвистика текста и проблемы анализа устной речи: учебное пособие / К.А. Филиппов. – Л.: ЛГУ, 1989. – 96 с.

166. Филиппов, К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. 2-ое изд., испр. и доп. / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2007. – 331 с.

167. Филиппов, К.А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие / К.А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2016. – 228 с.

168. Хамаганова, В.М. Функционирование констатирующих текстов в структуре текста типа "рассуждение" / В.М. Хамаганова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2010. – № 3(32). – С. 142-149.

169. Царева, С.М. Логико-лингвистические характеристики аргументации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.07 / С.М. Царева. – Москва, 1992. – 19 с.

170. Цуциева, М.Г. Коммуникативно-прагматические аспекты политического дискурса/ М.Г. Цуциева // Вопросы германской и романской филологии: Ученые записки. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 71-76.

171. Цуциева, М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.04 / М.Г. Цуциева. – Санкт-Петербург, 2019. – 40 с.

172. Чаковская, М.С. Текст как сообщение и воздействие/ М.С. Чаковская. – М.: Высшая школа, 1986. – 127 с.

173. Чахоян, Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 167 с.

174. Чахоян, Л.П., Богоявленская, Е. А. Личностные аспекты ведения аргументации / Л.П. Чахоян // Функционально-текстовые аспекты языковых единиц: Сб.ст./ СПбГУ. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – С.12-19.

175. Чахоян, Л.П., Невзорова, Г.Д. Коммуникативная интенция в структуре речевого произведения / Л.П. Чахоян, Г.Д. Невзорова // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. науч. тр./ Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – 227 с.

176. Четина, Г.Б. Структурные модели аргументативных текстов / Г.Б. Четина // Вопросы романо-германской филологии (Прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994. – С. 217-221.

177. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие/ В.Е. Чернявская. – 6-ое изд., стер. – М.: Флинта, 2020. – 208 с.

178. Шалимова, Е.В. Специфика диалога в публицистическом тексте: трехмерная картина взаимоотношений / Е.В. Шалимова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 6. – С. 234-257.

179. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков. – М.: Издательский Дом «Социальные отношения», 2002. – 246 с.

180. Шипова, И.А. Архитектонико-речевые формы повествования как составляющая метасемиотического пространства немецкоязычного художественного текста / И. А. Шипова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 2(34). – С. 59-65.

181. Шпильная, Н.Н. Реплицирование: вторая реплика и метаязыковые операторы диалога (на материале диалоговых форматов Интернета) / Н.Н. Шпильная // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 185-200.

182. Шпомер, Е.А. Диалог как основная форма речевой коммуникации: системное описание специфических черт диалогической речи/ Е.А. Шпомер// Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – № 7. – С. 92-98.

183. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.

184. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Сборник работ / Ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 427 с.

185. Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. обзоров. Сер. "Теория и история языкознания". – М.: ИНИОН, 1984. – 222 с.

186. Яковлева, Э.Б. Фонетическая оформленность немецкой спонтанной полилогической речи: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.04 / Московский государственный лингвистический ун-т. – Москва, 2005. – 42 с.

187. Якубинский, Л.П. О диалогической речи/ Л.П. Якубинский // Русская речь: Сборник статей под ред. Л.В. Щербы. – Л., 1923. – С.116-146.

188. Якубинский, Л.П. Язык и его функционирование: Избранные работы / Л.П. Якубинский. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.

189. Якубова, Н.А. Лингво-текстовая характеристика композиционно-речевой формы «дедуктивное рассуждение» в немецкой научной прозе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04/ Московский государственный ин-т иностранных яз. им. М. Тореза. – Москва, 1988. – 23 с.

190. Яскевич, Я.С. Аргументация в науке / Я.С. Яскевич. – Минск: Университетское, 1992. – 142с.

191. Янушкевич, И.Ф. Семантико-синтаксические и прагматические свойства диалогических высказываний со значением дезинформирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

филологических наук: 10.02.04/ Пятигорский государственный педагогический ин-т. – Пятигорск, 1992. – 16 с.

192. Янушкевич, И.Ф. Аргументативные свойства диалогических текстов со значением дезинформирования / И.Ф. Янушкевич // Вопросы романо-германской филологии (Прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994. – С. 234-239.

193. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам/ Р.О. Якобсон// Р.О. Якобсон. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

194. Brinker, K., Sager, S.F. Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung / K. Brinker. – 2.Aufl. – Berlin, 1996. – 208 S.

195. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2014. – 188 S.

196. Coseriu, E. Textlinguistik. Eine Einführung / E. Coseriu. – 2. Aufl., durchges. – Tübingen, 1981. – 178 S.

197. Deppermann, A. Grammatik und Semantik aus gesprächsanalytischer Sicht / A. Deppermann. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – 351 S.

198. Dressler, W. Einführung in die Textlinguistik / W. Dressler. – Tübingen, 1973. – 135 S.

199. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 5, völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage/ Hrsg. G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta u. H. Wellmann. – Mannheim: Bibliographisches Institut&F.A. Brockhaus AO, 1995. – 864 S.

200. Eckard, R. Sprachliche Informationshandlungen / R. Eckard. – Göppingen, 1983. – 232 S.

201. Engelkamp, J. Affektive Bewertungen im Dialog./ J. Engelkamp// Dialogforschung. Jahrbuch 1980 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf: Schwann, 1981. – Bd.54 – S. 457-471.

202. Fleischer, W., Michel, G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer, Georg Michel. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1977. – 394 S.

203. Gelfert, H.D. Wie interpretiert man einen Roman? Arbeitstexte für den Unterricht / Hans-Dieter Gelfert. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993. – 199 S.

204. Heinemann, W. Diskurse als Gegenstand des Deutschunterrichts? / W. Heinemann // Angewandte Textlinguistik: Perspektiven für den Deutsch- und Fremdsprachenunterricht/ Hrgb. von M. Scherner, A. Ziegler. – Tübingen, 2006. – 310 S.

205. Helmers, H. Didaktik der deutschen Sprache / H. Helmers. – Stuttgart, 1967. – S. 171-173.
206. Henne, H., Rehbock, H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – Berlin-New-York: De Gruyter, 1979. – 274 S.
207. Hujer, D. Das System der Darstellungsarten und seine Bedeutung für die Arbeit am sprachlichen Ausdruck/ D. Hujer //Deutscherunterricht. – Leipzig, 1963 – S. 262-263.
208. Jung, M., Wengeler, M. Wörter - Argumente - Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann / M. Jung, M. Wengeler // Sprache - Sprachwissenschaft - Öffentlichkeit /Hg. v. G. Stickel. – Berlin/New York: Institut für deutsche Sprache, 1999. – S. 143-171.
209. Kayser, W. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft / W. Kayser. – Bern, München: Francke Verlag, 1973. – 460 S.
210. Kessler, Ch. Diskurswechsel als persuasive Textstrategie / Ch. Kessler // Beiträge zur Persuasionsforschung. Kessler Ch., Hoffmann M. (Hg.) – Frankfurt/M: Peter Lang, 1998. – S. 273-291.
211. Krahl, S., Kurz, J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde / S. Krahl, J. Kurz. – Leipzig, 1970. – S. 29-30.
212. Mills, S. Der Diskurs: Begriff, Theorie, Praxis / S. Mills / Übrstz. von U. Kriest. – Tübingen: Francke, 2007. – 192 S.
213. Newman, Samuel P. A practical system of rhetoric: or, The principles and rules of style, inferred from examples of writing, to which is added a historical dissertation on English style. (sixtieth edition) / Samuel P. Newman. – New York. – 1954. – 323 p.
214. Ölschläger, G. Linguistische Überlegungen zu einer Theorie der Argumentation / G. Ölschläger. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. – 140 S.
215. Porzig, W. Das Wunder der Sprache: Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. – Bern: Francke, 1962. – 424 S.
216. Riehme, J. Zum Verhältnis von sprachlichen und geistigen Fähigkeiten / J. Riehme //Pädagogik. – Leipzig, 1968. – S. 940.
217. Riesel, E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation / E. Riesel. – Moskau, 1974. – 184 S.
218. Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau, 1975. – 316 S.
219. Schank, G., Schoenthal, G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden / G. Schank, G. Schoenthal. – 2. Aufl. – Tübingen, 1983. – 121 S.

220. Schmidt, W. Pragmatische Aspekte der Steuerung von Kommunikationsvorgängen/ W. Schmidt //Thesen zu Wissenschaftlichen Konferenz der Deutschmethodiker//Deutschunterricht. – Halle (Saale), 1971. – S. 49-50.

221. Schoeberle, W. Argumentieren – Bewerten – Manipulieren. Eine Untersuchung linguistischer Kommunikationstheorie am Beispiel von Texten und von Text-Bild-Zusammenhängen aus der britischen Fernsehwerbung/ W. Schoeberle. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1984. – 326 S.

222. Schönke, E. Wirtschaftskommentare. Textlinguistische Analysen – kontrastive Untersuchungen / E. Schönke. – Bremen, 1996. S. 11-52.

223. Sowinski, B. Textlinguistik: Eine Einführung / B. Sowinski. – Stuttgart: Kohlhammer, 1983. – 176 S.

224. Sowinski, B. Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen / B. Sowinski. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 345 S.

225. Sprachliche Kommunikation: Einführung u. Übungen / Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Georg Michel: M. Baldeweg, Ch. Bergmann, H. Berthold et al. – Leipzig: Bibliogr. inst., 1988. – 257 S.

226. Spitzmüller, J. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse / J. Spitzmüller, I. Warnke. – Berlin / New York: de Gruyter, 2011. – 236 S.

227. Toulmin, S. Der Gebrauch von Argumenten. Kronberg i. Ts.: Scriptor-Verlag, 1975 Deutsche Übersetzung des englischen Originals: Toulmin, Stephen. The uses of argument. [Text. / St. Toulmin. – Cambridge, 1959. – 4. Aufgabe 1974] – 256 S.

228. Vater, H. Einführung in die Textlinguistik / H. Vater. – 3. Aufl., – München: Fink, 2001. – 221 S.

229. Vogt, J: Aspekte erzählender Prosa. Eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie./ Jochen Vogt. 8., durchgesehene. und aktualisierte Auflage. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. – 273 S.

230. Wahrig. Wörterbuch der deutschen Sprache. Neu herausg. Von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2000. – 641 S.

231. Weinrich, H. Syntax des Dialogs / H. Weinrich //Textgrammatik der deutschen Sprache. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1993. – S. 819-909.

232. Werlich, E. A text grammar of English / Egon Werlich. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1976. – 315 p.